

ЧЕЛОВЕК **СООБЩЕСТВО** **УПРАВЛЕНИЕ**

Научно-информационный журнал

Том 18

№ 3 · 2017

ЧЕЛОВЕК СООБЩЕСТВО УПРАВЛЕНИЕ

Научно-информационный
журнал

3-2017

Согласно ФЗ от 29.12.2010 №436-ФЗ журнал относится к категории информационной продукции для детей, достигших возраста 12 лет

Дизайн обложки: С.Г. Ажгихин, М.Н. Марченко. Оригинал-макет: Д.А. Хрипков

Главный редактор:

Морозова Елена Васильевна, д-р филос. наук, проф. (КубГУ, Россия)

Учредитель:

Кубанский государственный университет

Адрес редакции:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149, к. 404-н. Тел.: (861) 219-95-63

Адрес издателя:

350040, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149. Кубанский государственный университет

Журнал издается с марта 1999 г. Периодичность — 4 номера в год. Свидетельство о регистрации № Р2829 от 16 марта 1999 г. выдано Северо-Кавказским региональным управлением регистрации и контроля за соблюдением законодательства о средствах массовой информации и печати Комитета РФ по печати. Журнал распространяется по подписке. Цена свободная. Подписной индекс по каталогу «Роспечать» 46483.

Позиция редакции может не совпадать с мнением авторов.

Журнал включен в утвержденный ВАК Перечень ведущих рецензируемых научных журналов и изданий, в которых должны быть опубликованы основные результаты диссертаций на соискание ученой степени по следующим отраслям науки: 19.00.00 — психологические науки; 22.00.00 — социологические науки; 23.00.00 — политология.

Статьи для публикации принимаются по эл. адресу: chsu1999@yandex.ru

Сайт журнала: <http://chsu.kubsu.ru>

Отпечатано в типографии Издательско-полиграфического центра КубГУ, Краснодар, ул. Ставропольская, 149.

Подписано в печать 30.09.2017.
Уч.-изд. л. 11,4. Усл. печ. л. 11,75.
Тираж 1000 экз. Заказ №

Редакционный совет:

Алексеева Т.А., д-р филос. наук, проф., МГИМО(У) МИД РФ, Россия; **Бедерханова В.П.**, д-р пед. наук, проф., КубГУ, Россия; **Дёмин А.Н.**, д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия; **Дженкинс Р.**, д-р социологии, проф., Университет Шеффилда, Великобритания; **Дмитриев А.В.**, д-р филос. наук, проф., член-корреспондент РАН, Институт социологии РАН, Россия; **Журавлев А.А.**, д-р психол. наук, проф., член-корреспондент РАН, Институт психологии РАН, Россия; **Зинченко Ю.П.**, д-р психол. наук, проф., МГУ им. М. В. Ломоносова, Россия; **Знаков В.В.**, д-р психол. наук, проф., Институт психологии РАН, Россия; **Мкртичян А.Е.**, д-р филос. наук, Ереванский государственный университет, Армения; **Никовская Л.И.**, д-р социол. наук, проф., Институт социологии РАН, Россия; **Оркени А.**, д-р социол. наук, проф., Университет имени Лоранда Этвёша, Венгрия; **Подшивалкина В.И.**, д-р социол. наук, проф., Одесский национальный университет им. И.И. Мечникова, Украина; **Романова А.П.**, д-р филос. наук, проф., Астраханский ГУ, Россия; **Ротт С.**, PhD, проф., Бизнес-школа Ла Рошель, Франция; **Семененко И.С.**, д-р полит. наук, член-корреспондент РАН, ИМЭМО РАН, Россия; **Сморгунов Л.В.**, д-р филос. наук, проф., СПбГУ, Россия; **Шабров О.Ф.**, д-р полит. наук, проф., РАНХиГС, Россия.

Редакционная коллегия:

Жаде З.А., д-р полит. наук, проф., Адыгейский ГУ, Россия; **Кольба А.И.**, д-р полит. наук, доц., КубГУ, Россия (зам. гл. редактора); **Нарыков Н.В.**, д-р филос. наук, проф., Краснодарский университет МВД, Россия; **Оберемко О.А.**, канд. социол. наук, доц., ГУ ВШЭ, Россия; **Ожигова Л.Н.**, д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия (зам. главного редактора); **Поцелуев С.П.**, д-р полит. наук, проф., ЮФУ, Россия; **Проказина Н.В.**, д-р социол. наук, проф., Среднерусский институт управления РАНХиГС, Россия; **Рябикина З.И.**, д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия; **Рябченко Н.А.**, канд. полит. наук, КубГУ, Россия (тех. директор); **Фадеева Л.А.**, д-р ист. наук, проф., Пермский ГНИУ, Россия; **Фоменко Г.Ю.**, д-р психол. наук, проф., КубГУ, Россия; **Хагуров Т.А.**, д-р социол. наук, КубГУ, Россия.

ПОЛИТИЧЕСКОЕ УПРАВЛЕНИЕ

- Бардин А.А., Пантин В.И.* Политизация дискурса по проблемам миграционного регулирования в Европейском союзе 6
- Преображенская А.А.* Французская модель интеграции иммигрантов: испытание временем 18

ПУБЛИЧНАЯ ПОЛИТИКА

- Волкова А.В.* Механизмы «умного регулирования» в публичной политике современной России: расширение гражданского участия 37

СОЦИАЛЬНЫЕ ПРАКТИКИ

- Петрова А.Ю., Плотицкина Н.В.* Возрастные конструкты в нарративах студентов Кубанского государственного университета 53

ПСИХОЛОГИЯ ЛИЧНОСТИ

- Борцова М.В., Некрасов С.Д.* Отношения родителей к использованию дошкольником электронных гаджетов 69
- Дахно В.М.* Идентификация с семейными ролями у юношей и девушек из неполных семей 81

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Киреева О.В., Педанова Е.Ю., Дёмин А.Н.* Отношение к кредитам и социальный статус личности 95

СОЦИАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

- Пищик В.И., Спивачук З.В.* Отношения мужчины и женщины в условиях псевдопатриархальной семьи: социально-психологический взгляд 108
- Князев Е.Б.* Групповые различия соотношения социальных установок в пространстве мотивационно-потребностной сферы у студентов с разной степенью представлений о себе как о подчиняемой личности 115

НАУЧНАЯ ЖИЗНЬ

- Тучина О.Р.* Международная научная конференция «Этнос и культура в эпоху глобализации» 126
- Наши авторы 130
- К сведению авторов 134
- Порядок приёма и рецензирования рукописей 140

HUMAN COMMUNITY MANAGEMENT

Scientific Journal

3-2017

Editor-in-chief:

Prof. **Elena V. Morozova**, Dr. Sci.
(Philosophy), Kuban State University;
Krasnodar, Russia

Founder:

Kuban State University

Editor's office address:

149 Stavropolskaya St., room к. 404N,
Krasnodar 350040, Russian Federation
tel. +7 861 2199563

Founder's Address:

149 Stavropolskaya St., Kuban State
University

Published since March 1999 quarterly
Registered under certificate № P2829
of March 16, 1999 issued by the North-
Caucasus Regional Board on Registration and
Monitoring of the Law on Mass Media and
Press of the Russian Federation Committee
for Press. Distributed by subscription. Free
price. Subscription index in Rospechat cata-
logue 46483.

The position of the editorial board may not
coincide with the opinion of the authors.

The journal is included by the Higher
Attestation Commission of the Ministry
of Education and Science of the Russian
Federation in the list of leading peer-re-
viewed scientific journals and periodicals.
It publishes articles on the following fields of
science: 19.00.00 — psychology; 22.00.00 —
sociology; 23.00.00 — political science.

Contributions for publication are accepted
at chsu1999@yandex.ru

Web-site: <http://chsu.kubsu.ru>

Editorial Council:

Prof. **Tatyana A. Alekseeva**, Dr. Sci. (Philosophy), MGIMO
University, Moscow, Russia; Prof. **Vera P. Bederkhanova**,
Dr. Sci. (Pedagogy), Kuban State University, Krasnodar, Russia;
Prof. **Andrey N. Diomin**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State
University, Krasnodar, Russia; Prof. **Anatoly V. Dmitriev**, Dr. Sci.
(Philosophy), Rus. Acad. Sci. Corresp. Member, Rus. Acad. Sci.
Institute of Sociology, Moscow, Russia; Prof. **Richard Jenkins**,
Dr. Sci. (Sociology), University of Sheffield, Sheffield, Great Britain;
Prof. **Anatoly L. Zhuravlev**, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci.
Full Member, Moscow, Russia; Prof. **Yuri P. Zinchenko**, Dr. Sci.
(Psychology), Moscow State University, Moscow, Russia; Prof.
Viktor V. Znakov, Dr. Sci. (Psychology), Rus. Acad. Sci. Institute
of Psychology, Moscow, Russia; Prof. **Artur E. Mkrtichyan**,
Dr. Sci. (Sociology), Yerevan State University, Yerevan, Armenia;
Prof. **Larissa I. Nikovskaya**, Dr. Sci. (Sociology), Rus. Acad. Sci.
Institute of Sociology, Moscow, Russia; Prof. **Antal Orkeny**,
DSc, Rolando Eötvös University of Budapest, Hungary; Prof.
Valentina I. Podshivalkina, Dr. Sci. (Sociology), Odessa National
University, Odessa, Ukraine; Prof. **Anna P. Romanova**, Dr. Sci.
(Philosophy), Astrakhan State University, Astrakhan, Russia; Prof.
Steffen Roth, PhD, La Rochelle Business School, La Rochelle,
France; **Irina S. Semenenko**, Dr. Sci. (Political Science), Rus.
Acad. Sci. Corresp. Member, Rus. Acad. Sci. Institute of World
Economy and International Relations, Moscow, Russia; Prof.
Leonid V. Smorgunov, Dr. Sci. (Philosophy), St. Petersburg State
University, St. Petersburg, Russia; Prof. **Oleg F. Shabrov**, Dr. Sci.
(Political Science), Russian Academy of Economy and Public
Service, Moscow, Russia.

Editorial Board:

Prof. **Zuriet A. Zhade**, Dr. Sci. (Political Science), Adyge
State University, Maikop, Russia; Assist. Prof. **Aleksey I. Kolba**,
Dr. Sci. (Political Science), Kuban State University, Krasnodar,
Russia (*Deputy editor-in-chief*); Prof. **Nikolaj V. Narykov**,
Dr. Sci. (Philosophy), Krasnodar University of the Ministry
of internal Affairs of the Russian Federation, Krasnodar, Russia;
Oleg A. Oberemko, Cand. Sci. (Sociology), Higher School
of Economics National Research University, Moscow, Russia;
Prof. **Liudmila N. Ozhigova**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State
University, Krasnodar, Russia (*Deputy editor-in-chief*); Prof.
Sergey P. Potseluyev, Dr. Sci. (Political Science), Southern Federal
University, Rostov-on-Don, Russia; Prof. **Natal'ja V. Prokazina**,
Dr. Sci. (Sociology), Central Russian Institute of Management,
Branch of Russian Academy of Economy and Public Service, Orel,
Russia; Prof. **Zinaida I. Ryabikina**, Dr. Sci. (Psychology), Kuban
State University, Krasnodar, Russia; **Natalya A. Ryabchenko**,
Cand. Sci. (Political Science), Kuban State University, Krasnodar,
Russia (*Technical Director*); Prof. **Liubov A. Fadeeva**, Dr. Sci.
(History), Perm State Research University, Perm, Russia; Prof.
Galina Yu. Fomenko, Dr. Sci. (Psychology), Kuban State University,
Krasnodar, Russia; **Temyr A. Khagurov**, Dr. Sci. (Sociology), Kuban
State University, Krasnodar, Russia.

POLITICAL MANAGEMENT

Bardin A.L., Pantin V.I. Politization of discourse on the problems of regulation of migration in the EU 6

Preobrazhenskaya A.A. The French model of integration of immigrants: test of time 18

PUBLIC POLICY

Volkova A.V. Mechanisms of “smart regulation” of public policy in contemporary Russia: development of citizen participation 37

SOCIAL PRACTICES

Petrova A.Yu., Plotichkina N.V. Age structures in narratives of students of Kuban State University 53

PERSONALITY PSYCHOLOGY

Bortsova M.V., Nekrasov S.D. Parents’ attitude towards child’s using e-gadgets ... 69

Dakhno V.M. Family roles self-identification of young males and females from two-parent and single-parent families. 81

ECONOMIC PSYCHOLOGY

Kireeva O.V., Pedanova E.Yu., Djomin A.N. Attitude towards loans and person’s social status. 95

SOCIAL PSYCHOLOGY

Pishchik V.I., Spivachuk Z.V. Relations between a man and a woman in a pseudopatriarchal family: a socio-psychological view 108

Knyazev E.B. Group difference of correlation of social attitudes in motivation and need sphere of students with different self-perception as obedient personality 115

ACADEMIC EVENTS

Tuchina O.R. International scientific conference “Ethnicity and culture in the era of globalization” 126

Our authors 132

Information for the authors. 139

Procedure for receiving and reviewing manuscripts. 141

ПОЛИТИЗАЦИЯ ДИСКУРСА ПО ПРОБЛЕМАМ МИГРАЦИОННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ В ЕВРОПЕЙСКОМ СОЮЗЕ¹

.....

Бардин А. Л., Пантин В. И.

Бардин Андрей Леонидович,
Центр сравнительных социально-экономических и политических
исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН,
117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23.
Эл. почта: andreybardin@gmail.com.

Пантин Владимир Игоревич,
Центр сравнительных социально-экономических и политических
исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики
и международных отношений им. Е. М. Примакова РАН,
117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23. Эл. почта: v.pantin@mail.ru.

В статье рассмотрен политический дискурс, связанный с проблемами миграционно-го регулирования и интеграции инокультурных иммигрантов в странах Европейского союза, причем основное внимание уделено изменению данного политического дискурса после начала острой фазы миграционного кризиса в 2015 г. Показано, что обострение миграционного кризиса в ЕС не только стимулировало и актуализировало политический дискурс в сфере миграционного регулирования, но и обнаружило наличие разных, иногда полярно противоположных подходов в этой сфере. Заметная политизация дискурса по миграционным проблемам в странах ЕС, которая наглядно проявляется в европейских СМИ, оказала негативное влияние на социальную сплоченность общества, вызвав политическую поляризацию, рост влияния популистских партий и движений. Это поставило наднациональные структуры ЕС и политическое руководство отдельных европейских стран перед необходимостью выработки адекватного и эффективного ответа на вызовы резко возросшей этносоциальной и этнокультурной неоднородности. Проведенный анализ выявил, что широко распространенные в европейском политическом дискурсе попытки заменить (или подменить) проблему интеграции инокультурных мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки проблемой приема беженцев, а миграционный кризис переименовать в «кризис беженцев» эффективны лишь отчасти и в целом не способствуют преодолению политической поляризации. В то же время сделан вывод, что звучащие призывы к контролю над миграцией и над внешними и внутренними границами стран ЕС оказывают больший эффект и заметно влияют на политический курс целого ряда европейских государств в сфере миграционного регулирования.

¹ Статья подготовлена в Национальном исследовательском институте мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН за счет гранта Российского научного фонда, проект № 15-18-00021 «Регулирование межнациональных отношений и этносоциальных конфликтов в современном мире: потенциал гражданской идентичности (сравнительный политический анализ)».

Ключевые слова: миграционный кризис, инокультурная миграция, политический дискурс, миграционное регулирование, Европейский союз, СМИ.

Введение

С наступлением миграционного кризиса, в острой форме начавшегося в странах Европейского союза (ЕС) в 2015 г., комплекс проблем, связанных с ростом инокультурной иммиграции в Европу, актуализировался и в политическом, и в научном, и в общественном дискурсах, а политика в миграционной сфере стала предметом острых дискуссий на всех уровнях политического процесса в Европейском союзе. Объектом критики выступает как политика отдельных стран, так и решения, принимаемые на общеевропейском уровне. Так, актуальное исследование *Pew Research Center* показывает, что в среднем по 10 странам ЕС недовольны общеевропейской политикой в миграционной сфере 66% опрошенных, тогда как довольны всего 25%, при этом в ряде стран доля недовольных крайне высока (91% в Греции, 81% в Италии, 78% в Швеции) (Stokes, Wike, Manevich, 2017). Перед политиками стоит задача оперативно выработать по возможности эффективный ответ на вызов роста этнокультурной неоднородности, так как в отсутствие продуманной интеграционной политики «разнообразие выступает фактором разобщения и дестабилизации культурно гетерогенных социумов» (Цапенко, Монусова, 2016, 9). Кроме того, необходимо дать концептуальную оценку феномену массовой инокультурной миграции в ЕС, предложив приемлемую для большинства населения модель будущего решения связанных с ней проблем.

В данной статье проанализирован политический дискурс, связанный с миграционным кризисом и миграционным регулированием как в отдельных странах ЕС, так и на общеевропейском уровне. Основное внимание уделено изменению данного политического дискурса после начала острой фазы миграционного кризиса в ЕС в 2015 г.

Дискурс и социальная сплоченность: проблемы казуальности

Весьма важным вопросом является то, как миграционный кризис повлиял на социальную сплоченность в странах ЕС, поскольку от этой сплоченности во многом зависит политическая стабильность европейских стран и всего Европейского союза. Анализ политического дискурса показывает, что текущее состояние миграционных проблем в странах ЕС в совокупности с рядом других факторов оказывает негативное влияние на социальную сплоченность общества. Обратимся к этим факторам.

Во-первых, за последние годы существенно возросла политизация миграционной проблематики, эта проблематика активно обсуждается и используется политическими партиями (см., например, Helbling, Reeskens, Stolle, 2015). Если в 1980-е гг. миграционная политика, как правило, формировалась «за закрытыми дверями» и общество лишь эпизодически вовлекалось в дискуссию по тем или

иным ее аспектам, то на 1990-е гг. пришелся период ее быстрой политизации. Как следствие, миграционная политика стала одним из элементов политического курса, наиболее сильно поляризующих общество (Kriesi, Grande, Dolezal, Helbling, Höglinger, Hutter, Wüest, 2012; Lahav, 2004). Нет сомнений, что этому способствовал поступательный рост информированности населения об общественно-политических проблемах благодаря развитию электронных СМИ. С тех пор политизация миграционного вопроса остается на высоком уровне, причем она особенно усилилась с лета 2015 г., когда страны ЕС захлестнул вал миграции с Ближнего Востока и из Африки. Так, в научных работах, посвященных анализу политического дискурса по миграционной проблематике в странах ЕС, в последние годы отмечается значительный рост политизации этой проблематики и более частое, чем ранее, использование в политической риторике противостоящих друг другу когнитивных структур. К примеру, во Франции это концепт «*Français, compatriotes*» и антиконцепт «*étrangers, immigrés*») (см., например, Чекалина, 2017, 354).

Во-вторых, фактор политизации миграционной проблематики усиливается с ростом дистанцированности общества от власти, а также в связи с феноменом кризиса традиционных политических партий и подъема популистских течений. Данные различных опросов свидетельствуют, что население все более недовольно представительством своих интересов традиционными партиями. Кроме того, в случае ЕС общественное недовольство политической элитой усилилось из-за наложения друг на друга целого ряда кризисных явлений в разных сферах общественной жизни, ставших вызовом сложившейся политической системе — сначала финансовой и долговой, а затем миграционной и сфере безопасности (серия терактов в европейских городах). В сложившейся ситуации «экономическое недовольство, вызванное ростом неравенства в доходах, усугубилось опасениями (мнимыми или реальными) угрозы потери национальной идентичности, культурной самобытности вследствие массового наплыва в Европу мигрантов — представителей инокультурных групп» (Глухова, 2017, 55).

Таким образом, с одной стороны, фиксируется тенденция «*down-up*», в рамках которой электоральное поведение становится менее уравновешенным и предсказуемым в силу общественного недовольства представительством своих интересов. С другой стороны, раскол среди политических сил по миграционной проблеме создает эффект посылаемых обществу «*up-down*» «импульсов нестабильности», что ведет к еще большей его поляризации. Так, в Германии на А. Меркель оказывают давление, с одной стороны, члены ХДС и ХСС, выступающие за ужесточение миграционной политики, с другой — представители объединений «Союз 90 / Зелёные», партии «Левая» и значительной части СДПГ, требующие, напротив, большего гуманизма по отношению к беженцам (Тимошенкова, 2017, 25–26). Одновременно все больше сторонников набирают движение ПЕГИДА и «Альтернатива для Германии», выступающие за принципиально иной, значительно более жесткий подход к регулированию миграционной проблемы. Считая политику Меркель про-

важной, они активно оперируют стереотипами о том, что мусульмане не способны к интеграции, что германское общество «завоевывается» ими, тогда как власти «сидят сложа руки, предавая нацию» (Geiges, Stine, Walter, 2015; Thran, Boehnke 2015). Фактически немецкое общество расколото примерно поровну, и наиболее активный протест инструментализируется правыми и левыми радикалами.

В-третьих, проблему представляет ценностная концептуализация текущего кризиса, в политическом дискурсе фреймируемого прежде всего как «кризис беженцев». Как резюмирует Е. А. Нарочницкая, «моральный эффект сочувствия к беженцам широко эксплуатируется в качестве инструмента, с помощью которого формируется определенный образ событий и продвигаются определенные идеи и позиции. Происходящее представляется главным образом как 'кризис беженцев', а не как многоаспектный миграционный кризис (каковым он очевидно и является.— А.Б., В.П.). Глубинный смысл именованного всех нелегальных мигрантов беженцами в том и состоит, чтобы распространить моральное обязательство приема на всех. Встречается еще более узкая и политизированная версия, согласно которой речь идет о беженцах, 'спасающихся от диктатуры Башара Асада'. Автор справедливо отмечает доминирование здесь дискурса политической корректности, которое избегает аналитического подхода к проблеме: «Не обсуждаются ни внешнеполитическая роль Европы в дестабилизации Ближнего Востока, ни негативные последствия эмиграции среднего класса для будущего стран исхода» (Нарочницкая, 2016, 31–32). Между тем, как показывает даже беглый анализ соцсетей, большинство активных их пользователей отдают себе отчет в этих проблемах и негативно воспринимают их замалчивание, возлагая, к примеру, на канцлера Германии вину за миграционный кризис и связывая попытки с расплатой за участие этой страны в действиях на Ближнем Востоке.

Дискурсивные аспекты проблем миграционного регулирования

Вопрос, касающийся общественного восприятия иммиграции в странах Евросоюза, выходит за рамки публичных дебатов и СМИ. Как представляется, в его основе лежит принципиальная и до сих пор не решенная проблема, связанная с приёмом и интеграцией мигрантов. Другими словами, существует ощутимое противостояние межправительственного и наднационального методов управления и регулирования иммиграции, причём большинство стран — членов ЕС по-прежнему стремятся сохранить принятие решений в этой области в рамках внутренней политики своих государств.

При этом важно обратить внимание на концептуальную рамку миграционной политики стран ЕС. В наши дни начинает развиваться так называемая концепция «цивильного гражданства», пришедшая на смену не оправдавшим себя практикам ассимиляции и мультикультурализма. Она включает в себя поиски баланса между правами и обязанностями мигрантов. При этом, как считают специалисты, отказ национальных государств от исключительной компетенции в плане

предоставления гражданства маловероятен (Биссон, 2015, 25). В немалой степени именно это противоречие формирует устойчивый публичный дискурс восприятия иммигрантов, присущий каждой стране, несмотря на то, что в Евросоюзе официально декларируется и продвигается наднациональная «европейская» идентичность. Это способствует изменению прежнего отношения к мигрантам. Например, Нидерланды, прежде одна из самых благосклонных по отношению к иммигрантам стран Европы, ужесточили свою политику: теперь государственная поддержка тех, кто находится в ожидании решения о предоставлении убежища, должна быть сокращена; те же, кто в итоге не получил официального разрешения на пребывание, должны быть депортированы из страны.

Этому решению способствовал ряд факторов, таких как рекордные показатели по иммиграции (более 52 тыс. чел. в 2015 г.) и развернувшаяся в связи с этим в Нидерландах широкая дискуссия о политике интеграции и миграционном кризисе. Число публикаций, касающихся положения мигрантов на территории королевства, резко увеличилось: так, ведущая газета *De Telegraaf* в 2014 г. посвятила миграции всего 15 материалов, тогда как только за осень 2015 г. их вышло 87 (Гладкова, 2016, 68). Как показывает анализ публикаций, больше всего общество волновали действия правительства по регулированию миграционных потоков в Нидерланды и политика стран ЕС в ситуации миграционного кризиса, общественные инициативы в поддержку мигрантов внутри страны, личные истории беженцев и вопросы преодоления ими языкового и культурного барьера. Личный интерес к происходящему как со стороны обычных граждан, так и политиков высокого уровня фиксируется в более персонализированном и эмоционально насыщенном характере публикаций, в которых встречаются идиомы, большое количество метафор и разговорных выражений (Гладкова, 2016, 69–71). Специалисты отмечают столкновения мнений по поводу будущего мигрантов, опубликованных на страницах прессы. С одной стороны, высказываются мнения по поводу того, что переизбыток мигрантов и невозможность их размещения преувеличены. С другой стороны, речь идет о наличии в обществе «отрицательной самоцензуры», когда любые претензии к иммигрантскому сообществу имплицитно рассматриваются как проявления нетерпимости.

Особо следует остановиться на образах, клише и роли СМИ в освещении миграционного кризиса и в дискурсе по поводу миграционного регулирования. Глобальные СМИ, работающие в европейских странах (наиболее известное — *Euronews*), выработали отдельный глоссарий по связанной с миграцией проблематике. Так, нелегальная транспортировка мигрантов обозначается как *human smuggling* (своего рода овеществление мигрантов для подчёркивания их тяжелой доли), используются эмоционально окрашенные пароли, такие как «опасный прецедент», «шаг в сторону нормализации», «ослабление правил предоставления убежища» (Бушев, 2016, 164). В этом отношении возникает вопрос об импле-

ментации медийного дискурса в учебный и научный дискурсы международной тематики (Бушев, 2016, 170).

Важную роль в формировании дискурсов играет вербализация образов. Так, официальные СМИ в Германии, используя понятие *Flüchtling* (беженец), придают ему нейтральную коннотацию, отталкиваясь от лексического значения слова «человека, покинувшего свой дом в спешке по политическим, религиозным, экономическим и этническим причинам». Они рассматриваются как прибывшие на территорию Германии из-за страха преследования по какому-то признаку. При этом клише «ищущий убежища» порой является негативно окрашенным — медиаматериалы по этому тегу идут в рубриках «Терроризм» и «Насилие». Термин *Asylant* (рассчитывающий на убежище) используется в однозначно негативном значении как потенциально опасный субъект (Мальцева, 2016, 39–41).

Оперирование различными клише и стереотипами наиболее характерно для популистов. Как пишет один из ведущих специалистов по миграции в ФРГ Наика Фурутан, для Германии в рамках такого дискурса типична ситуация, когда мусульмане-иммигранты репрезентируются как аутгруппа, а присущие им характеристики, такие как пол, уровень образования, фертильность и др., интерпретируются прежде всего через противопоставление аналогичным характеристикам, присущим немцам (Canan, Foroutan, 2016). Данный приём нацелен на утверждение образа («прототипа») среднестатистического мусульманина как агрессивного, отсталого, малообразованного патриархального мужчины, отца большого числа детей, угрожающего современному западному миру; ему противопоставляется прототип «современного немца» — хорошо образованного, придерживающегося ценностей равенства, имеющего мало детей (Kofman, Sawitri, Vacchelli, 2015).

На примере ФРГ также можно проследить, как освещение миграционного кризиса в СМИ оказалось подвержено влиянию властного дискурса, что в свою очередь оказало воздействие на массовое сознание. До октября 2015 г. массовый приём Германией беженцев практически всеми германскими СМИ подавался в терминах «решения гуманитарной проблемы» и репрезентировался как «окно возможностей» для страны в целом. При этом суть проблемы освещалась достаточно абстрактно и главным образом через призму действий федеральных властей в целом. Отклик той части общества, которая посчитала необходимым лично принять участие в помощи прибывающим, актуализировался, распространялся на общество в целом и транслировался в терминах максимально толерантных — «культуры гостеприимства» (*Willkommenskultur*) и «культуры признания» (*Anerkennungskultur*). Читая ведущие германские издания, можно было сделать вывод, что беженцы прибывают в Германию в основном целыми семьями, большинство из них — инженеры и врачи, имеющие высшее образование, которые станут ценными кадрами для экономики страны. Те же, кто указывал, что прибывающие в основной своей массе — это молодые, плохо образованные мужчины, которые не являются беженцами в терминологии Женевской конвенции

и не готовы к интеграции в ценностно чуждое им западное общество, клеймились как популисты, расисты и правые экстремисты, т.е. подвергались отрицательной самоцензуре. Подобный «разгул политкорректности» многими был встречен с подозрением: так, в октябре 2015 г. 47% немцев, опрошенных в рамках исследования Института демоскопии в Алленсбахе, отметили, что освещение темы миграционного кризиса в СМИ представляется им однобоким (*Mehrheit fühlt sich über Flüchtlinge einseitig informiert*, 2015).

К аналогичным выводам пришли эксперты фонда Отто Бреннера, в июле 2017 г. опубликовавшего результаты глубинного исследования дискурсивных аспектов миграционного кризиса «Кризис беженцев» в СМИ. Повседневная журналистика между мнением и информацией». Как отмечают ученые, проанализировавшие около 25 тыс. материалов германских СМИ за период с февраля 2015 г. по март 2016 г., в разгар миграционного кризиса ведущие германские СМИ «распространяли и утверждали эвфемистический нарратив культуры гостеприимства в угоду властному дискурсу» (Haller, 2017). В свою очередь, анализ материалов местных и региональных СМИ показал превалирование в них монологически выстроенных текстов (почти в 2 раза больше, чем построенных в формате диалога или полилога), что также свидетельствует о «монодирективном» характере репрезентации событий; авторы исследования сравнивают такой канал информации с «улицей с односторонним движением» (Haller, 2017, 138). В 83% сообщений ежедневной прессы концепт «культура гостеприимства» продвигался как нормативная моральная норма, обязательная к принятию и следованию; критика этого концепта подавалась в терминах необходимости его усиления и улучшения, а публикации, где концепт ставился под сомнение, оказались весьма редки (Haller, 2017, 138). Только с течением времени тональность репрезентации миграционного кризиса в СМИ стала более критической, ее фокус начал смещаться от общего к частному, к конкретным проблемам и примерам взаимодействия с мигрантами на местах, участию гражданского общества в разрешении кризиса. Постепенно фреймирование темы стало принимать форму критики способности основных политических партий справиться с кризисом.

Изменение общеевропейского политического дискурса после начала миграционного кризиса

После начала миграционного кризиса в 2015 г. общеевропейский дискурс по проблемам инокультурной миграции и миграционного регулирования стал претерпевать существенные изменения. Если до этого в общеевропейском дискурсе доминировала точка зрения, заключающаяся в исключительно позитивном отношении к приему инокультурных иммигрантов (беженцев) из стран Ближнего Востока и Северной Африки (см., например, Sommer, 2013), то теперь в этом дискурсе отчетливо прослеживаются размежевание и даже раскол по вопросу о последствиях приема странами ЕС беженцев и о подходах к регулированию миграционных

процессов. Несмотря на то что в общеевропейском дискурсе, в том числе на уровне наднациональных структур ЕС, по-прежнему преобладает официальная позиция, состоящая в необходимости принимать всех беженцев и значительную часть трудовых мигрантов, все чаще выражаются опасения, что в итоге миграционный кризис и недостаточная эффективность миграционного регулирования приведут к усилению праворадикальных политических партий и движений, а также к расколу внутри самого ЕС. Такие политические явления, как выход Соединенного Королевства из ЕС и категорическое нежелание принимать беженцев странами Вышеградской группы (Чехией, Словакией, Венгрией и Польшей), во многом подтверждают эти опасения (Migration Politics and Policies in Central Europe, 2017).

В силу этого в общеевропейском дискурсе все большее внимание уделяется вопросам сохранения единства членов ЕС перед лицом миграционной проблемы, а также проблемам регулирования миграционных процессов и интеграции инокультурных иммигрантов. Кроме того, перед лицом террористической угрозы в общеевропейском дискурсе большее внимание уделяется проблемам безопасности, внутренней и внешней секьюритизации (Kinnvall, 2016). При этом, в частности, констатируется, что нынешний миграционный поток в страны ЕС связан с «постколониальной» ситуацией на Ближнем Востоке и в Африке (Kinnvall, 2016), а проблемы формирования наднациональной европейской идентичности в условиях массовой инокультурной иммиграции требует переосмысления европейской миграционной политики в направлении языковой и культурной интеграции иммигрантов (Wodak, Boukala, 2015).

Анализируя общеевропейский политический дискурс по проблемам миграционного кризиса и миграционного регулирования, можно сделать вывод, что широко распространенные попытки заменить (или подменить) проблему интеграции инокультурных мигрантов из стран Ближнего Востока и Африки проблемой приема беженцев, а миграционный кризис переименовать в «кризис беженцев» являются эффективными лишь отчасти и в целом не способствуют преодолению политической поляризации в странах ЕС. В то же время используемые в политическом дискурсе призывы к ограничению миграции путем контроля над внешними и внутренними границами стран ЕС, а также к выдворению нелегальных иммигрантов оказывают все более заметное влияние на общественное мнение и на политику целого ряда европейских государств. Учитывая это обстоятельство, можно прогнозировать следующие тенденции в миграционном регулировании стран ЕС: 1) усиление внимания к проблемам безопасности, ограничение инокультурной иммиграции путем контроля над границами; 2) более активное участие структур гражданского общества, наднациональных и государственных институтов в адаптации и интеграции инокультурных мигрантов; 3) переосмысление европейской миграционной политики, расширение круга прицельных, с учетом местной (города, региона) специфики, мероприятий по языковой и культурной интеграции мигрантов.

Библиографический список

1. Биссон, Л. С. (2015). *Регулирование в сфере легальной иммиграции в Европейском союзе: факторы, методы и инструменты*. (Автореферат канд. диссертации). Москва: Институт Европы РАН.
2. Бушев, А. Б. (2016). Вопросы миграции и религиозной идентичности в дискурсе глобальных СМИ. *Вестник ТвГУ. Серия Филология*, (1), 163–171.
3. Гладкова, А. А. (2016). Тема миграции в нидерландской прессе (на примере публикаций газеты De Telegraaf за 2014–2015 гг.). *Вестник Московского университета. Серия 10. Журналистика*, (4), 63–82.
4. Глухова, А. В. (2017). Популизм как политический феномен: вызов современной демократии. *Полис. Политические исследования*, (4), 49–68.
5. Мальцева, Ю. А. (2016). Концепт «беженец» в немецких медиатекстах. *Знак: проблемное поле медиаобразования*, (5), 39–43.
6. Нарочницкая, Е. А. (2016). «Кризис беженцев» и иммиграционный вопрос в Европе. *Актуальные проблемы Европы*, (4), 20–37.
7. Тимошенкова, Е. П. (2017). Особенности партийно-политического развития ФРГ и миграционный кризис 2015–2016 гг. В Б. П. Гуселетов (ред.) *Трансформация партийно-политического ландшафта в странах Евросоюза в условиях кризиса. Ч. I*. (с. 20–34). Москва: Институт Европы РАН.
8. Цапенко, И. П., Монусова, Г. А. (2017). Интеграционный потенциал этнокультурного разнообразия в европейских социумах. *Полис. Политические исследования*, (4), 90–105.
9. Чекалина, Т. В. (2017). К вопросу о языковой репрезентации концептуальной оппозиции «свой-чужие» в современном французском политическом дискурсе (на материале выступлений политических лидеров Франции по вопросам миграции). В *Литературоведение и языкознание: современные трансформации и традиции. Сборник материалов конференции* (с. 352–359). Симферополь: НОО «Профессиональная наука».
10. Canan, C., Foroutan, N. (2016). Changing perceptions? Effects of Multiple Social Categorisation on German Population's Perception of Muslims. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 42 (12), 1905–1924.
11. Geiges, L., Stine M., Walter F. (2015). *Pegida. Die schmutzige Seite der Zivilgesellschaft?* Bielefeld, Germany: Transcript.
12. Haller, M. (2017). Die „Flüchtlingskrise“ in den Medien. Tagesaktueller Journalismus zwischen Meinung und Information. *Eine Studie der Otto Brenner Stiftung*. Frankfurt am Main. Retrieved from https://www.otto-brenner-stiftung.de/fileadmin/user_data/stiftung/Aktuelles/AH93/AH_93_Haller_Web.pdf
13. Helbling, M., Reeskens, T., Stolle, D. (2015). Political Mobilisation, Ethnic Diversity and Social Cohesion: The Conditional Effect of Political Parties. *Political Studies*, 63 (1), 101–122.
14. Kinnvall, C. (2016). The Postcolonial has Moved into Europe: Bordering, Security and Ethno-Cultural Belonging. *Journal of Common Market Studies*, 54 (1), 152–168.
15. Kofman, E., Sawitri, S., Vacchelli, E. (2015). Gendered Perspectives on Integration Discourses and Measures. *International Migration*, 53 (4), 77–89.

16. Kriesi, H., Grande, E., Dolezal, M., Helbling, M., Höglinger, D., Hutter, S., Wüest, B. (2012). *Political Conflict in Western Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
17. Lahav, G. (2004). *Immigration and Politics in the New Europe: Reinventing Borders*. Cambridge: Cambridge University Press.
18. Mehrheit fühlt sich über Flüchtlinge einseitig informiert. (2015, Dezember 16). *FAZ*. Retrieved from http://www.faz.net/aktuell/politik/fluechtlingskrise/allensbach-umfrage-zu-medienberichterstattung-in-fluechtlingskrise-13967959.html?printPagedArticle=true#pageIndex_2
19. *Migration Politics and Policies in Central Europe*. (2017). Bratislava: GLOBSEC Policy Institute.
20. Sommer, S. (2013). Opening Fortress Europe? Constructing a New Approach to EU Migration Policy. *Brussels Journal of International Studies*, (10), 42–81.
21. Stokes, B., Wike, R., Manevich, D. (2017). Post-Brexit, Europeans More Favorable Toward EU. *Pew Research Center*, June: 15. Retrieved from http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/2/2017/06/19101129/Pew-Research-Center_Post-Brexit-European-Views-of-EU_Full-Report_06.15.2017.pdf
22. Thran, M., Boehnke, L. (2015). The Value-Based Nationalism of Pegida. *Journal for Deradicalization*, 15 (3), 178–209.
23. Wodak, R., Boukala, S. (2015). (Supra)national Identity and Language: Rethinking National and European Migration Policies and the Linguistic Integration of Migrants. *Annual Review of Applied Linguistics*, 35, 253–273.

Статья поступила в редакцию 18.05.2017

.....

POLITIZATION OF DISCOURSE ON THE PROBLEMS OF REGULATION OF MIGRATION IN THE EU

Bardin A. L., Pantin V. I.

Bardin Andrei Leonidovich, Center for Comparative Socio-Economic and Political studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 117997, Russia, Moscow, Profsojuznaja Str., 23.
E-mail: andreybardin@gmail.com.

Pantin Vladimir Igorevich, Center for Comparative Socio-Economic and Political studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 117997, Russia, Moscow, Profsojuznaja Str., 23.
E-mail: v.pantin@mail.ru.

This article has been written with the financial support of a grant provided by the Russian Science Foundation within the framework of project No. 15–18–00021, “Regulating interethnic relations and managing ethnic and social conflicts in the contemporary world: the resource potential of civic identity (a comparative political analysis)” at the Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences.

The article deals with political discourse on the problems of migration regulation and integration of immigrants from different cultures in the EU countries with focus on dynamics of this discourse in the aftermath of the migration crisis peak in 2015. The research shows that the aggravation of migration crisis in the EU not only stimulated and actualized political discourse on the regulation of migration, but also revealed the presence of different, sometimes oppositional approaches in this field. Visible politicization of the discourse on migration problems in

the EU countries, which is evident in the European mass media, has a negative impact on the social cohesion of society, triggering political polarization, and contributes to growing influence of populist parties and movements. This puts the supranational structures of the EU and the political leadership of individual European countries before the need to develop an adequate and effective response to the challenges of a dramatically increased ethno-social and ethno-cultural heterogeneity. The analysis shows that attempts to replace (or substitute) the problem of integration of migrants from the countries of the Middle East and Africa with the refugee problem, and the migration crisis being renamed the “refugee crisis”, are only partially effective and in general do not contribute to overcoming political polarization. The calls in the political discourse for control over migration, as well as over the external and internal borders of the EU countries have a greater effect and affect the policies of a number of EU member states.

Key words: migration crisis, migrants from different cultures, political discourse, regulation of migration, EU, mass-media.

References

1. Bisson, L. S. (2015). *Regulirovanie v sfere legal'noj immigracii v Evropejskom sojuze: faktory, metody i instrument* [Regulation in the Sphere of Legal Migration in the EU: Factors, Methods and Tools]. (Abstract of the Cand. Dissertation). Moscow: Institute of Europe, Russian Academy of Sciences.
2. Bushev, A. B. (2016). Voprosy migracii i religioznoj identichnosti v diskurse global'nyh SMI [Issues of Migration and Religious Identity in the Discourse of Global Mass-Media]. *Vestnik TvGU. Serija Filologija* [Bulletin of Tver State University. Series: Philology], (1), 163–171.
3. Canan, C. & Foroutan, N. (2016). Changing perceptions? Effects of Multiple Social Categorisation on German Population's Perception of Muslims. *Journal of Ethnic and Migration Studies*, 42 (12), 1905–1924.
4. Chekalina, T.V. (2017). K voprosu o jazykovoj reprezentacii konceptual'noj oppozicii “svoichuzhie” v sovremennom francuzskom politicheskom diskurse (na materiale vystuplenij politicheskikh liderov Francii po voprosam migracii) [On Linguistic Representation of the Concept “of Own and Alien” in Modern French Political Discourse (based on the material of speeches of political French leaders concerning migration)]. In *Literaturovedenie i jazykoznanie: sovremennye transformacii i tradicii. Sbornik materialov konferencii* [Literary Studies and Science of Language. Collection of Conference Materials] (pp. 352–359). Simferopol': NOO “Professional'naja nauka”.
5. Geiges, L., Stine M. & Walter F. (2015). *Pegida. Die schmutzige Seite der Zivilgesellschaft?* Bielefeld, Germany: Transcript.
6. Gladkova, A. A. (2016). Tema migracii v niderlandskoj presse (na primere publikacij gazety De Telegraaf za 2014–2015 gg.) [The Topic of Migration in the Netherlands Mass-Media (On the Example of De Telegraaf Publications in 2014–2015)]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Serija 10. Zhurnalistika* [Bulletin of the Moscow University. Series 10. Journalism], (4), 63–82.
7. Gluhova, A. V. (2017). Populizm kak politicheskij fenomen: vyzov sovremennoj demokratii [Populism as a Political Phenomena and the Challenge of the Modern Democracy]. *Polis. Political Studies*, (4), 49–68.
8. Haller, M. (2017). Die „Flüchtlingskrise“ in den Medien. Tagesaktueller Journalismus zwischen Meinung und Information. *Eine Studie der Otto Brenner Stiftung*. Frankfurt

- am Main. Retrieved from https://www.otto-brenner-stiftung.de/fileadmin/user_data/stiftung/Aktuelles/AH93/AH_93_Haller_Web.pdf
9. Helbling, M., Reeskens, T. & Stolle, D. (2015). Political Mobilisation, Ethnic Diversity and Social Cohesion: The Conditional Effect of Political Parties. *Political Studies*, 63 (1), 101–122.
10. Kinnvall, C. (2016). The Postcolonial has Moved into Europe: Bordering, Security and Ethno-Cultural Belonging. *Journal of Common Market Studies*, 54 (1), 152–168.
11. Kofman, E., Sawitri, S. & Vacchelli, E. (2015). Gendered Perspectives on Integration Discourses and Measures. *International Migration*, 53 (4), 77–89.
12. Kriesi, H., Grande, E., Dolezal, M., Helbling, M., Höglinger, D., Hutter, S. & Wüest, B. (2012). *Political Conflict in Western Europe*. Cambridge: Cambridge University Press.
13. Lahav, G. (2004). *Immigration and Politics in the New Europe: Reinventing Borders*. Cambridge: Cambridge University Press.
14. Mal'ceva, Ju. A. (2016). Koncept "bezhenec" v nemeckih mediatekstah [The "Refugee" Concept in the German Media Texts]. *Znak: problemnoe pole mediaobrazovanija* [Sign: Problem Field of Media Education], (5), 39–43.
15. Mehrheit fühlt sich über Flüchtlinge einseitig informiert. (2015, Dezember 16). *FAZ*. Retrieved from http://www.faz.net/aktuell/politik/fluechtlingskrise/allensbach-umfrage-zu-medienberichterstattung-in-fluechtlingskrise-13967959.html?printPagedArticle=true#pageIndex_2
16. Migration Politics and Policies in Central Europe. (2017). Bratislava: GLOBSEC Policy Institute.
17. Narochnickaja, E. A. (2016). "Krizis bezhencev" i immigracionnyj vopros v Evrope ["Refugee Crisis" and the Issue of Migration in Europe]. *Aktual'nye problemy Evropy* [Urgent Problems of Europe], (4), 20–37.
18. Sommer, S. (2013). Opening Fortress Europe? Constructing a New Approach to EU Migration Policy. *Brussels Journal of International Studies*, (10), 42–81.
19. Stokes, B., Wike, R. & Manevich, D. (2017). Post-Brexit, Europeans More Favorable Toward EU. Pew Research Center, June: 15. Retrieved from http://assets.pewresearch.org/wp-content/uploads/sites/2/2017/06/19101129/Pew-Research-Center_Post-Brexit-European-Views-of-EU_Full-Report_06.15.2017.pdf
20. Thran, M. & Boehnke, L. (2015). The Value-Based Nationalism of Pegida. *Journal for Deradicalization*, 15 (3), 178–209.
21. Timoshenkova, E. P. (2017). Osobennosti partijno-politicheskogo razvitiya FRG i migracionnyj krizis 2015–2016 gg. [Specifics of Party-Political Development of Germany and the 2015–2016 Migration Crisis]. In B. P. Guseletov (Ed.) *Transformacija partijno-politicheskogo landshafta v stranah Evrosojuza v uslovijah krizisa. Ch. I.* [Transformation of the Party-Political Landscape in the EU Countries during the Crisis. Part 1.] (pp. 20–34). Moscow: Institute of Europe of the Russian Academy of Sciences.
22. Tsapenko, I. P. & Monusova, G. A. (2017). Integracionnyj potencial jetnokul'turnogo raznoobrazija v evropejskih sociumah [Integration Capacity of Ethno-Cultural Diversity in European Societies]. *Polis. Political Studies*, (4), 90–105.
23. Wodak, R. & Boukala, S. (2015). (Supra)national Identity and Language: Rethinking National and European Migration Policies and the Linguistic Integration of Migrants. *Annual Review of Applied Linguistics*, 35, 253–273.

ФРАНЦУЗСКАЯ МОДЕЛЬ ИНТЕГРАЦИИ ИММИГРАНТОВ: ИСПЫТАНИЕ ВРЕМЕНЕМ¹

.....

Преображенская А. А.

Преображенская Арина Александровна,
Центр сравнительных социально-экономических и политических
исследований, Институт мировой экономики и международных отношений
Российской академии наук им. Е. М. Примакова РАН,
117997, Россия, Москва, ул. Профсоюзная, 23. Эл. почта: arina-preob@mail.ru.

В статье проанализированы особенности и социальные вызовы иммиграции во Францию, выявлена специфика подхода властей к интеграции мигрантов. Показано, что изначально интеграционная модель была основана на ассимиляционном подходе, не были в достаточной мере учтены этнические и религиозные особенности приезжих. Установлено, что проводимая политика социального выравнивания имеет более чем скромные результаты. Исключение из экономической и социальной жизни, высокий уровень безработицы переселенцев и их потомков, особенно молодежи, социальная маргинализация способствуют усилению влияния в этих кругах религиозной идеологии, зачастую в ее радикальных проявлениях.

Особое внимание в статье уделено анализу состояния интеркультурных практик, оценена возможность их приживаемости на французской почве. Автор приходит к выводу, что данные практики не получили заметного развития. По ряду исторических, политических, культурных причин властям трудно выйти за пределы модели индивидуальной интеграции, признать социокультурную и этническую дифференциацию в обществе и принять тот факт, что многие общественные институты играют роль в воспроизведении этой дифференциации.

Ключевые слова: Франция, иммиграция, интеграционная модель, интеркультурализм, ислам, городская политика, дискриминация, социальная маргинализация, социальная мобильность.

Массовая иммиграция играет важную роль в улучшении демографической ситуации во Франции, обеспечении ее народного хозяйства необходимыми ресурсами, сглаживании структурных диспропорций рынка труда и др. Не случайно избранный 7 мая 2017 г. президент Э. Макрон видит в ней «экономический, культурный и социальный шанс» для динамичного развития страны (de Calignon, 2017).

В то же время постоянный приток представителей незападных цивилизаций и этносов влечет за собой радикальные перемены в этнокультурном со-

¹ Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 16-07-00008 «Интеграция инокультурных мигрантов: перспективы интеркультурализма».

стве, в религиозно-конфессиональном и социальном облике принимающего социума. Подобные сдвиги не только несут стране ресурсы этнокультурного разнообразия, но и представляют источник острых социально-политических проблем, решение которых требует поиска адекватной интеграционной модели.

В данной статье ставится задача проанализировать национальные особенности и социальные вызовы иммиграции, состояние межкультурного взаимодействия, выявить специфику подхода французских властей к интеграции мигрантов и современных политических инициатив в этой области, показать ростки новых — интеркультурных — практик, оценить возможности их развития на французской почве.

1. Вызовы иммиграции

История, масштабы, структура иммиграционных потоков во Францию, состав населения с иммигрантскими корнями, а также система его расселения отличаются рядом особенностей, которые сказываются на ходе интеграционного процесса.

Во-первых, иммиграция имеет давнюю историю. Приток иностранных работников во Францию начался еще во время промышленной революции второй половины XIX в. Особый размах импорт рабочей силы, осуществлявшийся в первую очередь из Португалии, Италии, Испании и стран Магриба, приобрел после окончания Второй мировой войны. Эти передвижения потянули за собой подобно цепи потоки воссоединяющихся членов семей, лиц, ищущих убежища, и нелегальных мигрантов. Кроме того, с 1960-х гг., ознаменованных крушением французской колониальной империи, началось массовое переселение жителей заморских территорий в метрополию. Все это обуславливает существование во Франции давно обосновавшихся, сложившихся диаспор, имеющих в своем составе уже не одно поколение мигрантов и притягивающих все новые потоки соотечественников. Постоянное пополнение таких сообществ способствует поддержанию их культурной самобытности.

Во-вторых, приток населения носит крупномасштабный характер, что обуславливает многочисленность приезжего населения, среди которого сформировались крупные, трудно интегрируемые в силу больших размеров иммигрантские общины. На 1 января 2015 г. во Франции проживали 65,8 млн. чел., из которых 5,9 млн. (9% населения) являлись иммигрантами (родившимися вне Франции от родителей-нефранцузов) (INSEE, 2015). Еще 7,3 млн. (11% жителей), родившихся во Франции, имеют хотя бы одного родителя иммигранта (INSEE, 2017).

В-третьих, существенная часть иммиграции приходится на потоки гуманитарного характера. Несмотря на многочисленные ограничения в праве на воссоединение семей, семейные потоки по-прежнему составляют весьма

существенную, одну из самых высоких среди западных стран долю в структуре постоянной иммиграции. По данным ОЭСР, в 2012 г. этот показатель составлял почти 40%.

Кроме того, вопреки сложности процедуры получения статуса беженцев во Франции, туда направляется интенсивный приток лиц, ищущих убежища, по масштабам которого в этом тысячелетии до 2012 г. Франция опережала все страны ЕС. Хотя Франция не относится к числу стран, наиболее пострадавших от недавнего миграционного кризиса, по данным Евростата, число прибывших туда вынужденных мигрантов также увеличилось: с 64 тыс. в 2014 г. до 84 тыс. в 2016 г. (Eurostat, 2017). Поскольку приток гуманитарных мигрантов не обусловлен потребностями рынка труда, это порождает особые сложности их трудоустройства.

В-четвертых, низкий уровень образования мигрантов существенно ограничивает возможности их занятости — главным образом нестабильными низкооплачиваемыми местами с плохими условиями труда и повышенным риском безработицы. По данным Евростата, во Франции в 2016 г. 42% приезжего населения в возрасте 15–74 лет не имели полного среднего образования, тогда как в ЕС в среднем — только 35%; уровень занятости уроженцев других стран этого возраста составлял соответственно 48 и 59%, а уровень безработицы — 17 и 13%. В 2015 г. 24% приезжих старше 18 лет считались бедными, поскольку их доходы были ниже 60% медианного уровня доходов в стране, 10% страдали от тяжелой материальной депривации (Eurostat, 2017). Ограниченный доступ мигрантов на рынок труда существенно затрудняет их социально-экономическую интеграцию и мобильность.

Власти пытались решить социальные проблемы с помощью пособий. Однако развитие системы выплат отчасти привело к тому, что стало выгоднее не искать работу за минимальную зарплату, а жить на пособия, что привело к распространению социального иждивенчества. Одновременно развивалась криминальная экономика, связанная с воровством, рэкетом и торговлей наркотиками, что меняло шкалу ценностей молодых людей. В отсутствие перспектив приличного заработка и социального роста последние находили способ самовыражения в хулиганстве и вандализме. Периодически повторяющиеся бунты и погромы, самыми масштабными из которых стали события ноября 2005 г., свидетельствуют о социальной маргинализации молодежи. При этом религия использовалась в то время как маркер солидарности.

В-пятых, в структуре миграционных потоков повышена доля инокультурных мигрантов, что сказывается на составе французского населения. Среди лиц, родившихся во Франции и имеющих хотя бы одного родителя-иммигранта, 45% имеют европейские корни, 31% — потомки выходцев из стран Магриба, 11% — субэкваториальной Африки, 9% — Азии (INSEE, 2017).

Для значительной части иммигрантов и их потомков основой цивилизационной самоидентификации является ислам. Буквально за 50 лет Франция обзавелась самой многочисленной в Европе арабо-мусульманской диаспорой, которая составляет по разным оценкам свыше 5 млн. чел. Несмотря на то что французские мусульмане являются выходцами из 123 стран, три четверти из них ведут свое происхождение из Алжира, Марокко и Туниса. Во Франции проживают последователи различных течений ислама — от традиционного классического до неопундаменталистских течений, приверженцы которых отвергают европейские ценности и стремятся в максимально возможной степени жить по законам шариата.

Большая численность мусульман, традиционно резистентных к ассимиляции, доминирование среди них выходцев из трех исламских стран способствуют формированию иммигрантских анклавов и поляризации этнокультурной структуры общества. Эти процессы в свою очередь питают исламофобию местного населения, на волне которой заметно усилил свои политические позиции крайне правый Национальный фронт, порождают конфликтность в межконфессиональных отношениях, в том числе с использованием таких крайних методов выражения интересов, как экстремизм и терроризм.

В-шестых, расселение мигрантов по территории страны отличается неравномерностью и концентрацией в ограниченном ряде ареалов. 60% приезжих и их потомков проживают в трех регионах — Иль-де-Франсе, Роне-Альпах и Провансе-Лазурном берегу, иначе говоря, в пригородах Парижа, Лиона и Марселя. Десятилетиями в эти пригороды стягивались безработные, иммигранты, зачастую не имеющие прав на жительство, лица с низким уровнем образования и профессиональной квалификации, неблагополучные семьи и пр., а покидали их — имеющие стабильный заработок рабочие и служащие, что способствовало геттоизации этих кварталов.

Чем больше иммигрантов проживает в отдельных кварталах, тем более межличностные отношения замыкаются на лицах своей национальности, тем интенсивнее становится соблюдение религиозных обрядов. По словам социолога Д. Лаперони, социальная и этническая сегрегация привела к формированию в ряде кварталов «альтернативного контр-общества» (Sciences PO, 2015), характеризующегося тесными связями между его членами и отсутствием позитивного взаимодействия с представителями аутгрупп. Как отметила политолог М. Трибала, «мы наблюдаем упрочение идентичности, которая отделяет мусульман от остальных граждан, ужесточает социальный контроль и довлеет над правами как правоверных, так и немусульман» (Tribalat, 2013). Происходит самоорганизация мусульманских общин, интенсифицируется отправление религиозных обрядов — становится более регулярным посещение мечетей, практика рамадана, а также употребление исключительно халяльной пищи.

Таким образом, в результате массовой иммиграции французское общество стало этнически и конфессионально неоднородным. Перед государством встала сложная проблема интеграции в общественную ткань светского, демократического государства многочисленных переселенцев, сознание которых формировалось в иной социокультурной среде.

2. Особенности французской интеграционной модели и результаты ее применения

В отличие от Канады, Австралии, Великобритании и ряда стран Северной Европы, где в XX в. широкое распространение получили идеология и практика мультикультурализма, во Франции изначально возобладал ассимиляционный подход к интеграционной политике, в рамках которого ставка делается на слияние жителей в единое монокультурное сообщество (Новоженова, 2007). В большей мере процесс имеет одностороннюю направленность на поглощение принимающим социумом приезжих, которые усваивают его социальные нормы.

При этом приоритет отдается не работе с инокультурными общинами, а индивидуальной интеграции, принятию индивида в политическую нацию путем приобщения к республиканским нормам и ценностям. Важнейшими элементами унификации являются французский язык и система образования — государственная светская школа, причем курс гражданского воспитания обязателен в начальной и средней школе.

В 1980-е гг. такой подход получил название политической интеграции². Последняя понимается не как культурный, а как социальный феномен. Интеграция предполагает сохранение культурного и конфессионального плюрализма на уровне структур гражданского общества, но не допускает институционализации иммигрантских общин как коллективных представителей интересов этнокультурных групп населения. Предполагается сосуществование и взаимное обогащение присутствующих на территории страны культур.

Политика интеграции должна была обеспечить иммигрантам права, которыми обладают французские граждане в области образования, жилья, здравоохранения при условии, что последние будут соблюдать основные ценности жизни страны: признавать светский характер государства, равенство мужчин и женщин, соблюдать свои обязанности, а также проникнутся духом гражданственности. С 2006 г. стал обязательным контракт интеграции — прохождение курсов французского языка, лекций по гражданским правам и обязанностям, консультаций по поводу трудоустройства. Согласно закону 2011 г., регламентирующему натурализацию иммигрантов, для получения

² Тогда же было отменено требовавшееся ранее разрешение МВД для учреждения иммигрантами ассоциаций взаимопомощи, защиты гражданских прав, культурно-фольклорных, спортивных, женских и др.

гражданства необходимо знать историю, культуру и политическую систему страны, свободно владеть французским языком, а также подписать Хартию прав и обязанностей.

Этнокультурные группы официально не признаются национальными меньшинствами, а считаются французами, поскольку нация является единой и неделимой. Подобным подходом можно объяснить тот факт, что Франция не подписала Рамочную конвенцию Совета Европы о защите прав национальных меньшинств, равно как и не ратифицировала Европейскую хартию языков регионов и меньшинств, согласно которой иммигрантские общины и культурные меньшинства имеют право обращаться на своем языке в государственные структуры и обучать детей на родном языке. На официальном уровне этнические корни иммигрантов не упоминаются. Законом запрещено интересоваться национальностью при приеме на работу, при обращении в государственные и общественные структуры, при получении пособий и социальной помощи. Не ведется и учет населения по конфессиональной принадлежности. Сведения об этнических корнях французских граждан носят приблизительный характер. Это создает трудности в работе демографов и социологов.

Неотъемлемой чертой французской идентичности является светский характер республики. Еще в 1905 г. церковь была отделена от государства, преподавание никаких религий в государственных учебных заведениях не допускается. В 2004 г. принят закон о запрете знаков религиозной символики в школах, в 2010 г. — о запрете в общественных местах одежды, закрывающей лицо. Однако вопрос состоит в том, может ли ислам стать совместимым со светскими, республиканскими нормами и институтами, ведь законы шариата регулируют все стороны жизни человека — государственные, судебные, а также семейные и образовательные.

Французские исследователи констатируют, что к середине 2000-х гг. значительная часть проживающих в стране мусульман восприняла европейские нормы и цивилизационные ценности и фактически являлись «не практикующими». Только менее четверти мусульман относили себя к регулярно исполняющим религиозные обряды. Из них 80% положительно высказывались о христианстве. Уже второе поколение женщин — потомков иммигрантов жило в соответствии с французской демографической моделью.

В нулевые годы иммигранты и их потомки в большей степени идентифицировали себя с французами, чем иммигранты в Великобритании и Германии соответственно с англичанами и немцами. Французская идентичность и идентичность страны происхождения не противопоставлялись друг другу, а сочетались между собой. Как показал опрос 2008–2009 гг. во Франции, среди мигрантов, приехавших в эту страну взрослыми, доля ощущающих себя одновременно французами и представителями своей этнической группы, составляет 45%,

среди переселившихся туда еще детьми — 58, а среди потомков иммигрантов (оба родителя — иммигранты) — 66%. В то же время 43% натурализованных выходцев из стран Магриба, равно как и Турции, ощущали отказ местного населения в их восприятии как французов (Simon, 2012).

Согласно опросам, проведенным в середине 2000-х гг. (Laurence, Vaisse, 2007), подавляющее большинство — 72% французских последователей ислама — не видели противоречия в том, чтобы исповедовать ислам и жить в современном обществе. Такой же точки зрения придерживались 57% мусульман ФРГ и 49% Великобритании. 67% мусульман желали, чтобы их дети обучались в государственной школе без религиозного образования, 18% — в государственной школе с возможностью религиозного образования и только 5% — в религиозной школе. Девять из десяти потомков иммигрантов из стран Магриба (и только четверть их родителей) считали своим родным языком французский. Напротив, знают арабский язык 69% детей иммигрантов и только 24% внуков. Уже второе поколение мало отличалось от этнических французов по образу жизни.

Приведенные цифры свидетельствуют об относительной успешности социокультурной интеграции немалой части мусульман к середине нулевых годов. Вероятно, сказалась инерция прошлого, когда подавляющую массу иммигрантов составляли переселенцы из франкоязычных бывших колониальных владений, с которыми у французов был, по выражению Ж. Ширака, «общий культурный минимум». Исторические связи, общность языка, чувство принадлежности к общему франкофонному миру, вбирающему выходцев из бывших французских колоний, облегчали самоидентификацию мигрантов как французов, равно как и их восприятие как французов со стороны коренных жителей.

Однако считается, что ассимиляционный подход эффективен, как правило, лишь тогда, когда мигранты довольно немногочисленны, этнически относительно близки коренному населению и территориально расплывлены. Однако при существенном увеличении численности мигрантов в последнее десятилетие, значительном расширении географии миграционных потоков и росте числа приезжих из Афганистана, Турции, Ирака, Китая, англоязычной Африки, растущей территориальной концентрации последних такой ассимиляционный подход стал давать сбои.

Еще с конца 1990-х гг. наблюдается тенденция к реисламизации потомков переселенцев, которую французские исследователи (Beauchemin, 2016) связывают с неудачами в социально-экономической интеграции мигрантов, особенно представителей их второго-третьего поколений. За официальной риторикой равенства шансов и возможностей скрывались социальная сегрегация при получении образования и дискриминация по происхождению при трудоустройстве. Молодые потомки иммигрантов чувствовали себя в стороне от национального сообщества. По убеждению политолога Жилия Кепеля (Kerel, 2011), религия преподнесла последним компенсацию чувства социальной, по-

литической и экономической невостребованности. В мире бедности именно ислам стал доступным культурным ресурсом.

Сказались и внешние факторы: палестино-израильский конфликт, иракский, афганский, ливийский и особенно сирийский кризисы сыграли на руку идеологам радикального исламизма. Пропаганда экстремизма активно распространяется по Интернету, в социальных сетях. В базе данных спецслужб Франции числится около 15 тыс. приверженцев к радикальному исламу, среди них — 18% несовершеннолетних. Более 2 тыс. человек причастны к сетям джихадистов, из них 4 тыс. представляют высокую угрозу для национальной безопасности (Europe1 le Jdd).

Первым большим потрясением были события марта 2012 г., когда Мохаммед Мера застрелил трех военнослужащих, раввина и троих детей из местной еврейской школы. На нападения, по словам Мера, его подвигли участь палестинцев, военное присутствие Франции в Афганистане и запрет на ношение во Франции головного убора, закрывающего лицо. В 2015–2016 гг. произошла серия масштабных террористических актов, совершенных радикальными исламистами. Ответственность за них взяла на себя террористическая организация «Исламское государство» (запрещенная в РФ). Однако большинство исполнителей терактов, несмотря на иностранные корни, выросли во Франции и имели французское гражданство. По мнению исследователей (Khosrokhavar, 2016), французских террористов можно разделить на две категории. Во-первых, это выходцы из семей мигрантов второго-третьего поколения, жители гетто из социально неблагополучных семей, которые потерпели фиаско в обучении, имеют в биографии эпизоды правонарушений и преступлений, пребывания в местах лишения свободы. Подобный опыт породил у них чувство фрустрации и унижения, перешедшее в ненависть к обществу. Радикальные формы ислама позволили трансформировать чувство своей униженности в презрение к другим и сакрализацию собственной персоны. Во-вторых, это молодежь, принадлежащая к среднему классу, или мусульманского происхождения, или новообращенные. Ими движет поиск смысла существования путем опыта вступления в коллективный проект.

Эти очевидные неудачи в ассимиляции мусульман говорят о необходимости пересмотра интеграционной политики. Очевидна потребность в усилении мер, направленных на включение мигрантов и их потоков в социально-экономическую сферу общества, равно как и инициатив, направленных на поддержание нормальных отношений между представителями разных этносов, культур и конфессий.

3. Эволюция городских интеграционных практик

Преодоление социальной маргинализации мигрантов и их потомков является основной задачей городской политики, которая проводится во Франции уже на

протяжении 40 лет. Основные направления данной политики — модернизация жилых кварталов, улучшение качества образования и борьба с дискриминацией.

Президент Саркози (2007–2012 гг.) после молодежных бунтов в 2005 г. уделял особое внимание трудным кварталам, выдвигая многочисленные инициативы — школы «второго шанса», интернаты для одаренных детей, квоты по социальному признаку при обучении и трудоустройстве и др. Большие суммы были ассигнованы на субсидии досуговым, спортивным и культурным ассоциациям. Вместе с тем Саркози, еще будучи главой МВД в 2003 г., упразднил организованную в 1998 г. социалистами «полицию, близкую к гражданам». Цель данной службы состояла в борьбе со средними и мелкими правонарушениями, при этом она выполняла отчасти и социальные функции. Саркози, сторонник силовых мер по борьбе с преступностью, в выступлении в одном из комиссариатов полиции заявил, что цель полиции состоит не в организации спортивных турниров, а в задержании правонарушителей, полицейские — это не социальные работники. В результате отношения жителей кварталов с органами правопорядка становятся все более напряженными. В ходе президентской избирательной кампании 2017 г. из уст кандидатов левых партий звучали предложения вернуться к подобной организации полиции в той или иной форме, в частности, будущий президент Макрон предложил учредить «полицию ежедневной безопасности» (Gaveau, 2017).

Для президента Олланда (2012–2017 гг.) городская политика не являлась приоритетным направлением деятельности. С 1 января 2015 г. количество трудных кварталов сокращено, самые неблагополучные из них были трансформированы во вновь созданные «приоритетные зоны городской политики». Данная реформа призвана прекратить распыление средств и сконцентрировать усилия на наиболее нуждающихся в помощи районах. В 1500 приоритетных зонах проживают 5,5 млн. чел., из которых более половины — иммигранты первого или второго поколения.

Разрушить «логику сегрегации и апартеида» и избежать концентрации бедности был призван принятый еще в 2001 г. правительством социалистов закон о том, что муниципальные власти небольших населенных пунктов, расположенных около крупных городских агломераций (свыше 1500 жителей), обязаны в течение 20 лет довести количество социального жилья до 20% от общего жилого фонда. Премьером Вальсом в 2015 г. планка социального жилья была поднята до 25%. В октябре 2016 г. региональный совет Иль-де-Франса пошел еще дальше: было принято решение о прекращении финансирования социального жилья в коммунах, в которых оно уже составляло более 30% жилого фонда. В 90 из 1300 коммун региона было сконцентрировано 66% социального жилья, доступного самым низкооплачиваемым категориям населения, доходы которых не превышают 12725 евро в год (на 1 чел.) (Île de France, 2016).

Несмотря на усилия властей, через десять лет после событий 2005 г. приоритетные зоны продолжали лидировать по доле лиц с низким уровнем образования

и профессиональной квалификации, безработных, особенно среди молодежи. Под влиянием наступившего осенью 2008 г. экономического кризиса программа реконструкции жилья одной из первых подпала под сокращение финансирования. Реконструкция жилых кварталов должна была завершиться в 2008 г., однако в 2015 г. она была реализована только наполовину. По мнению социолога Р. Эпштейна (Epstein, 2013), реновация кварталов имела целью улучшить качество жизни их обитателей, а не привлечь новых жителей извне и поэтому не привела к увеличению «социального разнообразия» жителей. В то время как экономика страны в 2010-х гг. начала выходить из кризиса, пригороды погрузились в рецессию. Так, уровень безработицы лиц от 15 до 64 лет, проживающих в данных районах, в 2014 г. составлял 26,7% против около 10% в среднем по стране (ONPV, 2016). Несмотря на вложенные в модернизацию кварталов и борьбу против социальной сегрегации за прошедшее после молодежных бунтов десятилетие 45 млрд. евро, пригороды продолжают оставаться зеркалом структурных проблем страны. Характерно, что только 10% граждан заявили, что городская политика была эффективна.

Значимость мер интеграции и борьбы с социальной сегрегацией в сфере начального и среднего образования обусловлена тем, что именно в школе закладываются основы гражданского воспитания и базовые знания для успеха в будущей профессиональной деятельности. И именно на начальном этапе образования образуются провалы в знаниях и умениях учащихся, которые зачастую приводят к фиаско в дальнейшей образовательной траектории и профессиональной карьере.

Несмотря на официальную риторику равенства шансов и постановку задач формирования классов из учеников, принадлежащих к разным социальным кругам, велика поляризация между различными учебными заведениями — как по происхождению учеников, так и по итогам учебной деятельности. Усиливающиеся социальное расслоение учащихся, пауперизация пригородов привели к росту подростковой преступности и насильственных действий в учебных заведениях, токсикомании, увеличению числа столкновений на этнической почве и оттоку из ряда школ представителей благополучных слоев населения. В 2016 г. 63% учащихся колледжей из социально неблагополучной среды были сконцентрированы всего в 10% учебных заведений (Piquetal, 2016). По данным проведенных исследований (Felousis, 2013), подобная социальная сегрегация приводит к ухудшению результатов в учебе представителей социальных низов.

Несмотря на ежегодные финансовые вливания в размере 1,3 млрд. евро в приоритетные зоны образования³, в которых обучаются 20% учеников,

³ Приоритетные зоны образования были созданы правительством социалистов в 1981 г. Расположенные в них школы и колледжи с целью социального выравнивания снабжаются дополнительными ресурсами и располагают большей автономией по сравнению с остальными учебными заведениями.

система школьного обучения имеет явно ограниченный инструментарий по смягчению социального неравенства. Наиболее подвержены неудачам в школе потомки неевропейских иммигрантов: они чаще коренного населения остаются на второй год, 18% детей иммигрантов покидают школу без диплома против 12% коренного населения (Tassel, 2012). Особенно плохие результаты в учебе показывают мальчики из семей выходцев из стран Магриба, субэкваториальной Африки и Турции, которые в результате оказываются в крайне неблагоприятном положении на рынке труда.

Объективную сложность для проведения политики социального выравнивания в образовании представляет наличие глубокого социального расслоения в обществе. Тем не менее предпринимаемые в этом направлении меры принесли некоторые плоды — в последние годы на 20% сократилось число молодых людей, закончивших школу, не получивших аттестата (со 136 тыс. в 2010 г. до 110 тыс. в 2014 г.) (Collas, 2015).

Как при правых, так и при левых в правительственных кабинетах министерство образования не признавало «вновь прибывших во Францию» как отдельную категорию обучающихся с особыми потребностями, за исключением функциональной помощи в изучении французского языка. Властями ставится более общая задача — формирование в школе у молодежи приверженности «принципам светскости и ценностям республики». Однако речь идет уже не только о том, чтобы внушить маленьким гражданам любовь к родине и чувство национальной гордости. В более прозаической манере цель заключается в том, чтобы дети освоили правила элементарной социализации: уважение друг к другу, отказ от насилия, терпимость и признание правил, которые позволяют жить вместе. То есть цель гражданского воспитания сместилась с создания специфической французской национальной идентичности к возможности французской нации существовать как мозаике различных культур, несмотря на различия. Акцент делается на правах и обязанностях гражданина, правилах социальной жизни. Также французская образовательная система предусматривает практическое применение принципов гражданственности посредством участия учащихся в управлении учебными заведениями в средней школе — посредством работы в советах класса, административном совете учебного заведения.

Однако французская система воспитания в школах далека от идеала: на изучение принципов гражданственности отводится немного времени — час в неделю в колледже и полчаса в лицее. Несколько расходятся теория и практика участия учащихся в самоуправлении школы.

Борьба с дискриминацией мигрантов и их потомков на рынке труда, в сферах здравоохранения, образования, жилищных условий составляет важный аспект действий властей. Глава кабинета министров Мануэль Вальс в начале 2015 г. заявил о существующем в стране «территориальном, соци-

альном и этническом апартеиде» (Valls, 2015), признав дискриминацию по расовому и этническому признаку. К «социальной нищете», по словам премьера, «добавляется дискриминация, по причине неправильной фамилии, не того цвета кожи или по гендерному признаку» (Valls, 2015). Данное мнение разделяют более трех четвертей французов — 76% опрошенных уверены, что в стране существует дискриминация по этническому принципу (Institut Montaigne, 2014).

Как свидетельствуют исследования Института Монтеня, проведенные в 2013–2014 гг. (Institut Montaigne, 2014), 44% иммигрантов второго поколения хотя бы раз в жизни сталкивались с дискриминацией. Среди претендентов на трудоустройство с одинаковым уровнем профессиональной квалификации шансы быть вызванными на собеседование с работодателем у католиков на 30% выше, чем у иудеев, и в два раза выше, чем у мусульман, особенно мужчин-мусульман, которым для приглашения на собеседование потребовалось выслать в четыре раза больше анкет, нежели католикам (Institut Montaigne, 2015). Не в пользу мужчин-мусульман действуют такие бытующие в общественном сознании стереотипы, как связь данной религии с экстремизмом и неравное положение мужчин и женщин.

Под влиянием мирового финансово-экономического кризиса 2008 г. в стране сложилась напряженная ситуация на рынке труда, которая привела к усилению дискриминации по всем основаниям. В 2014 г. уровень безработицы жителей приоритетных зон составил 26,7% для коренных французов и 27,9% для иммигрантов (ONPV, 2016). При этом в весьма уязвимом положении оказались специалисты высокой квалификации. Предприниматели избегают лиц другой расы при подборе кандидатов для работы с клиентами или на руководящие посты. Несмотря на то что закон «О равенстве шансов» 2006 г. дал возможность отбора кадров по анонимным анкетам, использование последних остается маргинальным, напротив, 18% работодателей полагают, что важно иметь фотографию в личном деле (Amadiou, Rodier, 2013). Как подчеркивается в докладе исследовательского центра Национальной обсерватории городской политики 2015 г., обладатели дипломов о высшем образовании старше 30 лет имеют на 22% меньше шансов на трудоустройство по специальности, если они проживают в приоритетной городской зоне. Вместе с тем невозможно оценить, связана ли дискриминация в данном случае с этническим или исключительно территориальным фактором.

Во Франции пока не получили заметного развития практики интеркультурализма, которые делают ставку на налаживание позитивного межкультурного взаимодействия между людьми на основе общности их потребностей и интересов (Цапенко, 2017). Несмотря на схожесть афишируемых целей интеграции иммигрантов во Франции и замыслов интеркультурализма, а также существование де-факто действий, которые вполне вписываются в интеркультурные

мероприятия⁴, существует ряд исторических, культурных и политических причин, которые сдерживают распространение последнего на французской почве. Концепция гражданственности предусматривает прямые отношения индивида с государством, без каких-либо посредников. Властям страны трудно выйти за пределы индивидуальной интеграции, признать социокультурную и этническую дифференциацию в обществе и принять тот факт, что многие общественные институты играют роль в воспроизведении этой дифференциации. Также исторически сложившаяся централизованная, иерархическая система управления страной ограничивает инициативы гражданского общества. И наконец, традиционная рестриктивная трактовка во Франции понятия интеркультурности сужает сферу ее действия областями культуры и искусства. В проекте Совета Европы и Европейской комиссии «Межкультурные города» участвуют всего три французских города — Лион, Страсбург и Париж.

Если в Страсбурге и Париже, которые присоединились к проекту соответственно в 2015 и 2016 гг., только приступают к разработке подходов к интеркультурным практикам, то в Лионе, который является членом проекта с 2008 г., интеркультурные инициативы проводятся по четырем направлениям.

Преодоление дискриминации и поддержка равных возможностей. Создан Совет равенства, который разрабатывает и объединяет мероприятия городских служб и местные инициативы по действиям в этой области.

Обеспечение разнообразия в политике городского трудоустройства и социального сплочения. Правительство Большого Лиона и городские власти Лиона утвердили Договор о муниципальной социальной сплоченности, чтобы поддержать политику разнообразия и сократить социальное и экономическое неравенство. Власти Лиона ввели аудит равенства в политике набора персонала и профессиональной ориентации города как работодателя. Наконец, решено, что условием для организаций, получающих бюджетную поддержку, становится необходимость быть работодателем разнообразия.

Обеспечение разнообразия в местной политике в области культуры и искусства. В одном из районов Лиона, где проживают иммигранты, в кафе постоянно организуются дискуссии, на которых женщины-иммигрантки рассказывают о своих традициях в разных сферах, в том числе о замужестве, национальной кухне и т.п.

Объединение и усиление растущего числа местных интеркультурных программ. Иммигрантами создан городской клуб разнообразия, который сотрудничает с самой крупной региональной газетой «le ProgrEs», способствующей продвижению позитивного имиджа разнообразия.

⁴ Например, для представительства ислама по Франции в 2002 г. был создан Французский совет мусульманского культа, в распоряжении мусульман в 2015 г. было 2450 мечетей (Senat, 2015).

В планах президента Макрона — растущий учет разнообразия населения в социальной политике. В частности, намеревается расширить набор образовательных услуг, предлагаемых в школах из приоритетных зон, чтобы сделать последние более привлекательными для обеспеченных слоев населения и добиться социального разнообразия учащихся. Цель состоит в том, чтобы дети из разных социальных слоев и этнического происхождения встречались в школе и там научились взаимодействовать.

Эти планы, по сути, предвосхищают эксперимент, который уже проводится с 2015 г. в 20 департаментах, причем пилотным участником стал г. Монпелье по инициативе родителей детей, посещающих школу в одном из бедных кварталов города. В учебных заведениях данного района обучались исключительно дети выходцев из Марокко. Группа матерей (практикующих мусульманок) была обеспокоена тем, что их дети «проследуют от детского сада до окончания колледжа, не открыв для себя другую культуру, не обучившись жить вместе» (Finger, 2015). Примечательно, что специалисты министерства образования только приступают к поиску инструментария, позволяющего им измерить как социальную разнородность, так и гетерогенность национального происхождения учащихся.

Учитывая, что интеграционные меры приносят наибольший эффект именно на местном уровне, возможно, городские межкультурные инициативы позволят в какой-то мере компенсировать недостатки традиционного ассимиляционного подхода и адаптировать политическую практику к современным миграционным реалиям.

Успешность интеграции иммигрантов в принимающее общество зависит от целого ряда политических, экономических, социальных и социокультурных факторов. Исключение из экономической и социальной жизни, высокий уровень безработицы переселенцев и их потомков, особенно молодежи, социальная маргинализация усиливают влияние в этих кругах религиозной идеологии, зачастую в ее радикальных проявлениях, что увеличивает угрозу терроризма. Открытым остается вопрос о формах взаимодействия светского государства с исламом, у приверженцев которого сформировано представление о неразрывности религиозной и общественной жизни. Формирование иммигрантских анклавов питает исламофобию местного населения. Данные проблемы являются общими для ряда европейских стран, в настоящее время сталкивающихся с подобными явлениями.

Французская модель интеграции базируется на республиканских ценностях, но не учитывает в достаточной мере этнические и религиозные особенности приезжих. При существенном увеличении численности мигрантов, значительном расширении географии миграционных потоков, растущей территориальной концентрации последних такой подход стал давать сбои. Проводившаяся более 40 лет политика социального выравнивания имеет более чем скромные

результаты. Искусственное сужение поля общественной дискуссии ради борьбы с расизмом и ксенофобией при обсуждении проблем интеграции иммигрантов привело к замалчиванию острых вопросов общественного развития. Не получили заметного распространения городские интеркультурные инициативы. От успехов или неудач при поиске оптимальных форм политики интеграции во многом зависят и национальное единство французского народа, и будущее Франции в глобализирующемся мире.

Библиографический список

1. Новоженнова, И. С. (2007). Национальная идентичность в эру глобализации. В Ю.И. Рубинский (ред.) *Франция в поисках новых путей* (с. 27–68). Москва.
2. Цапенко, И. П. (2017, в печати). Интеркультурная парадигма интеграции мигрантов. *Вестник Российской Академии наук*.
3. Amadieu, J.-F., Rodier, A. La crise a favorisé le discriminations au travail. (2013, Mars 19). *Le Monde economique*, Retrieved from http://www.lemonde.fr/economie/article/2013/03/19/la-crise-a-favorise-les-discriminations-au-travail_1849804_3234.html
4. Beauchemin, C. Emploi, école: les réussites et les blocages de l'intégration en France (2016, Aout 8). Retrieved from http://www.lemonde.fr/societe/article/2016/01/08/les-enfants-d-immigres-s-integrent-mais-restent-victimes-du-chomage-et-de-la-discrimination_4843872_3224.html
5. Calignon de, G. Immigration: Macron et Le Pen, deux visions opposées du monde (2017, Mai 03). *Les Echos*, Retrieved from <https://www.lesechos.fr/elections/presidentielle-2017/0212030492910-immigration-deux-visions-opposees-du-monde-2084047.php#JucGF51Y828KoxPw.99>
6. Collas, A. Le décrochage scolaire en baisse de 20% sur cinq ans. (2015, Décembre 01). *Le Monde*, Retrieved from http://www.lemonde.fr/education/article/2015/12/01/le-decrochage-scolaire-en-baisse-de-20-sur-cinq-ans_4821759_1473685.html
7. Eurostat, Asylum and first time asylum applicants by citizenship, age and sex Annual aggregated data (2017). Retrieved from http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Asylum_statistics
8. Eurostat, Population by educational attainment level, sex, age and country of birth; Employment rates by sex, age and country of birth; Unemployment rates by sex, age and country of birth. At-risk-of-poverty rate by broad group of country of birth; Severe material deprivation rate by broad group of country of birth. Retrieved from <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>
9. Epstein, R. La rénovation urbaine est loin d'être le succès incontestable qu'on nous vend. (2013, Mai 13). *L'Humanité*, Retrieved from <http://www.humanite.fr/societe/renaud-epstein-la-renovation-urbaine-est-loin-d-et-541254>
10. Felousis, G. (2012, Mai-Juin). Le système éducatif français dans l'OCDE: quelles performances? *Cahiers français*, 368, 9–12
11. Finger, S. En classe, on voudrait des petits blonds avec nos enfants. (2015, Juin 3). *Liberation*, Retrieved from http://www.liberation.fr/societe/2015/06/03/en-classe-on-voudrait-des-petits-blonds-avec-nos-enfants_1322454

12. Gaveau, C. (2017, Février 17). Présidentielle 2017: que proposent les candidats pour les banlieues? RTL, Retrieved from <http://www.rtl.fr/actu/politique/presidentielle-2017-que-proposent-les-candidats-pour-les-banlieues-7787266014>
13. Île de France. (2016). Un dispositif anti-ghettos pour une plus grande mixité sociale, Retrieved from <https://www.iledefrance.fr/fil-presidence/dispositif-anti-ghettos-plus-grande-mixite-sociale>
14. Institut national de la statistique et des études économiques (INSEE). Être né en France d'un parent immigré, (2017, Février 08) Retrieved from <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2575541>
15. Institut national de la statistique et des études économiques (INSEE). Population française, étrangère et immigrée en France depuis 2006. (2015, Octobre 13). Retrieved from <https://www.insee.fr/fr/statistiques/1410693>
16. Institut Montaigne Discriminations religieuses à l'embauche: une réalité. (2015). Retrieved from http://www.institutmontaigne.org/res/files/publications/20150824_Etude%20discrimination.pdf
17. Institut Montaigne. (2014). Dix ans de politiques de diversité: quel bilan? Rapport septembre 2014, Retrieved from http://www.institutmontaigne.org/res/files/publications/rapport_politique%20de_diversit%C3%A9_institut_montaigne.pdf
18. Joahny, S. Les 15.000 islamistes que la police surveille. (2017, Juin 21). Europe 1 Jdd, Retrieved from <http://www.lejdd.fr/Societe/EXCLUSIF-Les-15-000-islamistes-que-la-police-surveille-815596>
19. Kepei, G. (2011). *Banlieue de la République*. Paris: Gallimard.
20. Khosrokhavar, F., Chateaufort-Marclès, A. (2016, Janvier 10). La sociologie de la radicalisation: entretien avec Farhad Khosrokhavar. Ressources en sciences économiques et sociales. Retrieved from <http://ses.ens-lyon.fr/articles/la-sociologie-de-la-radicalisation-entretien-avec-farhad-khosrokhavar-291659>
21. Laurence, J., Vaisse, J. (2007) *Intégrer l'islam*. Paris.
22. L'Observatoire national de la politique de la ville (ONPV) (2016). Rapport annuel 2015. Retrieved from http://www.onpv.fr/uploads/media_items/rapport-onpv-2015.original.pdf
23. Piquemal, M. Contre les collèges-ghettos, des initiatives à confirmer. (2016, Décembre 13). Liberation, Retrieved from http://www.liberation.fr/france/2016/12/13/contre-les-colleges-ghettos-des-initiatives-a-confirmer_1535101
24. Sciences PO. Novembre 2005, dix ans après les émeutes. Actes du colloque des 19 & 20 octobre 2015 à Sciences PO. Retrieved from http://www.cevipof.com/rtefiles/File/graduate%20conference/Cahier_60.pdf
25. Senat. Les collectivités territoriales et le financement des lieux de culte, Rapport d'information, (2015, Mars). Retrieved from <https://www.senat.fr/notice-rapport/2014/r14-345-notice.html>
26. Simon, P. (2012). *French National Identity and Integration: Who Belongs to the National Community*. Washington, DC: Migration Policy Institute.
27. Tassel, F. Descendants d'immigrés au pays des inégalités. (2012, Octobre 9). Liberation. Retrieved from http://www.liberation.fr/societe/2012/10/09/descendants-d-immigres-au-pays-des-inegalites_852114

28. Tribalat, M. (2013) Assimilation: la fin du modèle français. Paris. Retrieved from https://www.amazon.fr/Assimilation-fin-du-modèle-français/product-reviews/2810005532/ref=dpx_acr_txt?showViewpoints=1
29. Valls évoque “un apartheid territorial, social et ethnique” en France. (2015, Janvier 20). Les Echos.fr, Retrieved from www.lesechos.fr/20/01/2015/lesechos.fr/0204094310486_valls-evoque-un-apartheid-territorial-social-et-ethnique-en-france.htm#ZWjgljQimRqabkzZ.99

Статья поступила в редакцию 14.04.2017

.....

THE FRENCH MODEL OF INTEGRATION OF IMMIGRANTS: TEST OF TIME

Preobrazhenskaya A. A.

Preobrazhenskaya Arina Alexandrovna, Center for Comparative Socio-Economic and Political studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Sciences, 117997, Russia, Moscow, str. Profsoyuznaya, 23.
E-mail: arina-preob@mail.ru.

The article analyzes the peculiarities and social challenges of immigration in France, the specifics of the authorities' approach to the integration of migrants are revealed. It is shown that initially the integration model was based on the assimilation approach, the ethnic and religious characteristics of the newcomers were not sufficiently taken into account. It is established that the current policy of social equalization has more than modest results. The exclusion from economic and social life, the high unemployment rate of settlers and their descendants, especially young people, social marginalization contribute to strengthen the influence in these circles of religious ideology, often in its radical manifestations.

Particular attention is paid to the analysis of the state of intercultural practices in the article, the possibility of their survival on French soil is estimated. The author concludes that these practices have not received a significant development. For a number of historical, political, cultural reasons, it is difficult for the authorities to go beyond the model of individual integration, to recognize sociocultural and ethnic differentiation in society and to accept the fact that many social institutions play a role in the reproduction of this differentiation.

Key words: France, immigration, integration model, interculturalism, Islam, urban policy, social alignment, discrimination, social marginalization, social mobility.

References

1. Amadieu, J.-F. & Rodier, A. La crise a favorisé le discriminations au travail. (2013, Mars 19). Le Monde économique, Retrieved from http://www.lemonde.fr/economie/article/2013/03/19/la-crise-a-favorise-les-discriminations-au-travail_1849804_3234.html
2. Beauchemin, C. Emploi, école: les réussites et les blocages de l'intégration en France (2016, Aout 8). Retrieved from http://www.lemonde.fr/societe/article/2016/01/08/les-enfants-d-immigres-s-integrent-mais-restent-victimes-du-chomage-et-de-la-discrimination_4843872_3224.html
3. Calignon de, G. Immigration: Macron et Le Pen, deux visions opposées du monde (2017, Mai 03). Les Echos, Retrieved from <https://www.lesechos.fr/elections/presidentielle-2017/0212030492910-immigration-deux-visions-opposees-du-monde-2084047.php#JucGF51Y828KoxPw.99>

4. Collas, A. Le décrochage scolaire en baisse de 20% sur cinq ans. (2015, Décembre 01). Le Monde, Retrieved from http://www.lemonde.fr/education/article/2015/12/01/le-decrochage-scolaire-en-baisse-de-20-sur-cinq-ans_4821759_1473685.html
5. Epstein, R. La rénovation urbaine est loin d'être le succès incontestable qu'on nous vend. (2013, Mai 13). L'Humanité, Retrieved from <http://www.humanite.fr/societe/renaud-epstein-la-renovation-urbaine-est-loin-d-et-541254>
6. Eurostat, Asylum and first time asylum applicants by citizenship, age and sex Annual aggregated data (2017) Retrieved from http://ec.europa.eu/eurostat/statistics-explained/index.php/Asylum_statistics
7. Eurostat, Population by educational attainment level, sex, age and country of birth; Employment rates by sex, age and country of birth; Unemployment rates by sex, age and country of birth. At-risk-of-poverty rate by broad group of country of birth; Severe material deprivation rate by broad group of country of birth. Retrieved from <http://ec.europa.eu/eurostat/data/database>
8. Felousis, G. (2012, Mai-Juin). Le système éducatif français dans l'OCDE: quelles performances? *Cahiers français*, 368, 9–12
9. Finger, S. En classe, on voudrait des petits blonds avec nos enfants. (2015, Juin 3). Liberation, Retrieved from http://www.liberation.fr/societe/2015/06/03/en-classe-on-voudrait-des-petits-blonds-avec-nos-enfants_1322454
10. Gaveau, C. (2017, Février 17). Présidentielle 2017: que proposent les candidats pour les banlieues? RTL, Retrieved from <http://www.rtl.fr/actu/politique/presidentielle-2017-que-proposent-les-candidats-pour-les-banlieues-7787266014>
11. Île de France. (2016). Un dispositif anti-ghettos pour une plus grande mixité sociale, Retrieved from <https://www.iledefrance.fr/fil-presidence/dispositif-anti-ghettos-plus-grande-mixite-sociale>
12. Institut Montaigne Discriminations religieuses à l'embauche: une réalité. (2015). Retrieved from http://www.institutmontaigne.org/res/files/publications/20150824_Etude%20discrimination.pdf
13. Institut Montaigne. (2014). Dix ans de politiques de diversité: quel bilan? Rapport septembre 2014, Retrived from http://www.institutmontaigne.org/res/files/publications/rapport_politique%20de_diversit%C3%A9_institut_montaigne.pdf
14. Institut national de la statistique et des études économiques (INSEE). Être né en France d'un parent immigré, (2017, Fevrier 08) Retrieved from <https://www.insee.fr/fr/statistiques/2575541>
15. Institut national de la statistique et des études économiques (INSEE). Population française, étrangère et immigrée en France depuis 2006. (2015, Octobre 13). Retrieved from <https://www.insee.fr/fr/statistiques/1410693>
16. Joahny, S. Les 15.000 islamistes que la police surveille. (2017, Juin 21). Europe 1 Jdd, Retrieved from <http://www.lejdd.fr/Societe/EXCLUSIF-Les-15-000-islamistes-que-la-police-surveille-815596>
17. Kepei, G. (2011). *Banlieue de la République*. Paris: Gallimard.
18. Khosrokhavar, F. & Chateauneuf-Marclés, A. (2016, Janvier 10). La sociologie de la radicalisation: entretien avec Farhad Khosrokhavar. Ressources en sciences économiques et

- sociales. Retrieved from <http://ses.ens-lyon.fr/articles/la-sociologie-de-la-radicalisation-entretien-avec-farhad-khosrokhavar-291659>
19. L'Observatoire national de la politique de la ville (ONPV) (2016). Rapport annuel 2015. Retrieved from http://www.onpv.fr/uploads/media_items/rapport-onpv-2015.original.pdf
20. Laurence, J. & Vaisse, J. (2007) *Intégrer l'islam*. Paris.
21. Novozhenova, I. S. (2007). Natcolalnaia identishnost v ery globalizatsyy [National identity in the era of globalization]. In U. I. Rubinsky (Ed.) *Francia v poiskah novykh pytei* [France in Search of New Ways] (pp. 27–68). Moscow.
22. Piquemal, M. Contre les collèges-ghettos, des initiatives à confirmer. (2016, Decembre 13). Liberation, Retrived from http://www.liberation.fr/france/2016/12/13/contre-les-colleges-ghettos-des-initiatives-a-confirmer_1535101
23. Sciences PO. Novembre 2005, dix ans après les émeutes. Actes du colloque des 19 & 20 octobre 2015 à Sciences PO. Retrieved from http://www.cevipof.com/rtefiles/File/graduate%20conference/Cahier_60.pdf
24. Senat. Les collectivites territoriales et le financement des lieux de culte, Rapport d'information, (2015, Mars). Retrived from <https://www.senat.fr/notice-rapport/2014/r14-345-notice.html>
25. Simon, P. (2012). *French National Identity and Integration: Who Belongs to the National Community*. Washington, DC: Migration Policy Institute.
26. Tassel, F. Descendants d'immigrés au pays des inégalités. (2012, Octobre 9). Liberation. Retrieved from http://www.liberation.fr/societe/2012/10/09/descendants-d-immigres-au-pays-des-inegalites_852114
27. Tribalat, M. (2013) Assimilation: la fin du modèle français. Paris. Retrieved from https://www.amazon.fr/Assimilation-fin-du-modele-francais/product-reviews/2810005532/ref=dp_x_acr_txt?showViewpoints=1
28. Tsapenko, I. P. (2017). Interkulturnaya paradigm integratsyy migrantov [Intercultural paradigm of integration of migrants]. *Rossiisky vestnik Akademii naouk* [Herault of Rusian Academy of Sciences], in print.
29. Valls évoque “un apartheid territorial, social et ethnique” en France. (2015, Janvier 20). Les Echos.fr, Retrieved from www.lesechos.fr/20/01/2015/lesechos.fr/0204094310486_valls-evoque-un-apartheid-territorial-social-et-ethnique-en-france.htm#ZWjgljQimRqabkzZ.99

МЕХАНИЗМЫ «УМНОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ» В ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКЕ СОВРЕМЕННОЙ РОССИИ: РАСШИРЕНИЕ ГРАЖДАНСКОГО УЧАСТИЯ

.....

Волкова А. В.

Волкова Анна Владимировна,
Санкт-Петербургский государственный университет,
199034, Санкт-Петербург, Россия, Университетская набережная, 7/9,
Эл. почта: a.volkova@spbu.ru.

Оценка регулирующего воздействия, возникшая как элемент модели New public management (нового государственного менеджмента), получает новое осмысление в связи с распространением концепции «smart regulation» («умного регулирования»). Она не только выполняет техническую функцию оценивания, но и является механизмом управления публичной политикой, обеспечивая согласование деятельности лиц, принимающих решения, с интересами гражданских структур. Сравнительный анализ опыта внедрения механизмов «умного регулирования» в Санкт-Петербурге и Ленинградской области позволяет сделать выводы о наметившихся различиях в публичной политике регионов. В обоих субъектах гражданское общество демонстрирует готовность к ответственному участию в процессах управления публичной политикой, однако типы этого взаимодействия различны. Проанализировав данные о гражданской активности в Санкт-Петербурге, можно сделать вывод о снижении интереса со стороны гражданского общества к участию в процессах публичной политики на основе формальных механизмов и нарастании активности по формированию собственной, альтернативную повестку дня. В Ленинградской области, напротив, прослеживается ориентация структур гражданского общества на повестку, предлагаемую органами государственной власти и на сотрудничество в рамках формализованных практик.

Ключевые слова: публичная политика, умное регулирование, оценка регулирующего воздействия, гражданское участие, ответственность, сотрудничество.

Повышенное внимание к различным аспектам публичной политики со стороны научного сообщества в современной России обусловлено рядом обстоятельств, но вопрос соотношения ответственности государства и общества за ее конкретные результаты является, на наш взгляд, одним из центральных. На протяжении XX в. в рамках американской традиции понятие «публичная политика» предполагает акцент на роли государства, на функционировании государственного аппарата в процессе выработки, принятия и реализации политических решений. Европейский подход к трактовке публичной политики характеризуется вниманием к процессу перераспределения функции государства по решению социальных проблем граждан, возрастанием ответственности

институтов гражданского общества и экспертов, выступающих от лица науки, за благосостояние общества и обеспечение инклюзивного развития. Можно с уверенностью утверждать, что для публичной политики большинства стран постсоветского пространства характерно главенствующее положение государства, которое является основным ее субъектом. Это «действия органов власти определенного уровня, выступающих в роли субъектов публичной политики, связанные с поиском приемлемого решения социально значимой проблемы, а также с его реализацией в интересах общества путем использования соответствующих институтов публичной политики и при явном участии ключевых акторов публичной политики» (Никовская, Якимец, 2013).

Несмотря на разницу в подходах, меры по улучшению качества деятельности органов государства занимают важное место в политике современных государств. Процедура оценки регулирующего воздействия возникла как элемент модели *New public management* (нового государственного менеджмента), ее внедрение в ряде западных стран (США, Великобритании, Германии, Голландии, Норвегии, Швеции) стало важной частью менеджериальных реформ в середине 1980-х. В современной научной литературе институт оценки регулирующего воздействия, а также ее способы внедрения и применения являются предметом многих исследований как зарубежных, так и отечественных (Х. Вольман, А. Рен, Т. Грейсон, Д. Б. Цыганков и др.). Большинство исследований носит междисциплинарный характер. Историческое развитие государственного оценивания, как отмечает Х. Вольман, насчитывает порядка тридцати лет и включает в себя три стадии развития (Вольман, 2004). Стоит отметить, что в научных кругах также идет разговор о четвертом этапе в развитии методологий оценивания государственной политики (Беляев, 2005).

Как известно, в процессе развития менеджериальных отношений в сфере государственного управления выявились новые проблемы: рыночные механизмы в системе государственного управления способствовали снижению значимости демократических ценностей, усложнили процесс коммуникации в государственных структурах и изменили институциональную структуру административных систем в ряде стран. Фокусируясь на интересах граждан-клиентов, новый государственный менеджмент способствовал преобладанию индивидуальных ценностей над общественными, что привело к нарастанию социальных противоречий в обществе. Преодоление данной проблемы связывается сегодня с процессом налаживания коммуникации между властью и социумом, с установкой на обязательность публичных дискуссий при принятии и реализации политико-управленческих решений. Так постепенно происходит постепенная замена нового государственного менеджмента менеджментом публичных ценностей (Волкова, 2013). Этот коммуникативный поворот можно считать началом четвертой волны оценивания (Цыганков, Смирнова, 2007), когда главной задачей оценивания становится поиск

консенсуса между различными акторами. Этим и ознаменован переход к концепции «Smart regulation» («умного регулирования»).

Оценка регулирующего воздействия (ОРВ) получает новое осмысление в связи с распространением концепции «умного регулирования» и современными мировыми экономическими кризисами. ОРВ определяется как социально-экономическое исследование, дающее ответ на вопрос о целесообразности внедрения определенных регулятивных механизмов, нормативно-правовых актов и стимулирующее развитие «частно-государственного» партнерства. Децентрализованная система, основанная на принципах кооперации и сотрудничества, сегодня трактуется как ядро «умного регулирования» и значима для развития процессов публичной политики. Она предполагает ориентацию на снижение административных барьеров, внедрение стандартов публичных консультаций и развитие систем гражданской коммуникации. Согласно новому подходу, издержки при принятии регулирующего акта разделяются на два типа: первичные те, что касаются затрат государственного органа при разработке, внедрении, осуществлении и дальнейшем контроле за исполнением регулирующего акта, и вторичные издержки, которые возникают у различных негосударственных групп при осуществлении регулирующего воздействия. Первый тип издержек поддается исчислению легче, чем второй, и, соответственно, законодателям необходимо проводить двухуровневую процедуру оценивания потенциальных последствий от регулирующих решений для выявления неэффективных правовых актов. Улучшение процесса законотворчества достигается путем использования оценки регулирующего воздействия. «Умное регулирование» в рамках Европейского союза является, по сути, ребрендингом подхода в деятельности различных институтов ЕС и европейских ученых, основанного на идее «меньшего регулирования» (less regulation) и качественного регулирования (better regulation), что предполагает:

- 1) упрощение системы действующего законодательства, разработку норм, общепонятных, доступных для граждан, которые должны их соблюдать;
- 2) предоставление возможности заинтересованным сторонам высказать свое мнение и его последующий учет;
- 3) обеспечение системного подхода в улучшении законодательства, начиная с разных стадий принятия проектов нормативно-правовых актов и заканчивая оцениванием уже действующих законов, а также обеспечение работы на нескольких уровнях власти (Better regulation, 2015).

В программных документах Организации экономического сотрудничества и развития (ОЭСР) можно встретить определение ОРВ, под которым понимается «регулярный процесс оценивания позитивных и негативных результатов от потенциального или осуществляемого регулирующего воздействия, а также анализ вероятных альтернатив» (Колегов, 2019).

В Российской Федерации на региональном уровне попытки внедрения инструмента ОРВ начались более десяти лет назад, к примеру, в 2005 г. в Республике Калмыкии данное применение носило эпизодический, пробный характер. Официальное и повсеместное внедрение данной процедуры началось позже, в соответствии с Концепцией уменьшения административных препятствий и повышения доступности государственных услуг на 2011–2013 гг., что было официально закреплено распоряжением Правительства Российской Федерации № 1021-р. Следует отметить, что процесс внедрения процедуры ОРВ протекает неравномерно. Например, на 2011 г. в постоянное использование механизм ОРВ был внедрен только в нескольких субъектах (в Ульяновской, Вологодской областях и ряде других регионов). Повсеместное закрепление данной оценивающей процедуры на этом уровне произошло только в 2013 г. вместе с принятием Федерального закона № 176 и корректировками Федерального закона «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». К концу 2015 г. соответствующие нормативно-правовые акты приняты во всех субъектах РФ. Согласно «Прогнозу долгосрочного социально-экономического развития Российской Федерации на период до 2030 года» (разработан Министерством экономического развития), ключевым направлением улучшения качества регулирования экономики в среднесрочной перспективе станет формирование и развитие новых институтов, обеспечивающих учет интересов всех сторон, являющихся адресатами регулирования предпринимательской и инвестиционной деятельности. Речь идет именно об институте оценки регулирующего воздействия. Оценка регулирующего воздействия не только выполняет непосредственно техническую функцию (снижение количества и стоимости возможных издержек), но и начинает определять процесс принятия органами государственной власти решений. ОРВ — элемент государственного управления, который подразумевает необходимость согласования деятельности лиц, принимающих решения с интересами тех лиц, на которых оказывает влияние данная деятельность. Это имеет решающее значение для совершенствования процессов управления публичной политикой в современной России: в рамках консультационного этапа проведения ОРВ формируется информационное поле, происходит открытый диалог граждан, на которых распространяется регуляторное воздействие и государства, которое это воздействие осуществляет.

Как отмечается в докладе «О развитии института оценки регулирующего воздействия в субъектах Российской Федерации и органах местного самоуправления в 2015 г.» (О развитии института, 2016), для осуществления помощи субъектам в методической части для наиболее успешного принятия и использования инструмента ОРВ Министерство экономического развития проводит на постоянной основе консультации по вопросам осуществления оценивания. Создан специальный интернет-сайт, содержащий информацию о данном инструменте (orgv.gov.ru). В рамках министерства разрабатываются и внедряются региональные аналоги интернет-сайта (regulation.gov.ru), выступающие площадкой для раз-

мещения проектов нормативно-правовых актов и их публичного обсуждения, например, региональный портал города Санкт-Петербурга (regulation.crppr.gov.spb.ru). Созданы соответствующие группы в социальных сетях (Facebook, ВКонтакте). К сожалению, на данный момент некоторые регионы, утвердив официальные порядки использования интернет-ресурса для осуществления консультаций, так и не перешли к его непосредственному применению. Тем не менее во многих субъектах существуют договоры о взаимодействии с региональными представительствами ведущих крупных НКО, представляющих и защищающих интересы предпринимателей, а также есть соглашение о взаимодействии с уполномоченными по защите прав предпринимателей в субъектах Российской Федерации. Согласно документам министерства, основная цель применения ОРВ — принятие разумного, обдуманного, наиболее эффективного решения на государственном уровне.

Важно отметить существование в России такого механизма развития публичной политики, как построение рейтинга качества осуществления ОРВ в субъектах. Можно выделить три подхода к рейтингованию регионов, представленные такими структурами, как «Народная экспертиза» Общероссийского народного фронта (ОНФ), Национальный исследовательский университет Высшая школа экономики (НИУ ВШЭ), и Министерство экономического развития Российской Федерации.

В вопросах исследования ОРВ лидерскую позицию в настоящее время удерживает НИУ ВШЭ и ее Центр исследования оценки регулирующего воздействия. Подход, разработанный Центром в рамках НИУ ВШЭ в 2014 г., заключался в оценивании качества внедрения и проведения процедур ОРВ по двум основным компонентам, характеризующим ключевые затраты и результаты внедрения ОРВ:

- 1) по ресурсному обеспечению, в том числе по обучению государственных служащих;
- 2) по качеству практической реализации процедуры ОРВ на основе подготавливаемых документов (сводных отчетов, заключений, экспертных заключений).

Такая расстановка приоритетов вполне объяснима. Во-первых, этот рейтинг был рассчитан на начальный этап внедрения ОРВ, когда регионы формировали соответствующие структуры и активно вкладывали бюджетные средства в обучение своих государственных служащих. Во-вторых, сотрудники Центра активно участвовали в организации образовательного процесса по вопросам ОРВ и профессиональной подготовки государственных и муниципальных служащих, а построение такого рейтинга неизбежно должно было стимулировать руководство регионов к наращиванию вложений в обучение кадров, разработку методических материалов и качественных сайтов.

«Народная экспертиза» ОНФ для осуществления мониторинга и построения своего рейтинга использовала метод анкетирования предпринимателей. Такое

оценивание эффективности внедрения ОРВ проводилось единожды в 2014 г. (анкетный опрос около 1800 бизнесменов в 83 субъектах Российской Федерации). В анкете опрашиваемым бизнесменам предлагалось ответить на ряд вопросов, касающихся успешности проведения процесса внедрения процедуры ОРВ в регионе, а также на вопросы о степени информированности предпринимателей о процедуре ОРВ, возможности и удобности принятия в ней участия, удовлетворенности от этого. По результатам опроса, рейтинг регионов по внедрению ОРВ возглавили Архангельская и Магаданская области, они набрали по 6,5 и 5,5 из максимальных 10 баллов соответственно. Аутсайдерами рейтинга оказались Мурманская область (1,2 балла) и Чукотский автономный округ (1,3). Санкт-Петербург в этом рейтинге занял восьмое место, набрав 4,5 балла. Принципиально важным можно назвать то, что данный опрос выявил низкий уровень информированности предпринимателей о процедуре ОРВ. Из всех опрошенных только 44% знали, что такое оценка регулирующего воздействия. Из этого можно сделать два вывода: во-первых, в 2014 г. региональные власти в большинстве своем не занимались активным внедрением процедуры ОРВ, а также информированием населения о ней; во-вторых, к сожалению, предприниматели с недоверием и без энтузиазма отнеслись к нововведениям в сфере оценивания нормативно-правовых актов. Можно предположить, что обращение ОНФ к проблеме оценки регулирующего воздействия было обусловлено политическими причинами. Общероссийский народный фронт, задуманный как дублер, своего рода «внутренний цензор» для Единой России, сыграл в данном случае на стороне бизнес-сообщества и привлек внимание власти к проблемам коммуникации со структурами гражданского общества. Такой рейтинг был сформирован единожды, но он оказал влияние на редактирование основного рейтинга российских регионов (рейтинга Министерства экономического развития) и обусловил появление в нем позиции «Независимая оценка», отражающей вовлеченность бизнес-сообщества в публичную политику субъектов и отношение бизнесменов к ОРВ.

Основная методика, применяемая сегодня для составления рейтинга регионов в сфере применения ОРВ, была разработана министерством в 2014 г. Она содержит такие разделы, как «Механизм проведения ОРВ», «Методическое и организационное сопровождение», «ОРВ в органах местного самоуправления», «Независимая оценка». Эти разделы в свою очередь состоят из критериев, которые имеют определенные заданные им баллы, общей суммой 100 баллов. Стоит особо обратить внимание на один элемент данного рейтинга — независимую оценку бизнес-сообщества, которая появилась позже под влиянием рейтинга ОНФ. Цель данной методики заключается в обнаружении не только главных препятствий и проблем в реализации и дальнейшем улучшении института ОРВ в определенных субъектах, но и лучших практик внедрения данного инструмента в субъектах Российской Федерации. На основании подсчетов по 100-балльной шкале субъекты распределяются по четырем группам («Высший уровень», «Хороший уровень»,

«Удовлетворительный уровень», «Неудовлетворительный уровень»)). Итоговый рейтинг публикуется на официальном сайте (Методика, 2015).

Представленные рейтинги не сходятся в ранжировании субъектов из-за несовпадающих критериев и способов оценивания. Следовательно, определение истинного положения в ранжировании субъектов РФ затруднено. Затруднена объективная оценка эффективности внедрения процедуры ОРВ и не исключено, что на региональные органы, обеспечивающие осуществление ОРВ, будет оказываться политическое давление. При составлении рейтинга нужно учитывать также специфику внедрения этой оценочной процедуры, которая варьируется от региона к региону.

Публичное обсуждение регуляторных мер государства — один из основных институтов демократии, который дает возможность осуществлять право на участие в государственном управлении. Высказывая свое мнение, граждане дают дополнительную информацию органу государственной власти, применяя которую он способен улучшать регуляторную среду, состоящую из уже принятых и еще разрабатываемых нормативно-правовых актов. В этой связи стоит упомянуть пример реализации ОРВ на федеральном уровне при разработке специальной системы налогообложения («Платон»). Несмотря на отрицательное заключение Министерства экономического развития об ОРВ в отношении данного законопроекта, он был принят, что привело к массовым протестам. Важно отметить, что существуют и позитивные примеры применения ОРВ, например, «О внесении изменений в отдельные законодательные акты РФ (в части совершенствования правового регулирования организации нестационарной и развозной торговли)». Данный проект дорабатывался с учетом множества предложений, поступивших в процессе проведения ОРВ.

Сравнительный анализ Санкт-Петербурга и Ленинградской области достаточно интересен в этом аспекте не только потому, что субъекты на протяжении 90 лет были единым образованием в составе РСФСР и эта практика дает основания периодически возвращаться к теме возможного их объединения, но и в связи с наметившимися конкурентными отношениями административных элит за лидерство в Северо-Западном федеральном округе РФ.

Согласно Закону Санкт-Петербурга № 682–125 и Постановлению Правительства Санкт-Петербурга № 244 ОРВ — это процедура, призванная выявлять проекты законов, приводящие к появлению у предпринимателей излишних обязанностей, необоснованных и избыточных запретов и ограничений для субъектов экономической деятельности. Данная процедура должна обнаруживать те законопроекты, которые могут привести к образованию необоснованных расходов как предпринимателей, так и бюджета Санкт-Петербурга (см. рисунок). Формально в субъекте реализуется широкий подход к осуществлению ОРВ, подразумевающий проспективное и ретроспективное оценивание (оценку

Год	Санкт-Петербург	Ленинградская область
2014	38	35
2015	17	5
2016	45	2

эффективности государственного регулирования и оценку фактического воздействия соответственно).

В таблице представлена динамика субъектов в рейтинге регионов по методике Министерства экономического развития за период 2014–2016 гг.

Принимая во внимание специфику расчета индексов качества при проведении ОРВ, следует указать соответствие динамики регионов статистическим данным Комитета по развитию предпринимательства Петербурга относительно количества и качества публичных консультаций, активности предпринимателей и граждан. Среди критиков процедуры ОРВ в Санкт-Петербурге можно выделить: руководителя региональной общественной организации предпринимателей «Деловой город» А. Шабанова, Уполномоченного по защите прав предпринимателей в Санкт-Петербурге А. В. Абросимова и лидера общественного движения «Содействие малому бизнесу» Г. В. Янина. Все они отмечают незаинтересованность чиновников в публичных консультациях, поскольку негативное оценивание проектов нормативных правовых актов не останавливает их принятие. Кроме того, оцениванию подлежат только вновь принимаемые законы, а при изменении уже действующего закона оценивание не проводится. Подобное отношение со стороны государственных органов к позиции предпринимателей побуждает их объединяться для защиты своих интересов. В качестве примера можно привести инициативу создания новой несистемной площадки — Единого экспертного совета для оценки регулирующего воздействия (Эксперт: Одних отрицательных оценок..., 2017).

Падение интереса к процедуре ОРВ в Петербурге со стороны структур гражданского общества отражает разочарование и неприятие гражданскими активистами формальных механизмов. Наряду с этим в 2016–2017 гг. петербуржцы демонстрируют развитие форм гражданского участия, рост активности, самоорганизации, ответственности (гражданских способностей). Граждане активно формируют политическую повестку региона, выступают с позиций таких публичных ценностей как справедливость, сотрудничество, солидарность. Это, прежде всего, гражданская активность по защите исторических памятников и городских учреждений культуры. Всероссийский резонанс получила кампания по отстаиванию Исаакиевского собора с многотысячными митингами и протесты петербуржцев против слияния двух крупнейших библиотек страны — московской Российской государственной библиотеки (РГБ, бывшая «Ленинка») и петербургской Российской национальной библи-

Ключевые этапы проведения процедуры ОРВ в Санкт-Петербурге согласно Постановлению Правительства Санкт-Петербурга № 244 «О порядке проведения оценки регулирующего воздействия в Санкт-Петербурге»

отеки (РНБ, бывшая Публичная библиотека). Необходимо отметить также беспрецедентный уровень консолидации, сотрудничества, ответственности и взаимопомощи граждан после первого в истории города теракта в метро, заставивший журналистов и блогеров всей страны говорить о Санкт-Петербурге как о «самом добром городе». Таким образом, сегодня региональный опыт внедрения механизмов «умного регулирования» характеризуется в большей степени наращиванием объемов бумажного делопроизводства, чем примерами ответственного гражданского участия. В то же время гражданское общество Санкт-Петербурга демонстрирует готовность к сотрудничеству, к ответственному участию в процессах управления публичной политикой.

Ленинградская область наряду с формированием законодательной базы ОРВ в последние несколько лет сделала ряд важных шагов, направленных на развитие гражданской коммуникации и гражданских способностей. Так, в частности, были заключены соглашения о взаимодействии при проведении процедур ОРВ в Ленинградской области между администрациями муниципальных районов и представителями общественных организаций («Опора России» по Ленинградской области, регионального объединения работодателей «Союз промышленников и предпринимателей Ленинградской области», Ассоциацией «Ленинградская областная Торгово-промышленная палата»). Ленинградская область вошла в число пилотных субъектов РФ по созданию регионального портала на базе федерального (regulation.lenreg.ru) для публичного обсуждения проектов и действующих нормативных правовых актов Законодательного собрания, органов исполнительной власти Ленинградской области и органов местного самоуправления Ленинградской области. Успешная реализация пилотного проекта способствовала продвижению процедуры ОРВ и ее информационному сопровождению: с 1 сентября 2016 г. на официальном сайте (econ.lenobl.ru) проводится опрос предпринимателей и представителей бизнес-сообщества Ленинградской области с целью выявления проблемных вопросов и основных направлений развития процедуры оценки регулирующего воздействия в области.

Параллельно с продвижением практики публичных консультаций по инициативе органов государственной власти в Ленинградской области успешно развиваются и иные формы гражданской активности. В рамках движения по активизации участия населения сельских территорий в решении вопросов местного значения Правительство Ленинградской области, начиная с марта 2011 г., предпринимает меры, направленные на поддержку сельских старост как одной из наиболее эффективных форм участия граждан в местном самоуправлении. Эта тема приобрела новое звучание в 2012 г. в связи с укрупнением муниципальных образований, когда возникла необходимость компенсировать возможные риски при объединении сельских поселений и не допустить удаления местной власти от населения. Государственная поддержка и стимулирование

развития института сельских старост стали частью областной концепции реформирования территориальной организации местного самоуправления (Макаров, Патраев, Лебединский, Романцов, 2013).

Правовым основанием для этой работы послужили нормы, сформулированные в Федеральном законе от 6 октября 2003 г. № 131-ФЗ «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации». Законом предусмотрено содействие участию населения в осуществлении местного самоуправления, в том числе в иных формах, непосредственно не предусмотренных законом. В целях реализации этих обязанностей был разработан и принят Закон Ленинградской области от 14 декабря 2012 г. № 95-оз «О содействии развитию на части территорий муниципальных образований Ленинградской области иных форм местного самоуправления», который предполагает поддержку органами государственной власти Ленинградской области таких форм местного самоуправления, как общественные советы и старосты. Таким образом, законодательно была закреплена существовавшая на протяжении нескольких десятилетий успешная практика гражданской самоорганизации и гражданской активности.

Основными целями, на которые направлена реализация закона, являются:

- активизация участия сельского населения в решении вопросов местного значения;
- мобилизация собственных материальных и трудовых ресурсов отдельных граждан, муниципальных образований и хозяйствующих субъектов для местного развития;
- формирование и развитие в сельской местности институтов гражданского общества;
- консолидация граждан, проживающих в сельской местности, в решении вопросов благоустройства населенных пунктов.

Напрямую староста избирается только на части территории поселения с численностью жителей до 50 чел., в остальных случаях он избирается из состава общественного совета. В рамках государственной поддержки старост планируется не только выделение субсидий на мероприятия по решению вопросов местного значения (благоустройство; ремонт грунтовых дорог, пожарная безопасность), но и проведение обучающих семинаров, направленных на вовлечение граждан в публичную политику. Средства в рамках государственной поддержки старост предоставляются только администрациям поселений в виде субсидий в порядке и в соответствии с условиями, установленными Правительством Ленинградской области. Эти процедуры характеризуются высокой степенью прозрачности. Сегодня эта поддержка распространяется на 2882 сельских населенных пункта (98% всех населенных пунктов) Ленинградской области. И если в 2014 г. количество старост в муниципальных образованиях состав-

ляло 1433 чел., то сегодня в регионе зафиксирована работа 1653 старост и 453 общественных советов. Исходя из возможного количества частей территорий, ориентировочное число старост в Ленинградской области может в будущем составить 3540 чел. и еще приблизительно 10000 членов общественных советов. Это огромное количество граждан, местных активистов, которые могут быть напрямую вовлечены в работу по решению местных проблем благодаря мерам государственной поддержки института старост в сельской местности.

В заключение следует отметить, что возможность граждан участвовать в публичных консультациях определяется нами как один из важнейших элементов ОРВ. Именно он выступает механизмом развития публичной политики, что подтверждается анализом региональных практик. Важной проблемой для развития ОРВ как института является низкий уровень активности бизнес-сообщества и его слабая информированность о текущих общественных консультациях. Без активной позиции предпринимателей осуществление ОРВ лишено смысла, а без квалифицированного и заинтересованного экспертного сообщества возникает риск продавливания определенными группами своих интересов вопреки отрицательным заключениям ОРВ. Возможным направлением в улучшении законодательства является закрепление обязательного реагирования органа разработчика нормативно-правового акта на заключение, сформированное по итогам публичных консультаций.

Несмотря на существование некоторых проблем, данный вид оценивания уже приносит пользу, и в дальнейшем оно имеет перспективы стать одним из важнейших компонентов в российской политико-управленческой системе, тем более, что гражданское общество демонстрирует готовность к ответственному участию в процессах управления публичной политикой на основе как официальной, предложенной государственными структурами повестки дня, так и собственной, альтернативной.

В рассмотренных нами субъектах РФ гражданское общество демонстрирует готовность к ответственному участию в процессах управления публичной политикой, однако в регионах гражданская ответственность понимается по-разному и, соответственно, типы взаимодействия с государственными структурами различны. В Санкт-Петербурге на протяжении уже нескольких лет преобладает тенденция к снижению интереса со стороны гражданского общества к участию в процессах публичной политики на основе формальных механизмов и нарастает стремление формировать собственную, альтернативную повестку дня. Можно сказать, что активисты навязывают свою повестку дня правительственным структурам и вынуждают к ответным действиям. В качестве примера можно привести масштабные несанкционированные митинги в апреле-июне 2017 г., связанные с фильмом А. Навального о Председателе Правительства РФ Д. Медведеве. В качестве ответной реакции в Санкт-Петербурге был принят закон, ограничивающий депутатов

городского парламента в проведении встреч с избирателями и даже проведен арест одного из действующих депутатов парламента за несоблюдение новых условий публичной активности.

В Ленинградской области, напротив, прослеживается ориентация структур гражданского общества на повестку, предлагаемую органами государственной власти, и на сотрудничество в рамках формализованных практик. Область не поддержала протестные настроения ближайшего соседа и сохранила исключительно лояльность.

Библиографический список

1. Беляев, А. Н. (2005). Измерение эффективности и оценивание в государственном управлении: международный опыт. В А. Н. Беляев, Е. С. Кузнецова, М. В. Смирнова, Д. Б. Цыганков (ред.) *Оценивание программ и политик: методология и применение. Вып. 1* (с. 6–26). Москва.
2. Волкова, А. В. (2013). *Публичные ценности и система государственного управления России*. Санкт-Петербург.
3. Вольман, Х. (2004). *Оценивание в рамках реформы государственного управления: в сторону «третьей волны» оценивания?* Москва.
4. Доклад «О развитии института оценки регулирующего воздействия в субъектах Российской Федерации и органах местного самоуправления в 2015 году». Режим доступа <https://orv.gov.ru/Regions/Ratings>.
5. Колегов, В. В. (2015). *Совершенствование системы оценки регулирующего воздействия в государственном управлении на региональном уровне*. (Канд. диссертация). Москва: Московский городской университет управления Правительства Москвы.
6. Методика построения рейтингов субъектов РФ. Режим доступа <http://economy.gov.ru/mines/activity/sections/ria/orvrf/bestpractices/index>.
7. Никовская, Л. И., Якимец, В. Н. (2013). Проблемы и приоритеты развития публичной политики в современной России. *Власть*, 0 (9), 4–9.
8. Эксперт: Одних отрицательных оценок недостаточно. Нужны действия. (2017, Март 9). *Новости малого бизнеса*. Режим доступа <http://novostimb.ru/news/2017/03/09/ekspert-odnix-otricatelnyx-ocenok-nedostatochno-nuzhny-dejstviya.html>
9. О развитии института оценки регулирующего воздействия в субъектах Российской Федерации и органах Оценка регулирующего воздействия: официальный сайт. Режим доступа <http://orv.gov.ru/>
10. *Официальный сайт* Комитета по развитию предпринимательства и потребительского рынка С.-Петербурга. Режим доступа <http://crppr.gov.spb.ru/reg-vozdvoistvie/>
11. Макаров, И. И., Патраев, К. Н., Лебединский, М. Е., Романцов, А. А. (ред.). (2013). *Правовые основы государственной поддержки сельских старост в Ленинградской области*. Санкт-Петербург.
12. Региональный портал для размещения информации о разработке органами государственной власти субъектов Российской Федерации нормативно правовых актов и результатах их общественного обсуждения. Режим доступа <http://regulation.crppr.gov.spb.ru/activate.html>

13. Федеральный портал проектов нормативных правовых актов. Режим доступа <http://regulation.gov.ru/>
14. Центр Общероссийского народного фронта по независимому мониторингу исполнения указов Президента РФ «Народная экспертиза». Внедрение ОРВ в регионах. Режим доступа <http://narexpert.ru/dlya-vnedreniya-orv-na-regionalnom-urovne-trebuetsya-bolshe-usilij-vlasti-i-predprinimatelskogo-soobshhestva/>
15. Цыганков, Д. Б., Смирнова, М. В. (2007). Четвертое поколение методов оценивания. В А. Н. Беляев, Е. С. Кузнецова, М. В. Смирнова, Д. Б. Цыганков (ред.) *Оценивание программ и политик: методология и применение. Вып. 1* (с. 95–98). Москва.
16. Better Regulation Framework Manual. Practical Guidance for UK Government Officials. (2015, March). Retrieved from <http://www.bis.gov.uk/assets/biscore/better-regulation/docs/i/11-1111-impact-assessment-guidance.pdf>

Статья поступила в редакцию 24.03.2017

.....

MECHANISMS OF “SMART REGULATION” OF PUBLIC POLICY IN CONTEMPORARY RUSSIA: DEVELOPMENT OF CITIZEN PARTICIPATION

Volkova A. V.

Volkova Anna Vladimirovna, St. Petersburg State University, St. Petersburg, 199034, Russia,
Universitetskaya nab. 7/9. E-mail: a.volkova@spbu.ru

The Regulatory Impact Assessment, emerged as an element of the New public management model, gets a new meaning in the context of the “smart regulation” conception. It not only fulfills the technical function of evaluation, but it is also a mechanism of public policy governance, which ensures the coordination of the activities of decision-makers with the interests of civil society structures affected by this activity. Comparative analysis of the experience of implementing the mechanisms of «smart regulation» in St. Petersburg and Leningradskaya oblast' let us to draw conclusions about the emerging differences in public policy in these regions. In both subjects, the civil society demonstrates a readiness for responsible participation in processes of the public policy governance, but the types of interaction are different. According to analysis of the citizen activity in St.-Petersburg, we can conclude that the interest of the civil society organizations to participate in public policy processes with formal mechanisms has been declining. Decline in civil society interest to formal procedures for Regulatory Impact Assessment reflects the frustration and rejection of formal mechanisms in a number of regions. At the same time, their activity to form an alternative agenda has been increasing. The orientation of the civil society structures to the agenda proposed by state authorities has been and to cooperation in the framework of formalized practices took place in Leningradskaya oblast'.

Key words: public policy, smart regulation, assessment of regulatory impact, citizen participation, responsibility, cooperation.

References

1. Belyaev, A. N. (2005). *Izmerenie ehffektivnosti i ocenivanie v gosudarstvennom upravlenii: mezhdunarodnyj opyt* [Measurement of Effectiveness and Evaluation in Public Administration: International Experience]. In A. N. Belyaev, E. S. Kuznecova, M. V. Smirnova & D. B. Tsygankov (Eds.) *Ocenivanie programm i politik: metodologiya*

- i primenenie. Vyp. 1* [Estimation of Programs and Policy: Methodology and Application. Is. 1] (pp. 6–26). Moscow.
2. Better Regulation Framework Manual. Practical Guidance for UK Government Officials. (2015, March). Retrieved from <http://www.bis.gov.uk/assets/biscore/better-regulation/docs/i/11-1111-impact-assessment-guidance.pdf>
 3. Centr Obshcherossiyskogo narodnogo fronta po nezavisimomu monitoringu ispolneniya ukazov Prezidenta RF “Narodnaya ehkspertiza”. Vnedrenie ORV v regionah [Center of the Russian Popular Front for Independent Monitoring of Performance of Decrees of the Russian President “National Examination”. Introduction of Assessment of the Regulating Influence in Regions]. Retrieved from <http://narexpert.ru/dlya-vnedreniya-orv-na-regionalnom-urovne-trebuetsya-bolshe-usilij-vlasti-i-predprinimatelskogo-soobshhestva/>
 4. Doklad “O razvitiy instituta ocenki reguliruyushchego vozdeystviya v sub’ektah Rossiyskoj Federacii i organah mestnogo samoupravleniya v 2015 godu” [The Report “About Development of Institute of Assessment of the Regulating Influence in Territorial Subjects of the Russian Federation and Local Governments in 2015”]. Retrieved from <https://orv.gov.ru/Regions/Ratings>
 5. Ekspert: Odnikh otritsatel’nykh otsenok nedostatochno. Nuzhny deystviya [Expert: One Negative Estimates Insufficiently. Actions are Necessary]. (2017, March 9). *Novosti malogo biznesa* [Small Business News]. Retrieved from <http://novostimb.ru/news/2017/03/09/ekspert-odnix-otricatelnyx-ocenok-nedostatochno-nuzhny-deystviya.html>
 6. Federal’nyj portal proektov normativnyh pravovyh aktov [Federal Portal of Drafts of Regulations]. Retrieved from <http://regulation.gov.ru/>
 7. Kolegov, V. V. (2015). *Sovershenstvovanie sistemy ocenki reguliruyushchego vozdeystviya v gosudarstvennom upravlenii na regional’nom urovne* [Improvement of System of Assessment of the Regulating Influence in Public Administration at the Regional Level]. (Cand. Dissertation). Moscow: The Moscow City Government University of Management.
 8. Makarov, I. I., Patraev, K. N., Lebedinskiy, M. E. & Romantsov, A. A. (Eds.). (2013). *Pravovye osnovy gosudarstvennoj podderzhki sel’skih starost v Leningradskoj oblasti* [Legal Basis of State Support for Village Headmen in the Leningrad Region]. St. Petersburg.
 9. Metodika postroeniya rejtingov sub’ektov RF [Technique of Creation of Ratings of Territorial Subjects of the Russian Federation]. Retrieved from <http://economy.gov.ru/minrec/activity/sections/ria/orvrf/bestpractices/index>
 10. Nikovskaya, L. I. & Yakimets, V. N. (2013). Problemy i priority razvitiya publichnoy politiki v sovremennoj Rossii [Problems and Priorities for the Development of Public Policy in Contemporary Russia]. *Vlast’* [Power], 0 (9), 4–9.
 11. O razvitiy instituta ocenki reguliruyushchego vozdeystviya v sub’ektah Rossiyskoj Federacii i organah Ocenka reguliruyushchego vozdeystviya: oficial’nyj sayt. [About Development of Institute of Assessment of the Regulating Influence in Territorial Subjects of the Russian Federation. Assessment of the Regulating Influence: Official Site]. Retrieved from <http://orv.gov.ru/>
 12. Oficial’nyj sayt Komiteta po razvitiyu predprinimatel’sstva i potrebitel’skogo rynka S.-Peterburga [Official Site of Committee on Development of Business and Consumer Market of St.-Petersburg]. Retrieved from <http://crppr.gov.spb.ru/reg-vozdeistvie>
 13. Regional’nyj portal dlya razmeshcheniya informacii o razrabotke organami gosudarstvennoj vlasti sub’ektov Rossiyskoj Federacii normativno pravovyh aktov i rezul’tatah ih

- obshchestvennogo obsuzhdeniya. [The Regional Portal for Placement of Information on Development of Territorial Subjects of the Russian Federation of Standardly Legal Acts by Public Authorities and Results of Their Public Discussion]. Retrieved from <http://regulation.crppr.gov.spb.ru/activate.html>
14. Tsygankov, D. B. & Smirnova, M. V. (2007). "Chetvertoe pokolenie metodov ocenivaniya" [Fourth Generation of Methods of Estimation]. In A. N. Belyaev, E. S. Kuznecova, M. V. Smirnova & D. B. Tsygankov (Eds.) *Ocenivanie programm i politik: metodologiya i primeneniye. Vyp. 1* [Estimation of Programs and Policy: Methodology and Application. Is. 1] (pp. 95–98). Moscow.
 15. Volkova, A. V. (2013). *Publichnye cennosti i sistema gosudarstvennogo upravleniya Rossii* [Public Values and System of Public Administration in Russia]. St. Petersburg.
 16. Vol'man, X. (2004). *Ocenivanie v ramkah reformy gosudarstvennogo upravleniya: v storonu "tret'ej volny" ocenivaniya?* [Evaluation Within the Framework of Public Administration Reform: Towards the "Third Wave" of Evaluation?]. Moscow.

ВОЗРАСТНЫЕ КОНСТРУКТЫ В НАРРАТИВАХ СТУДЕНТОК КУБАНСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА

Петрова А. Ю., Плотичкина Н. В.

Петрова Алиса Юрьевна,
Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: cocodex70@gmail.com

Плотичкина Наталья Викторовна,
Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: oochronos@mail.ru.

В статье рассматриваются практики телесной репрезентации возраста студентками на различных этапах (детство, подростковость, юность, молодость). Результаты изучения возрастных конструктов получены в ходе качественного анализа биографических эссе информантов. Показан эвристический потенциал биографического метода для анализа телесных репрезентаций возраста. Дизайн прикладного исследования задан трактовкой возраста как биодемографической действительности и результата социального конструирования. В статье описаны исследовательские направления в социологии тела. Теоретическая экспликация термина «возраст» показала наличие различных смысловых коннотаций понятия: объективный хронологический факт, социальная проблема, индивидуальный атрибут, «самоопределяющаяся категория» (субъективное ощущение возраста). Осуществлена эссенциализация научного дискурса относительно социального конструирования возрастных различий; выявлены особенности социологической интерпретации возраста как процесса и результата интерактивной работы. Сформулированы выводы о возрастных конструктах в нарративах информантов. В биографических эссе детство – этап телесной трансформации от ребенка к девочке, открытия своего тела как «тела пола». Подростковость и юность интерпретировались информантами как период телесных экспериментов, освоения новых телесных практик. Указываются отличия дискурсивного оформления возрастных конструктов детства и подростковости/юности в нарративах информантов. В детстве вектор индивидуальных телесных проявлений задавался родителями, в подростковом возрасте/ юности в телесные дискуссии активно включились сверстники. В эссе девушек молодость характеризуется как этап самоопределения, репрезентации женственного тела-образа, объективной рефлексии и работы над телом. Исследование биографических эссе молодых девушек зафиксировало трансформацию телесных воплощений возрастных этапов, вариативность восприятия информантками возрастных изменений тела.

Ключевые слова: возраст, тело, конструирование возраста, молодежь, детство, юность, молодость.

Тело в исследованиях возраста

В социологии возраста тело является периферийной областью научных теоретизирований, несмотря на то, что процессы взросления или старения индивидов телесно репрезентированы (Keller, Meuser, 2017). С одной стороны, современное общество предъявляет строгие требования к представителям определенных возрастных категорий, индивиды действуют согласно возрастным предписаниям; с другой стороны, в условиях позднего модерна, основанного на идеологии выбора и самореализации, распространения консьюмеристской культуры, тело становится частью рефлексивного проекта по созданию собственной идентичности (Giddens, 1991), ослабевают культурные ожидания относительно возрастных периодов. Исследование конструирования возраста в молодежных сообществах нечасто находится в фокусе научного дискурса, что обусловлено настройкой научной оптики на анализ старости (Кац, 2016), идеей о том, что молодежь легко встраивается в существующие в обществе потребления императивы красоты, молодости, «нормативные дизайны» телесности. При этом образ молодого тела вызывает активный научный интерес исследователей, учитывая привилегию молодости в имеющихся определениях физической привлекательности (Clarke, Korotchenko, 2011).

В социологических науках существуют различные трактовки тела (Gugutzer, 2015): тело как продукт общественной действительности (институциональное дисциплинирование тел, тела в разрезе знания, власти и языка (М. Фуко), телесные символизации социального (М. Дуглас), цивилизованные телесного поведения (Н. Элиас); тело как производитель «социального», «драматургическое» тело, телесные репрезентации порядка взаимодействия (И. Гофман) (Гофман, 2000; Фуко, 1999; Douglas, 2003).

М. Ридель, обрисовывая контуры теоретической и прикладной экспликации тела в научных исследованиях возраста, фиксирует незначительное количество работ в европейском научном дискурсе, в которых изучалась бы взаимосвязь тела и возраста (Riedel, 2017). Вместе с тем соматический поворот в социальных науках и культурный поворот в социальной геронтологии вызвали рост исследовательского интереса к социальному конструированию «стареющих» и «взрослеющих» тел.

В этой связи П. Хиггс и К. Джиллеард постулируют необходимость различения возраста как телесности (тело как социальный актант, относительно непосредственная материальность тела) и как воплощения (тело как со-конструктор идентичности; то, как люди «действуют» или «показывают» свой возраст). Воплощение или воплощенный габитус реализуется посредством воплощенных идентичностей и воплощенных практик, связанных с прошлой и настоящей идентичностью. Воплощение охватывает действия, выполняемые телом, которые неразрывно ориентированы на «социальное». Телесность — это те особенности тела, которые изменяются в течение жизни человека и обеспечивают контекст

для воплощения возраста. В интерпретации авторов, студенческие волнения 1960-х гг., развитие телесного общества и потребительской культуры привели к переосмыслению корреляции возраста и тела (Gilleard, Higgs, 2015).

Объективная и фактическая природа возраста делает его идеальным объектом для социологического исследования. В современных теоретизированиях циркулируют следующие трактовки возраста: объективный хронологический факт; индивидуальный атрибут в контексте усвоенных в ходе социализации социальных статусов и ролей; социальная проблема (например, старение); «самоопределяющаяся категория» (субъективное ощущение возраста). Ш. Лаз, проводя параллели между изучением возраста и гендера, рассматривала возраст как процесс и результат интерактивной работы (*doing age*), социальный конструкт, перформанс. Исследовательница выделяла следующие ресурсы работы над возрастом: межличностное взаимодействие, тело, культура, СМИ, реклама, медицина и т.д. (Laz, 1998). Индивиды, интерпретируя внешние и внутренние сообщения тела, работают над возрастом, создают и отстаивают себя, роли и идентичности. Как отмечает Х. Томас, концепт Ш. Лаз указывает на то, что возраст конституируется индивидами в ходе интеракции в определенном социальном контексте, подчеркивает связь между телом, обществом и взаимодействующим «Я» (Thomas, 2013).

Социальное конструирование возраста — непрерывно развивающийся процесс в современных обществах, характеризующийся динамичной возрастной дифференциацией, связанной с социальным признанием новых возрастных категорий (например, «подростковость» Г. Стэнли Холла, «нарождающаяся взрослость» (*emerging adulthood*) Дж. Арнетта). Социальное конструирование и признание каждой вновь идентифицированной возрастной группы параллельны макроструктурным изменениям в социальных институтах (например, в сфере образования, труда, здравоохранения, государственной политики, науки /техники и т.д.), которые стимулируют развитие новой социальной организации возрастных ролей, ожиданий и мероприятий, охватывающих вновь выявленные сегменты населения (Mortimer, Moen, 2016).

К. Р. Шретер различает следующие уровни конструирования возраста: символический (дефиниции, границы возраста); интерактивный (инсценировки возраста); соматический (телесные стратегии возраста); телесно-аффективный (субъективное ощущение возраста) (Schroeter, 2014).

Doing age — конструирование возрастных различий, границ, этапов, которое биологически не обусловлено и интерпретируется как реально возникающие обстоятельства работы (Laz, 1998; Schroeter, 2009). *Doing age* — социальный конструкт возрастных различий, транслируемых через тело, при этом тело приобретает символический характер (Nakao, 2016). *Doing age* институционализируется и материализуется в социальных и культурных различиях, которые определяют люди разных возрастов. С позиции социального конструктивизма

индивиды демонстрируют мнимые и реальные возрасты и классифицируют друг друга в возрастных координатах по маркерам внешнего вида, действиям, одежде, телесным практикам. В этом плане *doing age* — это «визуальная эмпирика» возраста, стратегические практики обращения индивидов с возрастом.

Тело репрезентирует возраст индивида, работа над телом помогает скрывать возрастные изменения. Тело — это социальный медиум и результат индивидуальных действий. Тело свидетельствует о принадлежности индивида к определенной социальной группе, которой свойственны свои социально нормированные образцы возрастной активности.

В российском научном дискурсе проблематикой социального конструирования возраста занимается исследовательский коллектив под руководством Е. А. Омельченко (Omelchenko, Nartova, Krupets, 2017).

Результаты эмпирического исследования

В фокусе исследовательской оптики авторов статьи находились следующие вопросы: как в биографических эссе молодых информанток конструировались различные возрастные этапы (детство, юность/подростковость, молодость), какие манипуляции с телом производили молодые девушки, чтобы создать нужную возрастную репрезентацию (размеры тела, одежда, аксессуары, косметика, техники тела и т.д.)?

Авторы проанализировали одиннадцать биографических эссе молодых девушек в возрасте 19–22 лет, обучающихся в КубГУ и проживающих в городе Краснодаре. П. Хигате подчеркивает методологическую ценность биографий, фиксирующих повседневное взаимодействие в телесном фокусе (Higate, 1998); критическая и рефлексивная форма биографий имеет социологический потенциал для анализа субъективных репрезентаций, телесных воплощений возраста, когда конструкты телесного возраста осмысляются и выявляются на фоне автобиографического опыта (Кац, 2016). К. Феникс и Э. Спаркс изучали нарративы молодых спортсменов с целью выявления того, как в своих повествованиях информанты концептуализируют старение, какие ресурсы используют, чтобы действовать в соответствии с возрастом, какие формы воплощения возраста могут использовать в будущем (Phoenix, Sparkes, 2006).

На основании качественного анализа биографических эссе авторами были выделены особенности практик телесной репрезентации возраста молодыми информантами на различных хронологических этапах (детство, подростковость/юность, молодость).

В девичьих нарративах детство конструировалось как определенный этап, когда ребенок превращался в девочку посредством «девчачьих нарядов», при этом ключевым агентом конструирования телесности информантов выступали родители (мама). *«Я носила всё, во что меня одевали, потому что деваться было некуда!»* (э-02– д). *«В детстве я не задумывалась о том, как выгляжу*

и что ношу. Одежду выбирали родители, и сегодня я понимаю, что одевали меня хорошо» (э-07-д). *«В детстве я носила наряды, которые выбирала моя мама. Не помню, нравились мне одежда или нет»* (э-09-д). Авторы эссе писали о том, как мама выбирала им одежду, заплетала косы и наряжала на праздники.

В биографических эссе информантов детство не рассматривалось как период появления комплексов, неприятия собственной телесности. Авторы эссе указывали на то, что в детстве тело, внешний вид не имели для них определяющего значения; и только размышления в ходе написания биографических эссе способствовали их оценке себя как ребенка с позиции телесных конструктов детства. *«Родители заставляли меня носить корсет для выравнивания осанки и съемные пластинки для выравнивания зубов»* (э-07-д). *«Родители решали, что мне надеть, как меня причесать и т.д.»* (э-07-д). *«В детстве я была довольна абсолютно всем, у меня мысли не возникало быть собой недовольной, наоборот, была слишком уверенным в себе ребёнком»* (э-01-д). *«В целом я была очень довольна своей внешностью...»* (э-02-д). *«В детстве я не задумывалась о своей внешности, и поэтому мне не известно, как относились к моему внешнему виду окружающие»* (э-07-д).

В нарративах многих информанток присутствовали репрезентации себя как уверенных девочек, довольных внешностью и пользующихся вниманием мальчиков. *«В детстве я была очень худой и была очень довольна этим и даже гордилась»* (э-08-д). *«В школе я была худой и длинноволосой, с большими белыми бантами на два хвостика, что еще мальчишкам надо? Поклонников у меня была куча»* (э-09-д). *«Я не была в классе одной из типичных модниц, но всегда нравились мальчикам, была в их внимании»* (э-12-д).

Вместе с тем в текстах отдельных информантов присутствует интерпретация детства как периода появления первых комплексов. Несмотря на то что девушки писали о том, что не уделяли значительно внимания своей внешности и часто не замечали ее, появление отличных от других детей признаков превращалось в комплексы. *«В детстве мне не нравились мои зубы»* (э-03-д). *«С детства на моем лице было много веснушек, я их ненавидела, не знала, как избавиться, это было моим комплексом длительное время»* (э-05-д). *«Был период, когда на руках появились бородавки. Тогда я жутко стеснялась своих рук и прятала их»* (э-09-д). *«Появился комплекс по поводу своего роста»* (э-11-д).

Для информанток детство ассоциировалось с «девчачьими нарядами», яркой цветовой гаммой (розовый, зеленый, оранжевый); классической одеждой для девочек являлись юбки и платья ярких цветов, пышные торжественные наряды. Девушки с нежностью описывали свой детский облик, упоминали конкретные детали, акцентировали внимание на нежных «девчачьих» цветах и фасонах, часто использовали слова с уменьшительно-ласкательными суффиксами. *«Очень любила джинсовые комбинезончики и вельветовые юбки»* (э-11-д). *«Мама говорит, что я даже из дома не выходила, если у меня резиночки для волос не сочетались по цвету с колготками»* (э-11-д).

Некоторые мелочи, связанные с деталями детского гардероба, до сих пор остались в памяти у информантов (например, любимая футболка или модные браслеты). *«Из любимых вещей у меня была голубая юбка, которую я носила, даже когда она стала мне мала; также была футболка с феей, она переливалась на солнышке, я её надевала только тогда, когда ходила без верхней одежды, чтоб все видели мою фею!»* (э-02-д).

В девичьих нарративах типичными прическами девочек являлись заплетенные волосы или короткая стрижка «каре». Присутствовали упоминания о неудачном опыте перемены прически. Информанты с длинными волосами писали о косах или кудрях; авторы эссе отмечали, что носили банты или упоминали об этом факте как неотъемлемой части детского образа. *«В период с 7 до 9 лет мне делали стрижку “каре”, она мне очень нравилась, и я просила сама такую прическу»* (э-02-д). *«Длинные волосы обычно заплетала в косу. Носила в детстве банты»* (э-03-д). *«У меня были длинные волосы. Конечно, я носила и банты, и красивые заколочки»* (э-10-д). *«Каждое утро вплоть до средней школы мама заплетала мне красивые косы: “колоски”, французские, “воздушные” и т.д.»* (э-11-д).

В биографических эссе информанты демонстрировали понимание одежды как внешней оболочки телесности; уже в детском возрасте складывалась устойчивая корреляция между парадным внешним видом и праздничными ритуалами. *«Помню только, что старшая сестра красила мне блеском губы на новогодних “елках» в детском саду и младших классах. Тогда я чувствовала себя неотразимой — в пышном платье и кудрях, ради которых спала на неудобных бигуди»* (э-09-д). *«Иногда на праздники меня красила мама»* (э-07-д).

Для информантов детство ассоциировалось с первым косметическим опытом и первыми экспериментами над внешностью. Первый косметический опыт связывался либо с маминой помадой, либо со специализированной детской косметикой. Некоторые из авторов эссе отмечали, что впервые воспользовались косметикой в три-четыре года. Девочки описывали, как брали помаду у мамы и красились ею, стремясь выглядеть по-взрослому. Интерес к детской косметике появляется в среднем в семь лет: первые покупки детских блесков и теней. Самыми распространёнными средствами были помады, блеск для губ и лак. *«Иногда, когда мама уходила на работу, я брала её помаду и чувствовала себя настоящей женщиной»* (э-05-д). *«У меня был целый портфель-косметичка “принцесса”, где хранились блески для губ, тени, духи и т.д.»* (э-08-д).

В воспоминаниях информанток первые эксперименты над внешностью в детском возрасте в основном подразумевали изменение длины волос и стрижку челки. Формирование первичной гендерной идентичности в детстве объясняет то обстоятельство, что девочки с короткой стрижкой «каре» (в их интерпретации — «мальчишеской») продолжали носить банты, в подобной ситуации маркерами идентичности являлись «девчачьи аксессуары». *«Однажды меня подстригли очень коротко, и это было ужасно. Слава богу, волосы отрасли»*.

Чувствовала себя мальчиком. Но даже с самой короткой прической я все равно носила банты, они мне очень нравились» (э-05–д).

Идеалом красоты для девочек являлась мама. *«И каблук мамин мерил, и сарафаны, которые мне были в пол» (э-08 –д).* *«Я хотела носить туфли как моя мама» (э-06 –д).* Вместе с тем отдельные информанты отмечали стремление быть похожими на популярных актрис того времени. *«Самый “шик” в моем детстве были украшения, как у Жади из “Клона” по Первому каналу — браслеты с кольцом, соединенными цепочкой» (э-09–д).* *«Во времена моды “Дикого Ангела” мы с сестрой подстригли одинаковые челки, как у главной героини (в форме фигурной скобки)» (э-09–д).*

В качестве эталона детской красоты для информантов выступал и образ принцессы. Девушки не просто вводили образ принцессы в свои нарративы. Они писали о нем как о чем-то идеальном, как о пределе детских фантазий, как о том, что является безукоризненно красивым. *«Всегда в школу я ходила с бантами, мне нравилось, так как я чувствовала себя принцессой, чем больше были бантики, тем лучше я себя чувствовала» (э-02–д).* *«Очень часто на праздники мне дарили именно платья, особенно платья в пол, юбки и другие нарядные костюмы. Для меня это были самые лучшие подарки, можно было спокойно чувствовать себя принцессой» (э-08–д).* *«Волосы я всегда носила длинные, как у принцесс» (э-09–д).*

В период детства информанты «не работали» активно над своей телесностью. Некоторые из них носили корсет для выравнивания спины или пластинку для зубов. Многие девочки занимались в спортивных секциях или хореографией, но делали это не с целью конструирования и усовершенствования своей телесности, а в качестве увлечения.

В целом в биографических эссе информантов детство характеризовалось как период превращения ребенка в девочку, культурно декорированный с помощью пышных детских нарядов, различных аксессуаров (косы, банты, детская косметика). При этом ключевым агентом конструирования телесности (и гендерной идентичности) авторов эссе выступали родители; возрастной этап ассоциировался с первым косметическим опытом и первыми экспериментами над телом. Для части информантов детство выступало и как период появления первых комплексов, связанных с внешностью. Действительно, внешний вид является важным аспектом воплощения и средством, с помощью которого осуществляется работа над возрастом (Laz, 1998).

В нарративах информанток отсутствуют упоминания о наличии на начальных этапах подросткового возраста особых радикальных экспериментов с внешностью. Девушки писали о том, что пренебрегали косметикой и не производили резкой смены имиджа. Экспериментировать с телесностью они начали в пятнадцатилетнем возрасте. В этом возрасте появляется и первый опыт пользования взрослой косметикой. Информанты писали о том, что в основном не предпринимали

особых попыток выделиться с помощью косметики. К числу популярных средств относились тушь, помада, тональный крем, лак для ногтей. *«Экспериментировала с длиной волос и впервые пробовала накрасить глаза»* (э-04-д). *«Косметики почти не было (может, ресницы иногда красила)»* (э-08-д). *«В 14 появился интерес к косметике и вообще уходу за собой, началось все с формы для бровей»* (э-09-д). *«Мой макияж состоял из помады и туши для ресниц»* (э-09-д). Некоторые информанты практиковали мрачные тона в макияже. *«Макияж был темный»* (э-06-д).

Одежда как телесная модификация на подростковом этапе, по описаниям информантов, была спокойных нейтральных оттенков; отсутствовал вызов окружающему миру. *«Я одевалась довольно обычно и просто (преобладал черный цвет)»* (э-02-д). *«Наряды были весьма закрытыми. Короткие юбки не носила. Своим внешним видом никому не бросала вызов. В тот период носила темные тона одежды»* (э-03-д). *«Цветовая гамма состояла из нежных, спокойных либо темных тонов»* (э-04-д).

В биографических эссе девушек подростковая интерпретировалась как период новых телесных практик, которому свойственны стремление к ухоженности, использование взрослых косметических средств (средств для ухода за лицом, ногтями, ногами). Особое внимание уделялось лицу: девушки использовали пенки для умывания, скрабы, крема, что объяснялось появлением возрастных проблем с кожей лица. *«Для ухода за лицом и телом я пользовалась скрабами в связи с особенностью кожи»* (э-01-д). *«Боролась с высыпаниями на коже различными лекарственными средствами»* (э-03-д).

Телесные возрастные изменения информантами воспринимались в основном естественно, девушки обсуждали их с мамой или с подругами. Часть информанток констатировала дискомфорт и стеснение своих новоприобретенных форм. *«Когда мое тело стало меняться, я очень этого стеснялась. Я хотела сквозь землю провалиться»* (э-01-д). *«Нормально и адекватно относилась ко всем изменениям, так как мама мне объяснила все намного раньше, чем эти изменения начались»* (э-02-д). *«Относилась спокойно, с подругами обсуждали телесные изменения»* (э-04-д).

В девичьих нарративах подростковая конструировалась как период влияния сверстников на телесное поведение авторов эссе. Гораздо реже информанты при выборе телесных практик ориентировались на образы массмедиа. Появляется понятие «мода», которое расшифровывалось как распространенность определенных аксессуаров среди сверстников и желание обладать подобными. *«Мои сверстники повлияли на уход за собой»* (э-03-д). *«Как и всем девочкам, просто хотелось выглядеть модно. Поэтому если «Насте из А класса купили “сникерсы”, то я тоже хочу, ибо так было модно»* (э-11-д). Поскольку телесные изменения активно обсуждались в кругу подруг, наличие общих практик уже являлось признаком соответствия норме. *«Об изменениях тела я не задумывалась, часами себя не разглядывала, вообще это все естественно произошло... Возможно, это*

потому, что я не чувствовала себя некрасивой, неинтересной — люди вокруг делали мне комплименты и переживать как-то не было смысла» (э-09–д).

Достижение пятнадцатилетия характеризовалось в нарративах как переход от подросткового нейтралитета в плане телесности к женственному образу молодой девушки. У одних в этот период менялись стилевые пристрастия в одежде, другие отказывались от прежних увлечений, третьи меняли свой привычный макияж и даже сделали первую в своей жизни татуировку. Девочки отказывались от отождествления себя с ребенком и пытались подчеркнуть свою женственность, делая акцент на «девичьих» практиках ухода за собой. *«С 11 до 15 лет я не стремилась к женственности. Мне нравилось то, что я хожу в джинсах и кедах. Но затем я резко поняла, что все это прошло и нужно меняться. Я стала одеваться более женственно, стала следить за собой» (э-09–д).*

У информантов телесные комплексы появились на стыке подросткового периода и юношества. В своих нарративах девушки не только описывали телесные изменения, но и объясняли соответствующий им эмоциональный фон. *«Я задумалась над тем, что у меня есть лишний вес, хотя это и была всего лишь пара килограммов, но это меня долго беспокоило» (э-10–д).* *«Комплекс по поводу подростковых высыпаний заменил комплекс по поводу роста. Высокий рост усиливала худоба. Всегда казалось, что я выгляжу нелепо на фоне подруг среднего роста» (э-11–д).*

Нарративный дискурс репрезентации телесности в период юности сопровождался использованием дефиниций «толстая», «прыщавая», «неуклюжая», коррелирующих с оценкой телесных изменений. Именно в данный возрастной период информанты начинают активно «работать» над собственным телом. *«Моя юность прошла под девизом “Борьба с лишним весом”» (э-10–д).* *«Боролась с высыпаниями на коже различными лекарственными средствами» (э-03–д).* В повествованиях девушек отсутствовало стремление повзрослеть, информанты интерпретировали юность как период формирования представлений о собственном теле, появления комплексов и борьбы с ними, биологической перестройки организма. В нарративах фиксировалось осмысление информантами бытования собственного тела в рамках сложившихся стереотипов о допустимых границах телесных репрезентаций и их повседневных воплощений. В представлениях девушек участие тела в самоидентификации являлось необходимым условием становления Я. На этом этапе активно осваивались новые телесные практики, совершенствовались телесные навыки. *«Юность/подростковость были для меня этапом испытания новых образов, поиска себя» (э-09–д).* *«Период моей юности/подростковости был периодом новых телесных практик, периодом появления комплексов» (э-05–д).*

В целом в биографических эссе информанток подростковость и юность конструировались как период производства новых телесных практик, осваивания телесных навыков, рефлексии и активной работы над собственным

телом. Указанные возрастные этапы маркировались продуцированием практик компетентного ухода за собой, женственности, отсутствием проблематизации телесных возрастных изменений и радикальных телесных экспериментов. В роли ключевых социальных агентов телесных трансформаций выступали сверстники, «группы равных». Информанты стремились встроить свои тела в сложившиеся нормативы «девичьей» телесности, не стремясь перешагнуть к новому возрастному этапу.

Дискурсивное оформление возрастных конструкторов детства и подростковости/юности в нарративах имеет отличия. Детские тела контролируются родителями в соответствии с доминирующими в обществе представлениями о «нормативной» детской телесности. Детские телесные практики направлены на усвоение и демонстрацию предписаний для девочек или мальчиков. В подростковом возрасте происходит дальнейшее конструирование гендерной идентичности и маркеров феминности. Телесная трансформация из девочки в девушку подразумевает не только презентацию визуального образа обладательницы женственности, но и определенных техник тела. В детстве вектор индивидуальных телесных проявлений задавался родителями, в подростковом возрасте/юности в телесные дискуссии активно включились сверстники. По мере взросления тело начинает посылать сигналы и требовать осмысления телесного опыта; в детстве ребенок не рефлексировал над собственным внешним видом так, как в подростковом возрасте; его тело послушно, дисциплинировано в соответствии с требованиями контролеров. Тональность телесной рефлексии меняется в эссе информантов от положительных оценок к негативным коннотациям (на смену дефиниции «пухлая» приходит описание «толстая»). В период подростковости/юности комплексы вызваны резкой переменой в привычных телесных образах и обретением похожих, но не соответствующих «норме» черт внешности (Frost, 2005).

В биографических эссе информанты интерпретировали взрослость как обретение ответственности, жизненного опыта, самостоятельность. *«Быть взрослой — это самой принимать решения, решать проблемы и быть ответственной за свои поступки»* (э-03–д). *«Быть взрослой — значит быть полностью подготовленной ко всем жизненным ситуациям»* (э-04–д).

Авторы эссе трактуют молодость как свободу в поступках и выборе жизненного пути, сложный этап самоопределения. *«Молодость — это время мечтаний, свободы»* (э-05–д). *«Быть молодой — это время для разумных решений, но и время совершать необдуманные поступки и ошибки, на которых впоследствии будем учиться»* (э-08–д).

В одних нарративах наличествует страх перед взрослением, в других отсутствует проблематизация возрастных изменений; некоторые информанты переживают по поводу старения родителей. *«Да, меня пугает мое взросление, я со страхом жду своего двадцатилетия»* (э-02–д). *«Я вполне спокойно отношусь к взрослению и не тороплю события»* (э-11–д). *«Я боюсь быстрого течения*

времени, хотя иногда мне хочется, чтобы оно бежало еще быстрее» (э-07-д).
«Меня не пугает, что я становлюсь старше, меня пугает, что становятся старше мои родители» (э-05-д).

Отдельные информанты демонстрируют умение управлять возрастными репрезентациями посредством использования техник тела. *«Сейчас все происходит в зависимости от настроения. Я имею в виду, что если я захочу выглядеть старше своих лет, я сделаю яркий макияж, надену каблук и т.д. А если хочу выглядеть на свой возраст, то, соответственно, будет естественный макияж» (э-08-д).*

В представлениях девушек молодость — это также период изменений в стиле одежды, техниках макияжа. Преобладающие темные цвета подросткового периода уходят из гардероба в пользу нежных оттенков и женственных кроев. Молодость подчеркивается естественным макияжем, комфортной молодежной одеждой. *«Быть молодой — значит быть красивой и без макияжа» (э-03-д).*
«Вкусы в одежде изменились, в моем гардеробе стали преобладать светлые, нежные оттенки и много платьев» (э-06-д).
«Стала спокойнее относиться к отсутствию макияжа. Подростком я бы из дома не вышла без подведенных глаз или с растрепанными волосами» (э-09-д).

В эссе информантов фиксируется восприятие молодости как этапа репрезентации женственного тела-образа, начальные шаги по конструированию которого были предприняты в период юности; женственность транслируется не только посредством предметов гардероба, но и контуров, очертаний, форм тела. *«Сейчас я считаю свою фигуру женственной и правильной по пропорциям» (э-07-д).*

Для авторов эссе молодость — это период объективного осознания, понимания собственного тела, которому свойственны достоинства и недостатки, фиксация изъянов внешности происходит без признаков негатива и неприязни к себе. *«Мне нравятся моя талия, милое лицо, красивые волосы, в целом форма тела, но мне не нравятся мои большие ноги» (э-01-д).*
«Мне нравится мой рост, цвет волос, глаз и кожи» (э-07-д). Для некоторых информантов недовольство внешним видом не повод к активной работе над телом. *«Я бы хотела подтянуть свое тело фитнесом, но пока не могу себя заставить» (э-09-д).*
«Я бы хотела исправить зубы, но знаю, что носить брекет не смогу, буду стесняться» (э-07-д). В других нарративах циркулирует гордость достигнутым физическим состоянием молодого тела как результатом активной работы над ним. *«Мое тело — результат подростковых изменений и собственных усилий. Диета, спорт» (э-01-д).*
«Считаю, что и подростковый возраст, и работа над собой играют свою роль. Я занималась танцами 11 лет, боксом 2 года, легкой атлетикой, легким бегом по утрам, фитнесом, а также домашним спортом» (э-02-д). Стремление к работе над телом в девичьей среде можно объяснить с позиции концепта индивидуальной идентичности Э. Гидденса. В ходе осуществления саморефлексивного проекта индивиды корректируют себя согласно доминирующим стандартам; в условиях позднего

модерна «контролируемое тело является символом безопасного существования в открытой социальной среде» (Giddens, 1991). Забота о внешнем виде является элементом конструирования рефлексивной идентичности.

Ключевым агентом конструирования телесных практик выступает «группа равных». Авторы нарративов ищут вдохновение и в образах медиа. *«Мои однокурсники повлияли на мой стиль одежды, макияж. Я стала присматриваться к ним и стараться не отставать»* (э-07–д). Девушки не готовы к радикальным изменениям своей внешности с помощью хирургического вмешательства, но готовы к борьбе за молодость с помощью различных косметических средств. *«Я готова к борьбе за молодость, буду покупать дорогие средства, ходить на процедуры»* (э-09–д).

В заключительной части повествований информанты соотносили свой реальный возраст с тем, на который они себя ощущают. Авторы эссе в основном определили себя в возрастных границах юности. *«Я себя чувствую сейчас лет на 16–17»* (э-01–д). *«На текущий момент мой возраст соответствует биологическому»* (э-03–д). *«Чувствую себя младше своего возраста года на два-три»* (э-04–д). *«На текущий момент я чувствую себя лет на 30. Моя субъективная оценка никак не соответствует биологическому возрасту»* (э-05–д). Как отмечает Ш. Лаз, существует различие между «функциональным» («социальным») и объективным (хронологическим) возрастом: «люди могут одеваться, казаться, действовать и чувствовать себя старше или моложе хронологического возраста; в повседневном общении мы не просим показать свидетельство о рождении, мы полагаемся на видимые сигналы и социальные статусы» (Laz, 1998).

В нарративах девушек молодость конструируется как свобода в поступках и выборе жизненного пути, сложный этап самоопределения; период предпочтения естественного макияжа и молодежной одежды, репрезентации женственного тела-образа; объективного осознания, понимания собственного тела, которому свойственны достоинства и недостатки; молодое тело интерпретируется как результат подростковых изменений и работы над ним.

Исследование биографических эссе молодых девушек зафиксировало трансформацию телесных репрезентаций возрастных этапов (детство, подростковость/юность, молодость), вариабельность восприятий информантами возрастных изменений в телесном фокусе. Телесная репрезентация детства связана с социальным открытием ребенком своего тела как «тела пола», дети учатся с помощью родителей конструировать половую и гендерную идентичности. Внимание к своему детскому телу возникало у информантов в связи с осознанием своей инаковости, отличия от других тел. Для части авторов эссе подростковые изменения влекли проблематизацию собственной телесности; в период юности совершалась активная работа над телом. Девочки-подростки не стремились к взрослой ухоженности и достижению следующего возрастного этапа, они встраивали свои тела в сложившиеся нормативы «девичьей» телесности. Находясь

на этапе молодости, информанты особо подвержены влиянию «групп равных», обращают внимание на внешнюю атрибутику телесных репрезентаций.

Изучение телесных демонстраций возраста показывает, как молодежь под воздействием объективных факторов (хронологический возраст или физическое состояние), внешних констант и социальных институтов использует и интерпретирует доступные ресурсы работы над возрастом. К тому же репрезентации возраста — это также инструмент и результат социального контроля, возраст не может быть достигнут вне отношений власти, структурных предписаний, доминирующих дискурсов.

Библиографический список

1. Гофман, И. (2000). *Представление себя другим в повседневной жизни*. Москва: Канон-Пресс-Ц, Кучково поле.
2. Кац, С. (2016). Что такое исследования возраста? *Социология власти*, (1): 252–259. Режим доступа <http://socofpower.ranepa.ru/ru/arkhiv-nomerov/17-1-2016-sotsialnye-issledovaniya-biomeditsiny>
3. Фуко, М. (1999). *Надзирать и наказывать. Рождение тюрьмы*. Москва: Ad Marginem.
4. Clarke, L.H., Korotchenko, A. (2011). Aging and the body: A review. *Canadian Journal on Aging*, 30 (3), 495–510. doi:10.1017/S0714980811000274
5. Douglas, M. (2003). *Natural Symbols: Exploration in Cosmology*. London and New York: Routledge.
6. Frost, L. (2005). Theorizing the young woman in the body. *Body & Society*, 11 (1), 63–85. doi: 10.1177/1357034X05049851
7. Giddens, A. (1991). *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press.
8. Gilleard, C., Higgs, P. (2015). Aging, embodiment, and the somatic turn. *Age, Culture, Humanities: An Interdisciplinary Journal*, 1 (2). Retrieved from <http://ageculturehumanities.org/WP/aging-embodiment-and-the-somatic-turn/>
9. Gugutzer, R. (2015). *Soziologie des Körpers*. (5 Aufl.). Bielefeld: Transcript Verlag.
10. Higate, P. (1998). The body resists. Everyday clerking and unmilitary practice. In S. Nettleton, J. Watson (Eds.) *The body in everyday life* (pp.181–198). London and New York: Routledge.
11. Keller, R., Meuser, M. (2017). Alter(n) und vergängliche Körper. In R. Keller, M. Meuser (Hrsg.), *Alter(n) und vergängliche Körper*, (s. 1–12). Wiesbaden: Springer VS. doi: 10.1007/978-3-658-10420-7_1
12. Laz, C. (1998). Act Your Age. *Sociological Forum*, 13(1), 85–113. doi: 10. 1023/A: 1022160015408
13. Mortimer, J. T., Moen, P. (2016). The Changing Social Construction of Age and the Life Course: Precarious Identity and Enactment of “Early” and “Encore” Stages of Adulthood. In M.J. Shanahan, J. T. Mortimer, M. Kirkpatrick Johnson (Eds.) *Handbook of the Life Course* (pp.111–129). Vol. II. Heidelberg, Switzerland: Springer International Publishing. doi: 10.1007/978-3-319-20880-0_5

14. Nakao, Ch. (2016). *Käufliches Alter(n). Konstruktionen subjektiven Alterserlebens in der Marketingkommunikation*. Wiesbaden: Springer VS. doi: 10.1007/978-3-658-12648-3
15. Omelchenko, E. L., Nartova, N., Krupets, Y. (2017). Escaping Youth: Construction of Age by Two Cohorts of Chronologically Young Russian Women. *Young, prepublished March 16*. doi: 10.1177/1103308816680305
16. Phoenix, C., Sparkes, A. C. (2006). Young athletic bodies and narrative maps of aging. *Journal of Aging Studies*, 20 (2), 107–121.
17. Riedel, M. (2017). Alter(n). In R. Gugutzer, G. Klein, M. Meuser (Hrsg.), *Handbuch Körpersoziologie*, (s. 3–16). Wiesbaden: Springer VS. doi: 10.1007/978-3-658-04138-0_1
18. Schroeter, K. R. (2009). Die Normierung alternder Körper. Gouvernementale Aspekte des doing age. In S. van Dyk, S. Lessenich (Hrsg.) *Die jungen Alten. Analysen einer neuen Sozialfigur*, (s. 360–380). Frankfurt/New York: Campus Verlag.
19. Schroeter, K. R. (2014). Verwirklichungen des Alters. In A. Amann, F. Kolland (Hrsg.) *Das erzwungene Paradies des Alters?: Weitere Fragen an eine kritische Gerontologie* (2 Aufl.) (s. 283–318). Wiesbaden: Springer VS. doi: 10.1007/978-3-658-02306-5_13
20. Thomas, H. (2013). *The body and everyday life. The new sociology*. New York: Routledge.

Статья поступила в редакцию 14.05.2017

.....

AGE STRUCTURES IN NARRATIVES OF STUDENTS OF KUBAN STATE UNIVERSITY

Petrova A. Yu., Plotichkina N. V.

Petrova Alisa Yuryevna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region,
Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: cocodex70@gmail.com

Plotichkina Natalia Viktorovna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region,
Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: oochronos@mail.ru.

The practice of corporeal representation of age by students at various stages (childhood, juvenile, adolescence, youth) are considered in the article. The results of studying age constructs are obtained by the qualitative analysis of the informants' biographical essays. Heuristic potential of the biographic method for the analysis of corporeal age representations is shown. The design of an applied research is defined by an interpretation of age as biodemographic reality and result of social designing. The article describes different research directions in the body sociology. The theoretical explication of the term "age" showed existence of various semantic connotations of the concept: objective chronological fact, social problem, individual attribute, self-determining category (subjective feeling of age). Essentialization of scientific discourse concerning the social construction of age differences is carried out; features of sociological interpretation of age as a process and result of interactive work are revealed. The conclusions about age constructs in informants' narratives are formulated. In the biographic essays the childhood period is a stage of the corporeal transformation from child to girl, the discovery of her body as a "body of gender". Adolescence and youth were interpreted by informants as periods of corporeal experiments, mastering new corporeal practices. Differences in the discursive design of age-related constructs of childhood and adolescence / youth in the narratives of informants are pointed out. At the child ages, the vector of individual corporeal manifestations was defined by parents. At adolescence/ youth ages, peers actively joined in corporal discussions. In the girls' esse youth is characterized as a stage of self-determination, the representation of women's body-image, objective reflection and work on the body. The research of biographic essays of young girls

recorded transformation of the corporeal embodiments of age stages, variability of perception by informants of the body age changes.

Key words: age, body, construction of age, youth, childhood, adolescence, youthfulness.

References

1. Clarke, L.H. & Korotchenko, A. (2011). Aging and the body: A review. *Canadian Journal on Aging*, 30 (3), 495–510. doi:10.1017/S0714980811000274
2. Douglas, M. (2003). *Natural Symbols: Exploration in Cosmology*. London and New York: Routledge.
3. Foucault, M. (1999). *Nadzirat' i nakazyvat'. Rozhdenie tyur'my* [Discipline and Punish: The Birth of the Prison]. Moscow: Ad Marginem.
4. Frost, L. (2005). Theorizing the young woman in the body. *Body & Society*, 11 (1), 63–85. doi: 10.1177/1357034X05049851
5. Giddens, A. (1991). *Modernity and Self-Identity. Self and Society in the Late Modern Age*. Cambridge: Polity Press.
6. Gilleard, C. & Higgs, P. (2015). Aging, embodiment, and the somatic turn. *Age, Culture, Humanities: An Interdisciplinary Journal*, 1 (2). Retrieved from <http://ageculturehumanities.org/WP/aging-embodiment-and-the-somatic-turn/>
7. Goffman, E. (2000). *Predstavlenie sebya drugim v povsednevnoj zhizni* [The Presentation of Self in Everyday Life]. Moscow: Kanon-Press -C, Kuchkovo pole.
8. Gugutzer, R. (2015). *Soziologie des Körpers*. (5 Aufl.). Bielefeld: Transcript Verlag.
9. Higate, P. (1998). The body resists. Everyday clerking and unmilitary practice. In S. Nettleton, J. Watson (Eds.) *The body in everyday life* (pp.181–198). London and New York: Routledge.
10. Katz, S. (2016). Chto takoe issledovaniya vozrasta? [What is Age Studies?]. *Sociologiya vlasti* [Sociology of Power], (1): 252–259. Retrieved from [http:// socofpower.ranepa.ru/ru/arkhiv-nomerov/17-1-2016-sotsialnye-issledovaniya-biome-ditsiny](http://socofpower.ranepa.ru/ru/arkhiv-nomerov/17-1-2016-sotsialnye-issledovaniya-biome-ditsiny)
11. Keller, R. & Meuser, M. (2017). Alter(n) und vergängliche Körper. In R. Keller, M. Meuser (Hrsg.), *Alter(n) und vergängliche Körper*, (s. 1–12). Wiesbaden: Springer VS. doi: 10.1007/978-3-658-10420-7_1
12. Laz, C. (1998). Act Your Age. *Sociological Forum*, 13(1), 85–113. doi: 10. 1023/A: 1022160015408
13. Mortimer, J. T. & Moen, P. (2016). The Changing Social Construction of Age and the Life Course: Precarious Identity and Enactment of “Early” and “Encore” Stages of Adulthood. In M. J. Shanahan, J. T. Mortimer, M. Kirkpatrick Johnson (Eds.) *Handbook of the Life Course* (pp.111–129). Vol. II. Heidelberg, Switzerland: Springer International Publishing. doi: 10.1007/978-3-319-20880-0_5
14. Nakao, Ch. (2016). *Käufliches Alter(n). Konstruktionen subjektiven Alterserlebens in der Marketingkommunikation*. Wiesbaden: Springer VS. doi: 10.1007/ 978-3-658-12648-3
15. Omelchenko, E. L., Nartova, N. & Krupets, Y. (2017). Escaping Youth: Construction of Age by Two Cohorts of Chronologically Young Russian Women. *Young*, prepublished March 16. doi: 10.1177/1103308816680305

16. Phoenix, C. & Sparkes, A. C. (2006). Young athletic bodies and narrative maps of aging. *Journal of Aging Studies*, 20 (2), 107–121.
17. Riedel, M. (2017). Alter(n). In R. Gugutzer, G. Klein, M. Meuser (Hrsg.), *Handbuch Körpersoziologie*, (s. 3–16). Wiesbaden: Springer VS. doi: 10.1007/978-3-658-04138-0_1
18. Schroeter, K. R. (2009). Die Normierung alternder Körper. Gouvernementale Aspekte des doing age. In S. van Dyk, S. Lessenich (Hrsg.) *Die jungen Alten. Analysen einer neuen Sozialfigur*, (s. 360–380). Frankfurt/New York: Campus Verlag.
19. Schroeter, K. R. (2014). Verwirklichungen des Alters. In A. Amann, F. Kolland (Hrsg.) *Das erzwungene Paradies des Alters?: Weitere Fragen an eine kritische Gerontologie* (2 Aufl.) (s. 283–318). Wiesbaden: Springer VS. doi: 10.1007/978-3-658-02306-5_13
20. Thomas, H. (2013). *The body and everyday life. The new sociology*. New York: Routledge.

ОТНОШЕНИЕ РОДИТЕЛЕЙ К ИСПОЛЬЗОВАНИЮ ДОШКОЛЬНИКОМ ЭЛЕКТРОННЫХ ГАДЖЕТОВ

Борцова М. В., Некрасов С. Д.

Борцова Мирослава Владимировна,
Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: bor-miroslava@yandex.ru.

Некрасов Сергей Дмитриевич,
Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: n.s.d@kubsu.ru

В статье рассмотрен важный аспект проблемы «Родитель — ребенок — электронный гаджет», касающийся исследования отношения родителей к регулированию использования ребенком электронных гаджетов, их мнений о позитивном и негативном влиянии гаджетов на развитие личностных свойств ребенка.

Для эмпирического исследования разработаны авторские методики: опросник «Сведения об использовании ребенком электронных гаджетов», методика незаконченных предложений «Нормирование использования ребенком электронных гаджетов». В исследовании приняли участие 147 родителей, имеющих детей, воспитанников подготовительных групп дошкольного образовательного учреждения станицы Полтавской Краснодарского края.

Выявлена специфика отношений родителей к использованию детьми электронных гаджетов, которая заключается в трех уровнях нормирования родителями использования ребенком гаджетов: «уровень без ограничений» (42%), «нормальный уровень» (46%), «уровень запрета» (13%). Родители, имеющие «уровень запрета» использования дошкольником электронных гаджетов, запрещают использовать своему ребенку какой-либо гаджет. Родители, имеющие «нормальный уровень» использования дошкольником электронных гаджетов, разрешают использовать своему ребенку какой-либо один вид гаджета (планшет, телефон или смартфон, компьютер). Родители, имеющие «уровень без ограничений» использования дошкольником электронных гаджетов, разрешают использовать своему ребенку любой вид гаджета.

Описано содержание психологического портрета современных родителей, проживающих в сельской местности. Большинство родителей разрешают и активно участвуют в занятиях ребенка с электронными гаджетами не больше одного часа в день, что контролируется, как правило, матерью ребенка. Основными занятиями дошкольников с помощью гаджетов являются различные соответствующими возрасту развлекающие занятия (просмотр мультфильмов и компьютерные игры), на втором месте — развивающие занятия, в том числе направленные на подготовку к обучению в школе. Родители позволяют увеличить время занятий ребенка с гаджетом, чтобы завершать развивающие занятия, которые могут оказать влияние на позитивное общее развитие ребенка. Основное негативное влияние на ребенка они видят в том, что ребенок сможет без контроля родителей посещать ненужные сайты.

Ключевые слова: использование дошкольником электронных гаджетов, влияние гаджетов на развитие свойств ребенка; отношение родителей к использованию ребенком электронных гаджетов; уровни нормирования родителями использования ребенком электронных гаджетов; психологический портрет родителей; проблема «Родитель — ребенок — электронный гаджет».

Сложно пройти по городской улице и не встретить людей разного возраста без наушников, присоединенных к электронному гаджету; проехать в общественном транспорте и не услышать чей-то личный разговор по сотовому телефону; не увидеть водителя, набирающего текст на смартфон во время движения; не заметить ребенка, играющего в компьютерную игру на планшете. Приведённый перечень примеров использования человеком в повседневной жизни электронных устройств далеко не полон и свидетельствует о том, что многие люди сегодня не могут представить свою жизнь без электронных гаджетов. Отметим, что мир людей, использующих электронные гаджеты, стремительно молодеет: дети дошкольного возраста быстрее родителей, бабушек и дедушек осваивают современные электронные технологии.

В различных интернет-источниках найдем немало популярных рекомендаций родителям и размышлений о влиянии гаджетов на развитие свойств ребенка, в том числе дошкольного возраста: «Влияние планшета на ребенка» (www.baby.ru), «Влияние современных гаджетов на детей (плюсы и минусы)» (razvitie-krohi.ru), «Влияние планшета на ребенка (2–13 лет)» (geektimes.ru), «Positive and Negative Impacts of Electronic Devices on Children» (wehavekids.com) и др. При этом есть отдельные научные статьи по теме «Ребенок и гаджет»: изучение мнений родителей детей, посещающих школы и дошкольные государственные образовательные учреждения, об использовании детьми гаджетов (Барсукова, Мавлютова, Савка, 2016); исследования влияния электронных гаджетов на детей дошкольного возраста (Олехнович, 2015); папы верят в электронные книги и мобильные приложения (licensingrussia.ru) и др. Встречаются и работы (преимущественно зарубежные), рассматривающие более глобальные вопросы: воздействие смартфонов на общество (Sarwar, Soomro, 2013); позитивное и негативное влияние ИКТ на образование (Olaore, 2014) и др. Однако научных исследований по обозначенной нами теме относительно немного.

С одной стороны, актуальность исследования влияния гаджетов на развитие свойств ребенка дошкольного возраста (как позитивного, так и негативного) определена растущим использованием дошкольниками электронных гаджетов, необходимостью психологической поддержки родителей в вопросах регулирования использования детьми гаджетов. С другой стороны, актуальность обусловлена отсутствием обобщений немногочисленных современных исследований влияния гаджетов на развитие свойств ребенка дошкольного возраста, теоретически обоснованных психолого-педагогических рекомендаций по содержанию и нормам использования электронных гаджетов детьми дошкольного возраста.

Как показывают наши исследования, существуют различные уровни отношений родителей к использованию дошкольниками электронных гаджетов (Борцова, 2007). В поисковом лонгитюдном исследовании нами выделены две группы родителей, различающихся уровнем нормирования использования ребенком дошкольного возраста электронных гаджетов (Борцова, Жукова, Некрасов, 2017).

Родители одной группы предпочитают не вмешиваться и не регулировать время и содержание использования ребенком планшета, смартфона, компьютера и других электронных гаджетов. Родители этой группы считают, чем раньше ребенок научится самостоятельно использовать тот или иной электронный гаджет, тем быстрее он обретет способности решать текущие задачи бытия, применяя возможности электронных устройств. По мнению родителей, ребенок получит возможность самостоятельно организовывать свое свободное время, освободив от этого родителей. Определим данный уровень нормирования родителями этой группы использования ребенком электронных гаджетов как «уровень без ограничений».

Родители другой группы предпочитают организовывать, контролировать время и содержание использования ребенком планшета, смартфона, компьютера и других электронных гаджетов. Родители этой группы полагают, что следует нормировать время использования ребенком электронных гаджетов, стараться находить время для обучения ребенка элементарным функциям пользователя, сопровождать использование ребенком гаджета при решении текущих задач бытия, регулировать время самостоятельного общения ребенка с электронными устройствами. Они уверены, что это поможет ребенку организовывать свое свободное время. Определим уровень нормирования родителями этой группы использования ребенком электронных гаджетов как «нормальный уровень».

Выявленные уровни отношения родителей к использованию дошкольниками электронных гаджетов обусловили необходимость моделирования содержания разных отношений родителей к использованию дошкольником электронных гаджетов, которые, скорее всего, являются ведущими факторами развития разных отношений дошкольников к использованию гаджетов.

В.В. Знаковым выделены три магистральных направления изменений научных представлений о природе социокультурной реальности: 1) переосмысление роли символов в понимании любой реальности, в том числе виртуальной среды; 2) замена логики рационально организованного мира человека сетевой структурой; 3) возникновение «культуры самопорождения», в рамках которой расставлены новые акценты на самопознании и феномене заботы о себе. Следовательно, моделирование имеет собственное уникальное значение, и при интерпретации моделей под разными углами зрения можно раскрыть различные стороны психологического портрета родителей, касающиеся их отношения к использованию дошкольником электронных гаджетов (Знаков, 2016).

Можно предположить, что моделирование позволит составить психологический портрет современных родителей, содержащий существенные общие и особенные отношения родителей к использованию дошкольником электронных гаджетов. Портрет родителей поможет наметить направления следующих исследований проблемы «Родитель — ребенок — электронный гаджет».

Для поиска подтверждений предположения была образована выборка, разработаны и применены методики: опросник «Сведения об использовании ребенком электронных гаджетов», методика незаконченных предложений «Нормирование использования ребенком электронных гаджетов», а также в EXCEL осуществлено протоколирование данных, полученных с помощью методик, вычислены для портрета необходимые статистики (Некрасов, 2014; Некрасов, 2016).

Объем выборки — 147 родителей, имеющих детей, воспитанников подготовительных групп дошкольного образовательного учреждения станицы Полтавской Краснодарского края.

Разработанный нами опросник «Сведения об использовании ребенком электронных гаджетов» предназначен для сбора, анализа и обобщения данных об использовании современными дошкольниками электронных гаджетов. В опроснике предлагалось указать биографические данные о семье дошкольника (сведения о родителях, братьях и сестрах); о видах электронных гаджетов, которые использует дошкольник (планшет, смартфон, телефон, компьютер и др.); о видах задач, которые решает дошкольник с помощью гаджета (интересных ему игр, просмотра мультфильмов, прослушивания музыки, развивающих занятий и др.); об уровне самостоятельности использования гаджета; о среднем значении времени использования гаджета в день; о члене семьи, который регламентирует использование дошкольником гаджета.

Методика незаконченных предложений «Нормирование использования ребенком электронных гаджетов», разработанная нами, предназначена для сбора, анализа и обобщения представлений родителей о содержании использования ребенком электронных гаджетов. Респондентам предлагалось завершить следующие предложения:

1. Разрешается увеличивать время использования ребенком электронного гаджета для того, чтобы ...
2. Необходимо уменьшать время использования ребенком электронного гаджета для того, чтобы...
3. Использование электронного гаджета полезно ребенку для того, чтобы ...
4. Использование электронного гаджета может приносить вред ребенку тогда, когда ...

Опишем результаты, полученные в ходе исследования с помощью опросника «Сведения об использовании ребенком электронных гаджетов».

Рис. 1. Распределение частот видов самостоятельности использования ребенком электронных гаджетов

Выявлено, что 13% родителей не разрешают своему ребенку пользоваться какими-либо электронными гаджетами. Они считают, что если это позволить, то ребенок будет проводить много времени с гаджетом, что может нанести вред зрению ребенка или же приведет к обращению к ненужным сайтам. То есть существует группа родителей, которые негативно относятся к использованию своим ребенком электронных гаджетов.

Вместе с тем большинство родителей дошкольников, проживающих в сельской местности, разрешают своему ребенку пользоваться электронными гаджетами.

Отметим, что выделенные ранее два уровня нормирования родителями использования ребенком дошкольного возраста электронных гаджетов «уровень без ограничений» (42%) и «нормальный уровень» (46%) дополнились третьим уровнем — «уровень запрета» (13%).

Родители, имеющие «уровень запрета», запрещают использовать своему ребенку какой-либо гаджет. Родители, имеющие «нормальный уровень» использования дошкольником электронных гаджетов, разрешают использовать своему ребенку какой-либо один вид гаджета (планшет — 44%, телефон или смартфон — 36, компьютер — 19%). Родители, имеющие «уровень без ограничений» использования дошкольником электронных гаджетов, разрешают использовать своему ребенку любой вид гаджета (планшет, телефон, смартфон, компьютер).

Итак, многие дошкольники используют гаджеты при участии родителей, а малая часть может пользоваться гаджетом самостоятельно. Использование гаджетов дошкольниками чаще всего контролирует мать ребенка, в части случаев к контролю подключается отец, редко в семье контроль осуществляет только отец ребенка. Можно предположить, что мать ребенка является главным

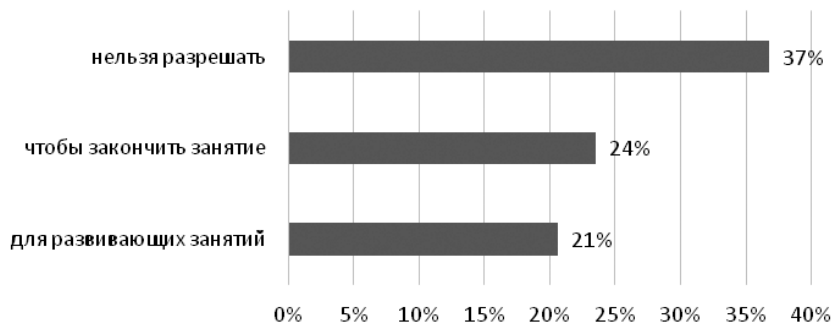

Рис. 2. Распределение частот завершений предложения «Разрешается увеличивать время использования ребенком электронного гаджета для того, чтобы...»

регулятором использования им гаджетов либо из-за большей возможности следить за ребенком, его здоровьем, осуществлять функции материнства, а отцу сложнее, чем матери, участвовать в воспитании ребенка, поскольку он считает это материнской функцией, либо в силу других причин, исследовать которые необходимо отдельно.

Распределение частот времени использования ребенком электронных гаджетов в день: до 0,5 часа — 40%; от 0,5 до 1 часа — 42; от 1 до 2 часов — 16; от 2 часов — 2%. Итак, время использования гаджетов в день для многих дошкольников составляет до одного часа.

Отношение родителей к нормам использования ребенком электронного гаджета анализировалось с помощью контент-анализа данных методики «Нормирование использования ребенком электронных гаджетов», позволившей выделить характерные завершения предложений.

Большая часть завершений предложения «Разрешается увеличивать время использования ребенком электронного гаджета для того, чтобы...» выглядела так: «закончить занятие»; «для развивающих занятий»; «нельзя разрешать».

Таким образом, часть родителей дошкольников строго контролирует время использования гаджетов. Около половины родителей позволяют ребенку завершить занятие с гаджетом, в том числе если это развивающее занятие.

Для предложения «Необходимо уменьшать время использования ребенком электронного гаджета для того, чтобы...» было получено большинство следующих завершений: «для прогулок и других дел»; «для воспитания»; «нельзя уменьшать».

Итак, около половины родителей считают, что время занятий с гаджетом приблизительно равно времени для прогулок и других дел.

Выявлено, что к основным занятиям больше половины дошкольников с помощью гаджетов относят: просмотр мультфильмов и компьютерные игры. Меньше половины дошкольников осваивают развивающие игры и лишь немногие про-

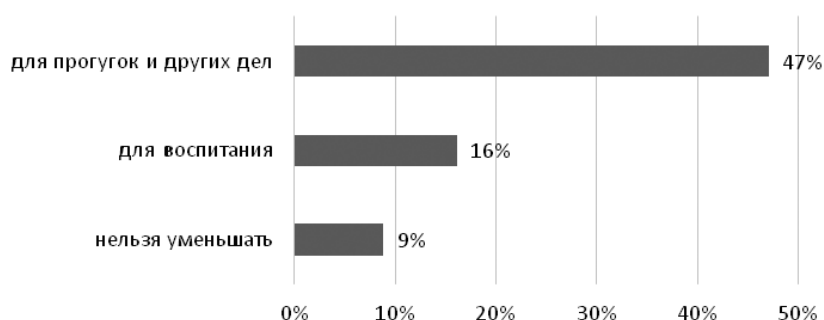

Рис. 3. Распределение частот завершений предложения «Необходимо уменьшать время использования ребенком электронного гаджета для того, чтобы...»

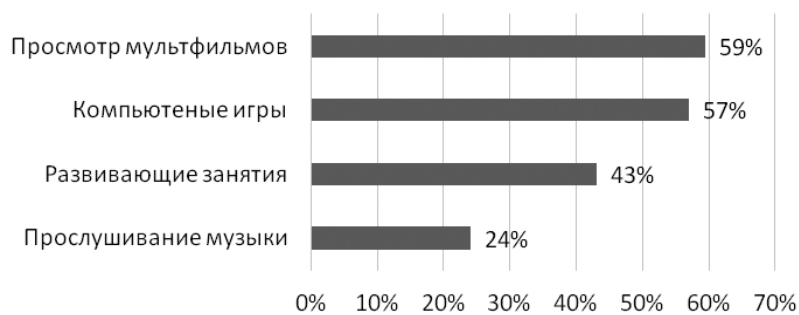

Рис. 4. Распределение частот видов занятий использования дошкольниками электронных гаджетов

слушивают музыку. Сравним результаты нашего исследования с результатами исследования, проведенного в 2012 г. компанией DigitalParentingRussiaStudy в больших городах: от 20 до 40% дошкольников играют в компьютерные игры; осваивают развивающие игры от 25 до 45% дошкольников; прослушивают музыку от 70 до 55% дошкольников (www.cossa.ru).

Можно констатировать, что основными занятиями дошкольников с помощью гаджетов являются различные развлекающие занятия, на втором месте — развивающие занятия. Причем виды занятий дошкольников, проживающих в сельской и городской местности, в основном совпадают.

Заметим, что большинство родителей дошкольников, проживающих как в сельской, так и в городской местности, используют электронные гаджеты для занятий ребенка развлечениями, соответствующими его возрасту. Следует полагать, что они предпочитают занять время ребенка интересными играми или мультфильмами вместо личных занятий с детьми. Около половины родителей (как сельских, так и городских жителей) осваивают вместе с ребенком развивающие занятия, скорее всего готовя их к будущему обучению в школе.

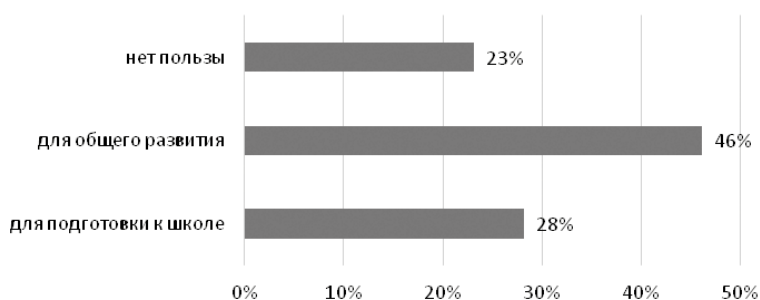

Рис. 5. Распределение частот завершений предложения «Использование электронного гаджета полезно ребенку для того, чтобы...»

Рис. 6. Распределение частот завершений предложения «Использование электронного гаджета может приносить вред ребенку тогда, когда...»

Для анализа мнений родителей о пользе и вреде для детей электронных гаджетов рассмотрим характерные завершения очередных предложений методики «Нормирование использования ребенком электронных гаджетов».

Анализ выявил, что для предложения «Использование электронного гаджета полезно ребенку для того, чтобы...» большая часть завершений оказалась: «для подготовки к школе»; «для общего развития»; «нет пользы».

Таким образом, около половины родителей считают, что гаджет может быть полезен для общего развития ребенка, по мнению части родителей, занятия могут принести пользу в подготовке ребенка к школе («обрести основы компьютерной грамотности», «увеличить кругозор», «развить логическое мышление» и др.). Часть родителей не видят особой пользы для ребенка в гаджете. скорее всего, относясь к гаджету как к очередной игрушке для ребенка.

Анализ показал, что для предложения «Использование электронного гаджета может приносить вред ребенку тогда, когда...», большая часть завершений оказалась: «проводит много времени, которое сложно контролировать»; «наносит вред зрению»; «может заниматься без контроля родителей, в том числе посещать ненужные сайты».

Следовательно, многие родители считают, что гаджет вреден тогда, когда сложно контролировать ребенка: он может проводить много времени с гаджетом или без контроля родителей посещать ненужные сайты. Отдельные родители видят негативное влияние гаджетов на зрение ребенка при длительном его использовании, в том числе для однообразных монотонных занятий, просмотра мультфильмов.

Завершим составление психологического портрета описанием существенных свойств выборки родителей дошкольников.

Приблизительно одинаковое распределение выборки по полу: женский пол (матери дошкольников) — 78 чел. (53%), мужской пол (отцы дошкольников) — 69 чел. (47%). Большинство родителей (72%), как матерей, так и отцов, имеют возраст от 28 до 42 лет. Многие семьи (85%) имеют одного или двух детей, т.е. являются представителями типичных российских семей по их числу в семье.

Подведем итоги исследования. Полученные данные позволяют составить психологический портрет современных родителей, проживающих в сельской местности, содержащий существенные общие и особенные отношения родителей к использованию дошкольником электронных гаджетов.

Существенные инвариантные отношения родителей заключаются в том, что большинство родителей разрешают своему ребенку занятия с электронными гаджетами, активно участвуя в их использовании. Многим дошкольникам не разрешают занятия с гаджетом больше одного часа в день, которое контролирует, как правило, мать ребенка. Родители считают, что увеличить время занятия ребенка с гаджетом можно, чтобы завершить занятие, в том числе если это развивающее занятие. К основным занятиям дошкольников с помощью гаджетов относятся различные соответствующие возрасту развлекающие занятия (просмотр мультфильмов и компьютерные игры), на втором месте — развивающие занятия, в большинстве своем направленные на подготовку к обучению в школе.

Основное позитивное влияние на ребенка, полагают родители, занятия с гаджетом могут оказать на его общее развитие, не детализируя содержание развития. Основное негативное влияние на ребенка они видят в том, что ребенок сможет проводить много времени с гаджетом и без контроля родителей посещать ненужные сайты.

Специфика отношения родителей к использованию дошкольником электронных гаджетов заключается в эмпирически установленных трех уровнях нормирования родителями использования ребенком гаджетов: «уровень без ограничений», «нормальный уровень», «уровень запрета».

Родители, имеющие «уровень запрета» использования дошкольником электронных гаджетов, запрещают использовать своему ребенку какой-либо гаджет. Родители, имеющие «нормальный уровень», разрешают использовать своему ребенку какой-либо один вид гаджета (планшет, телефон или смартфон, компьютер). Родители, имеющие «уровень без ограничений», разрешают использовать своему ребенку любой вид гаджета.

Обозначим основные направления продолжения исследования проблемы «Родитель — ребенок — электронный гаджет»:

- выявление психологических особенностей родителей, различающихся уровнями и содержанием нормирования использования ребенком электронных гаджетов;
- выявление особенностей содержания участия матери и отца ребенка в использовании им гаджетов;
- выявление свойств личности ребенка, на развитие которых оказывает влияние использование им электронных гаджетов.

Библиографический список

1. Барсукова, О. В., Мавлютова, Е. В., Савка, М. А. (2016). Ребенок и гаджеты: психологическое исследование мнений современных родителей. *Вопросы дошкольной педагогики*, (1), 14–18.
2. Борцова, М. В. (2007). *Факторы становления начальных форм ответственности личности: теоретический аспект*. Монография. Славянск-на-Кубани: СГПИ.
3. Борцова, М. В., Жукова, А. В., Некрасов, С. Д., Федоровский, А. П. (ред.). (2017). Особенности развития личностных качеств у дошкольников, различающихся использованием электронных гаджетов. *Общество и личность: гуманистические тенденции в развитии современного общества (памяти профессора Е. Н. Шиянова)* (с. 116–119). Ставрополь: АНО ВО СКЦИ.
4. Знаков, В. В. (2016). Понимание субъектом социокультурной реальности мира человека. *Человек. Сообщество. Управление*, 17 (1), 6–25.
5. Некрасов, С. Д. (2014). *Математические методы в психологии (MS Excel)*. Краснодар: КубГУ.
6. Некрасов, С. Д. (2016). *Как составить психологический портрет человека*. Краснодар: КубГУ.
7. Олехнович, П. (2015). Влияние электронных гаджетов на детей дошкольного возраста. Режим доступа <http://www.maam.ru/detskijasad/vlijanie-yelektronyh-gadzhetov-na-detei-doshkolnogo-vozrasta.html>
8. Папы верят в электронные книги и мобильные приложения (2012, Август). Режим доступа <http://licensingrussia.ru/post/858>
9. Digital Parenting Russia Study: о детях, родителях и электронных устройствах (2012, Июль). Режим доступа <http://www.cossa.ru/149/20983/>
10. Olaore, I. B. (2014). The Impacts (Positive and Negative) of ICT on Education in Nigeria. *Developing Country Studies*, (23): 154–156. Retrieved from <http://www.iiste.org/Journals/index.php/DCS/article/viewFile/17715/18098>
11. Sarwar, M., Soomro, T. R. (2013). Impact of Smartphone's on Society. *European Journal of Scientific Research*, (2): 216–226. Retrieved from <https://www.researchgate.net/publication/236669025>

Статья поступила в редакцию 28.03.2017

PARENTS' ATTITUDE TOWARDS CHILD'S USING E-GADGETS

Bortsova M. V., Nekrasov S. D.

Bortsova Mirosława Vladimirovna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: bor-mirosława@yandex.ru.

Nekrasov Sergej Dmitrievich, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: n.s.d@kubsu.ru.

The article dwells on an important aspect of the issue "parent — child — e-gadget" related to the study on parents' attitude towards regulation of children's using e-gadgets and their opinion on a positive or negative impact of e-gadgets on child's personal traits.

In order to perform an empirical study, the following methods were developed by the authors: the questionnaire "Data on Child's Using E-Gadgets", an incomplete-sentence method "Regulation of Child's Using E-Gadgets". The study involved 147 parents of children going to pre-school educational institutions of the Poltavskaya village, Krasnodar Krai.

The study identified specific features of parents' attitude towards the usage of e-gadgets by children which includes three levels of parents' regulation of child's using e-gadgets: "No-limit level" (42%), "Normal level" (46%), "Prohibiting level" (13%). The "prohibiting level" means that parents forbid their pre-school children using any gadget. Parents with "normal level" of preschooler's using e-gadgets allow their child to use one type of gadgets (a tablet, telephone or smartphone, computer). Parents with "no-limit level" of preschooler's using e-gadgets allow their child to use any type of gadgets.

The paper presents a psychological profile of modern parents living in rural areas and their significant attitude towards preschoolers' using e-gadgets. Most parents allow children to use e-gadgets and are actively involved in this process no more than for an hour a day; as a rule, time is controlled by mothers. Preschoolers usually use gadgets for different age-specific entertaining activities (watching cartoons or playing computer games), next — learning activities, in particular those that prepare for school studies. Parents allow children to spend more time with gadgets in order to complete learning activities that may have a positive impact on child's development. In parents' view, the main negative impact is lack of control over child's visiting unwanted websites.

Key words: child's using e-gadgets, influence of gadgets on child's traits development; parents' attitude towards child's using e-gadgets; levels of parents' regulation of child's using e-gadgets; parents' psychological profile; issue "parent — child — e-gadget".

References

1. Barsukova, O. V., Mavlyutova, E. V. & Savka, M. A. (2016). Rebenok i gadzhety: psichologicheskoe issledovanie mnenij sovremennyh roditelej [Child and Gadgets: Psychological Study on Modern Parents' Opinion]. *Voprosy doskol'noj pedagogiki* [Issues of Pre-School Pedagogy], (1), 14–18.
2. Bortsova, M. V. (2007). *Faktory stanovlenija nachal'nyh form otvetstvennosti lichnosti: teoreticheskij aspekt* [Factors of Developing Initial Forms of Personal Responsibility: Theoretical Aspect]. Monograph. Slavyansk-on-Kuban: Stavropol State Pedagogical Institute.
3. Bortsova, M. V., Zhukova, A. V., Nekrasov, S. D. & Federovskiy, A. P. (ed.). (2017). Osobennosti razvitiya lichnostnyh kachestv u doskol'nikov, razlichajushhihsja ispol'zovaniem jelektronnyh gadzhetrov [Specific Features of Developing Personal Traits in Pre-Schoolers that Differ by the Use of E-Gadgets]. *Obshhestvo i lichnost': gumanisticheskie tendencii v razvitiu sovremennogo obshhestva (pamjati professora E. N. Shijanov)* [Society and Individual: Humanistic Tendencies in Modern Society Development (to the

- memory of Prof. E. N. Shiyanov)] (pp.116–119). Stavropol: Autonomous Non-Profit Organization of Higher Education “North Caucasian Social Institute”.
4. Digital Parenting Russia Study: O detjah, roditeljah i jelektronnyh ustrojstvah [On Children, Parents and E-Devices] (July, 2012). Retrieved from: <http://www.cossa.ru/149/20983/>
 5. Nekrasov, S. D. (2014). *Matematicheskie metody v psihologii (MS Excel)* [Mathematical Methods in Psychology (MS Excel)]. Krasnodar: Kuban State University.
 6. Nekrasov, S. D. (2016). *Kak sostavit' psihologicheskij portret cheloveka* [How to Build Person's Psychological Profile]. Krasnodar: Kuban State University.
 7. Olaore, I. B. (2014). The Impacts (Positive and Negative) of ICT on Education in Nigeria. *Developing Country Studies*, (23): 154–156. Retrieved from <http://www.iiste.org/Journals/index.php/DCS/article/viewFile/17715/18098>
 8. Olekhnovich, P. (2015). Vlijanie elektronnyh gadzhetov na detej doskol'nogo vozrasta [Influence of E-Gadgets on Pre-Schoolers]. Retrieved from: <http://www.maam.ru/detskijsad/vlijanie-yelektronyh-gadzhetov-na-detei-doshkolnogo-vozrasta.html>
 9. Papy verjat v jelektronnye knigi i mobil'nye prilozhenija [Fathers Believe in E-Books and Mobile Applications] (August, 2012). Retrieved from: <http://licensingrussia.ru/post/858>
 10. Sarwar, M. & Soomro, T. R. (2013). Impact of Smartphone's on Society. *European Journal of Scientific Research*, (2): 216–226. Retrieved from <https://www.researchgate.net/publication/236669025>
 11. Znakov, V. V. (2016). Ponimanie sub'ektom sociokul'turnoj real'nosti mira cheloveka [Subject's Understanding of Human World Sociocultural Reality]. *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 17 (1), 6–25.

ИДЕНТИФИКАЦИЯ С СЕМЕЙНЫМИ РОЛЯМИ У ЮНОШЕЙ И ДЕВУШЕК ИЗ ПОЛНЫХ И НЕПОЛНЫХ СЕМЕЙ

.....

Дахно В. М.

Дахно Виктория Михайловна,
Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: viktoria-m.v.m@mail.ru

В статье описаны результаты исследования представлений о будущей семье у юношей и девушек из полных и неполных семей. Предлагается рассмотрение личностных особенностей построения образа родителей, себя как будущего родителя в ситуации наличия обоих родителей или только одного. Неполная семья рассматривается лишь как ситуация мобилизации дополнительных ресурсов для развития и саморазвития личности, но не как негативная ситуация, полностью лишаящая человека возможности стать полноценной личностью. Изучение отношения к семейным ролям и собственной гендерной роли реализовано посредством контент-анализа сочинений юношей и девушек и репертуарного теста. Контент-анализ позволил выделить особенности представлений молодежи о семье, проанализировать возможные причины и следствия содержания образа будущей семьи у юношей и девушек из полных и неполных семей. Выявлены и описаны критерии анализа сочинений: наличие образа семьи в представлениях о будущем, наличие в будущей семье детей, возможность самореализации благодаря или вопреки семейным отношениям, использование физических и инструментальных характеристик при описании будущего, значение материальных ценностей в образе будущего, страхи в отношении будущей семьи. Репертуарный тест показал некоторые механизмы идентификации личности с образами отца и матери. В результате исследования выявлено наличие возрастных, гендерных и семейных факторов отношения молодежи к будущей семейной жизни. Описаны особенности построения образа будущей семьи и отношения к гендерным ролям молодежи из полных и неполных семей. Установлено, что у молодежи из неполных семей более позитивный образ себя как будущего супруга и родителя; описаны основные тревоги и переживания в отношении будущей семьи; выделены особенности структурного и тематического описания будущей семьи. Также подробно проанализированы ролевые связи между различными гендерными эталонами, и на их основе представлены стратегии формирования гендерной идентичности в ситуации отсутствия одного родителя. Основные выводы исследования показали более позитивное отношение к созданию семьи у молодежи из неполных семей, что, однако, сопровождается и большим количеством переживаний и страхов. Представления о будущей семье в данной группе молодежи более реалистичны, более продуманны, что говорит об их большей озабоченности по поводу создания собственной семьи по сравнению с молодежью из полных семей. Выявлены компенсаторные механизмы формирования адекватного образа Я для юношей и девушек, имеющих лишь одного родителя. В целом результаты показали, что неполная семья как социальная ситуация развития личности

определяет усиление значимости собственных будущих семейных отношений, большее внимание молодежи к построению собственной семьи, к выполнению собственной родительской функции.

Ключевые слова: молодежь, полная и неполная семья, образ будущей семьи, гендерная идентичность.

В современной психологии большое внимание уделяется проблеме формирования личности человека, воспитывающегося в неблагоприятных условиях. Одним из негативных условий развития личности считается отсутствие в семье одного из родителей (Дементьева, 2004; Николаева, 2013; Yarber, Sharp, 2010). Если в послевоенное время отсутствие отца напрямую зависело от сложившейся ситуации, то рост семей, воспитывающих ребенка одним из родителей в современном российском обществе обусловлен иными факторами. Одним из таких факторов является определенный уровень эмансипации женщин, их независимость от мужчин и так называемая свобода выбора жизненной стратегии. Для современной женщины ситуация развода с супругом является уже привычной в обществе. Легкость, с которой распадаются браки, заставляет задуматься о сохранении института семьи в целом.

Проблемой особенностей личности, воспитывавшейся в полной или неполной семье, занимаются исследователи многих направлений психологии: И. Ф. Дементьева, О. М. Здравомыслова, З. Матейчик, Я. Г. Николаева, А. Г. Харчев и др.

В первых исследованиях связи структуры семьи с личностным развитием основное внимание уделялось неспособности одного родителя обеспечить оптимальные условия для своего ребенка, описывались различные формы неадекватных форм семейных ролей, отношений, стилей воспитания. Однако современное состояние проблемы шире данных стереотипных рамок (Левашкина, 2013; Николаева, 2013; Синельникова, 2015).

Во-первых, содержание родительской функции рассматривается иначе, например, проблема включенности отца в детско-родительские отношения, проблема ролевого конфликта работающей женщины и т.д. То есть в современном понимании наличие обоих родителей у ребенка не дает гарантии адекватного семейного воспитания.

Во-вторых, при наличии огромного количества направлений исследования семейного воспитания, детско-родительских отношений, становится очевидной неоднозначность влияния родителей на личность ребенка. Для одних детей более приемлем авторитарный стиль поведения родителей, для других — попустительский. Кроме того, удовлетворенность личностью тем, как ее воспитывали родители, зависит от большого числа внешних и внутренних факторов. В связи с чем, очень сложно выделить ведущий, наиболее адекватный, универсальный стиль детско-родительских отношений.

В-третьих, размытость социальных установок в сфере детско-родительских отношений, в стиле воспитания, в гендерных особенностях воспитания ведет к тому, что в определенном возрасте человеку сложно выбрать ролевую модель для построения собственных родительских установок. Функционально образы отца и матери имеют множество пересечений и становятся для современного ребенка взаимозаменяемыми, что приводит к определенным сложностям в процессе достижения идентичности личности.

Учитывая описанные особенности, не всегда можно однозначно утверждать, что отсутствие одной из ролевых моделей родителя в самосознании ребенка тормозит его развитие, формирование у него образа себя как представителя определенного пола, как будущего родителя.

Задачей современных исследований детско-родительских отношений, на наш взгляд, должно стать не выделение «хороших» и «плохих» стилей взаимодействия, а изучение и описание жизненных стратегий, способов построения и компенсации образов родителей и себя как родителя в различных жизненных ситуациях. Для нас важно не еще раз показать «неполноценность» человека, воспитанного одним из родителей, а выявить те его личностные ресурсы, с помощью которых он становится зрелой личностью, формирует адекватный образ себя как родителя.

Несмотря на разработанность данной проблемы, вопрос о влиянии неполной семьи на психическое развитие личности остается открытым.

Цель данного исследования — изучение представлений о будущей семье и идентификации с семейными ролями у юношей и девушек из полных и неполных семей.

Мы предположили, что структура родительской семьи влияет на представления молодежи о своей будущей семейной роли и определяет отношение к некоторым семейным ролям (к образам отца и матери, образу будущего партнера).

Для проверки гипотезы нами использовались следующие методы: контент-анализ сочинений, цветовой и репертуарный варианты решеток Дж. Келли, беседа.

Исследование проводилось в 2016 г.

I этап. Для изучения представленности образа своей будущей семьи в сознании молодежи предлагалось написать сочинение на тему «Моя будущая семья». Требовалось написать сочинение в развернутом виде. В сочинении давалось задание описать ожидания, планы, опасения.

В ходе исследования испытуемые не были ограничены во времени и способах описания. Исследование носило индивидуальную форму.

Сочинения обрабатывались с помощью контент-анализа. Единицами анализа стали восемь критериев оценки образа будущей семьи, выявленные в ходе исследования:

- наличие семьи в представлениях;

- наличие в будущей семье детей;
- самореализация (возможность развития и профессиональные достижения, свобода и независимость от супруги/супруга);
- способ описания (использование физических и инструментальных характеристик);
- материальные ценности (наличие дома (квартиры), машины, животных);
- страхи (измена, алкоголь, насильственная смерть).

Выбранные единицы анализа соответствуют содержанию исследуемой проблемы, позволяют изучить содержание представлений молодежи о собственной будущей семье.

В результате были выявлены особенности представления молодежи о будущей семье, определены значимые социальные роли, ведущий тип деятельности, гендерные особенности.

II этап. Для выявления у молодежи особенностей образа матери и отца использовался вариант Репертуарного теста личностных конструкторов Дж. Келли.

Для выявления образов-эталонов, на которые ориентируется человек в реальном взаимодействии с социальным окружением, применялась репертуарная решетка, где в качестве конструкторов использовались характеристики личности, наиболее актуальные для юношеского возраста при оценивании другого человека, выделенные в ходе теоретического анализа проблемы исследования; в качестве элементов — роли, обладающие значимостью для молодежи или используемые для отвлечения внимания от образов родителей: я сам; друг; будущий супруг(а); типичный отец; типичная мать; человек который неприятен; человек, который нравится. Отметим, что нас в большей степени интересовала близость образов себя, будущего супруга/супруги и типичных отца и матери. Мы сознательно не включали в исследование образы реальных отца или матери, так как работали с группой юношей и девушек, не имеющих одного из родителей.

Определение выбора значимого образа на эмоциональном уровне проводилось с использованием модифицированного теста цветовых отношений. Респондентам предлагалось перед началом исследования проранжировать 8 цветов по степени приятности для себя, а после заполнения репертуарной части выбрать цвет, наиболее подходящий каждому исследуемому образу. При анализе данных сами по себе цветовые выборы не интерпретировались. Выполнение репертуарной и цветовой форм оценки образов способствовало изучению принятия молодежью социальных элементов на уровне поведенческих установок и на уровне самоощущения.

Интерпретация проводилась в два этапа: определение значимости элементов-ролей и связи некоторых ролей между собой; соотнесение значимых ролей со значимостью цветов, выбранных для их описания.

В исследовании приняли участие 60 чел. в возрасте от 17 до 22 лет. Выборка была разделена на две группы:

- 1) юноши и девушки из полных семей — 30 чел. (15 юношей, 15 девушек);
- 2) юноши и девушки из неполных семей — 30 чел. (15 юношей, 15 девушек).

Группы выравнились по количеству респондентов.

Состав семьи (отсутствие отца или матери) и причины отсутствия одного из родителей (развод или смерть родителя) нами не учитывались в силу того, что беседы с респондентами об их отсутствующем родителе мы не проводили. Рассмотрим полученные результаты.

Представления о будущей семье. В качестве одной из самых существенных характеристик семьи как малой группы исследователи называют ее структуру, при этом ролевая структура рассматривается как важнейший признак (Алешина, Волович, 2006; Здравомыслова, 2003; Николаева, 2013; Yarber, Sharp, 2010). Ролевая структура характеризуется в первую очередь распределением ролей, т.е. тем, какие обязанности выполняет в семье каждый ее член и на каких принципах построены ролевые отношения. Отражение ролевых отношений и структуры семьи проявилось и в сочинениях молодежи.

Отметим, что каждый из испытуемых в обеих группах описывал наличие будущей семьи. В нашей выборке не оказалось респондентов, которые писали бы о том, что у них в будущем не будет семьи вообще. Сочинения были различны по объему, структуре и содержанию, но во всех сочинениях описаны особенности будущей семьи. Рассмотрим особенности сочинений молодежи из полных и неполных семей.

Группа из неполных семей. Юноши и девушки из данной группы написали подробные, полные сочинения с описанием социально-ролевой позиции, с определённой системой прав и обязанностей; личностной позиции; отношением личности к себе, другим, труду, жизни в целом, в сфере семейного труда, семейной жизни.

Позитивное восприятие молодежью данной группы родительских позиций прослеживается в желании иметь детей. В будущей роли они видят себя заботливыми родителями, которые в первую очередь нацелены на то, чтобы дать своим детям то, чего были лишены сами.

Описанные критерии были проанализированы с точки зрения их связи между собой. Наличие положительной связи оценивалось как близость критериев, их единство в самосознании молодежи. Отрицательная корреляция рассматривалась как отрицание одного фактора при наличии другого.

Обеспечение ребенка стоит на первом месте практически у всех респондентов исследуемой выборки. Такое родительское отношение к ребенку, как чрезмерная забота о ребенке, коррелирует со стремлением к созданию безопасности: алкоголизм (,49885272), наркомания (,5129892), развод (,5087470).

Молодежь с опаской относится к негативным социальным воздействиям, с которыми предстоит столкнуться при воспитании детей (в их субъективном представлении), считает реальной угрозой наркомании и алкоголизма собственных детей в будущем. Кроме того, респонденты связывают воспитание детей с угрозой развода родителей. Такая картина отражает тревожное отношение молодежи из неполных семей к образу собственной будущей семьи, и особенно к процессу воспитания будущего поколения. В этой тревожности отражены особенности социального воздействия на самосознание молодежи, когда вокруг ведется большое количество разговоров о проблемах алкоголизма и наркомании подростков и молодежи, а также особенности собственного семейного опыта, в котором ситуация развода подсознательно связана с ситуацией воспитания ребенка, т.е. восприятие респондентом себя как причины развода родителей.

С будущей ролью родителя имеется значимая отрицательная корреляция ($-0,389249$) в приобретении материальных благ, например, таких как машина. Юноши и девушки считают, что наличие ребенка в семье сопровождается серьезными материальными затратами, которые не позволят приобрести некоторые материальные блага, к которым молодежь чаще всего относит собственный автомобиль. Отметим, что наличие собственного жилья не отрицает наличия детей, т.е. собственное жилье в самосознании молодежи представляется как необходимость, о проблеме приобретения которой они начинают задумываться всерьез.

Отношение к родительству воспринимается, как гордость и радость, требующие усилий по саморазвитию, способствующие самореализации личности. В сочинениях респонденты часто описывают положительное отношение к родительству как сопутствующему самореализации личности.

Алкоголь имеет значимую отрицательную корреляцию ($-0,498527$) с достижением самореализации. Респонденты данной группы считают невозможным процесс самореализации при наличии вредных привычек и отклоняющихся форм поведения.

Большинство юношей и девушек отмечают, что самореализация возможна при наличии понимающего(ей) супруга(и) ($0,76669650$). Очень много описаний, в которых будущая семейная жизнь соотносится с наличием хорошей, понимающей супруги(га). Интересным и противоречивым оказался факт корреляционной связи образа понимающей супруги с наличием детей. Получается, что для данной группы наличие понимающей супруги отрицает наличие детей. Этот факт кажется сложно объяснимым. Вероятно, для данного возрастного периода проблема создания собственной семьи является все еще идеальной, не связанной напрямую с актуальными потребностями, в то время как проблема межличностных отношений, отношений с противоположным полом очень актуальна.

Мы предположили, что для юношей и девушек из неполных семей в процессе создания образа будущей семьи актуализируется одна из двух проблемных об-

ластей: отношения с партнером по браку и отношения с детьми. И описывается в связи с этим только одна из областей. Если для респондента главным в семейном счастье считается отношение с супругом, то наличие ребенка уже не столь значимо. В другом случае ребенок и его благополучие настолько важны для юноши или девушки, что отношения между супругами отходят на второй план.

Факт наличия понимающего(ей) супруга(и) исключает наличие страха измены (–,470867) и алкоголизма (–,701073). В самореализации они нацелены на поддержку и понимание.

Основным видом деятельности себя как родителя, описанным в сочинениях, является общественно полезный труд. Как у юношей, так и у девушек основное занятие — создание чего-либо, помощь людям, познание. В будущем респонденты данной группы стремятся сделать что-либо для других людей, занять достойное место в системе общественных отношений, осознать свою значимость для других людей.

На уровне тенденции прослеживается, что при наличии жилья (,4010210) и машины (,5869226) большинство из испытуемых приобретут собаку. Наличие жилья увеличивает риск измены (,4211070).

Значимый результат был получен в эмпирическом признаке, связанном с наличием машины. Машина, увеличивает шанс иметь красивого(ую) мужа(жену) (,6173703), но вместе с тем возрастает риск измены (,5757326) и как следствие развод (,4727455), а также, употребление наркотиков (,48873125). Мы видим, что в самосознании молодежи из неполных семей отражены две основные тенденции:

- большое количество страхов, связанных с тем, что материальные блага влекут за собой негативные последствия, а семейная жизнь требует серьезной работы над собой и сложного процесса воспитания будущих детей;
- потребность в будущей семье актуализируется либо по линии супружеских отношений, либо по линии детско-родительских отношений.

Однако в целом сочинения молодежи этой группы описаны позитивно, как желаемый образ, к размышлению о котором обращается каждый юноша или девушка.

Рассмотрим результаты группы юношей и девушек из полных семей.

Сразу отметим, что общее количество корреляционных связей в группе из полных семей намного ниже, чем у молодежи из неполных семей. Сочинения респондентов второй группы более разрозненные, имеют меньше общих тенденций, факторы и условия счастливой семейной жизни меньше связаны между собой.

Отношение к родительству в целом характеризуется как тяжелое и обременительное, требующая усилий обязанность, не способствующая самореализации личности (–,579381). Юноши и девушки из полных семей однозначно менее позитивно настроены по отношению к собственной будущей семье. Они часто

описывают как предисловие к описанию семьи процесс самореализации, который должен предшествовать построению полноценной семьи.

Имеется отрицательная корреляция между самореализацией и разводом ($-1,000000$). Этот факт можно объяснить двумя способами: 1) для самореализации молодежи необходима семья и поддержка; 2) при описании самореализации в сочинениях сама семья отходит на второй план и проблема развода не включается в описание вообще.

Ощущение самореализации в роли родителя имеет отрицательную корреляцию с приобретением материальных благ: приобретением жилья ($-0,5769302$), машины ($-0,546002$). Эта тенденция противопоставления материальных благ и родительской роли прослеживается и в группе молодежи из неполных семей. Разница в том, что во второй группе эта связь более выражена. Молодежь из полных семей воспринимает родительство как ограничивающее возможность накопления материальных благ.

Выявилась связь на уровне тенденции между наличием красивой жены ($0,3799067$) и обеспечением ребенка. Можно предположить, что в самосознании юношей красивая жена и обеспеченность ребенка стоят в одном смысловом ряду как факторы семьи, требующие значительных материальных затрат.

Значимая связь прослеживается между наличием жилья и машины ($0,90909009$). Эта связь понятна, так как объединяет два элемента одной смысловой системы — материальные блага.

Среди инструментальных характеристик часто упоминается «понимающая жена». На уровне тенденции прослеживается значимая связь «понимающая жена» и «измена» ($0,4402740$). Вообще для юношей и девушек из полных семей характерно связывать любой образ супруги/супруга с опасением измены. Это свидетельствует о нарушенном восприятии молодежью партнеров противоположного пола в сторону их негативизации.

Большинство респондентов описывают большое количество физических характеристик своих будущих жен (мужей). Юноши и девушки из неполных семей не делают акцента на физических характеристиках партнера по отношениям. Мы связываем это с представлением, что молодежь из неполных семей часто вынуждена доказывать свою компетентность в учебе, отношениях через личные достижения и умения.

Существует значимая связь между факторами «красивая жена/муж» и «алкоголь» ($0,5129892$), «красивая жена/муж» и «измена» ($0,5185172$). Мы видим, что образ красивой супруги/супруга воспринимается всеми респондентами как желаемый, но связанный с различными опасениями и проблемами.

Полученные результаты позволяют сформулировать некоторые выводы.

Респонденты из неполных семей прописали в сочинениях серьезные связи, это означает, что образ рассматривался и систематизировался как зрелая осознанная

роль. У респондентов из контрольной группы сочинения написаны в сжатой форме, в виде краткого плана, в сочинениях прослеживается ориентированность на накопление материальных благ. У молодежи из неполных семей сочинения нацелены на поддержку и понимание. Наличие детей в их сознании связано со многими проблемами, но отношение к родительской (отцовской, материнской) роли проявляется в адекватном принятии как своей роли, так и роли другого родителя, приносящее счастье и радость, способствующее их самореализации.

У молодежи из полных семей в отношении к родительской роли проявляется амбивалентное отношение и к своей роли, и роли другого родителя. Данную роль молодежь противопоставляет самореализации. Наличие детей противопоставляется материальному благу. Мотивация на самореализацию только в браке.

Анализ сочинений двух групп позволил описать некоторые особенности представлений о будущей семье, о ролях, сопровождающих семейные отношения, переживания, связанные с построением будущей семьи.

Следующий этап исследования был направлен на определение связи собственного образа с другими значимыми образами.

Целью второго этапа было определение идентификации личности с другими людьми. Определение объекта идентификации позволило выявить некоторые тенденции отношения молодежи из полных и неполных семей с собственными родителями как ролевыми моделями, влияющими на представления о собственной будущей семье (Алешина, Волович, 2006; Николаева, 2013; Осипова, Устинова, 2014; Yarber, Sharp, 2010).

Выбор значимого другого определялся близостью выделенных образов-эталонов с элементом «Я сам». Анализ позволил выделить как возрастные, так и гендерные особенности выбора объекта идентификации молодежью.

Девушкам из неполных семей свойственна идентификация «Я сам» с образами «Типичная мать», «Типичный отец», «Будущий супруг». Интересным является усиление значимости образа мужчины. Данная тенденция может быть следствием феминизации общества, стремлением девушек овладеть традиционно считавшимися мужскими качествами, принятием в собственном Образе-Я как женских, так и мужских черт, а также результатом возрастающего интереса к противоположному полу, чувства влюбленности, способствующего слиянию Образа-Я и образа объекта интереса.

Для девушек из полных семей свойственна идентификация «Я сам» с образами: «Типичная мать», «Будущий супруг». «Я сам» девушек коррелирует, в свою очередь, с образом «Типичная мать», что позволяет говорить об адекватной половой идентичности.

Выраженность корреляции с образом отца у девушек из неполных семей мы связываем с отсутствием реального отца, образ которого идеализируется и по-

стоянно воссоздается в самосознании как ориентир для собственного поведения (а что посоветовал бы мне отец, будь он рядом).

У юношей из неполных семей наблюдается возврат к идентификации «Я сам», «Друг» и «Типичный отец» с мужскими образами-эталонами. Для юношей из полных семей характерна идентификация «Я сам» с образами «Типичная мать», «Типичный отец» и «Друг». Юноши ориентируются в своем поведении на различные образы-эталоны — на образы взрослых людей (как мужчин, так и женщин). Мы видим, что направление гендерной идентичности похоже у девушек из неполных и юношей из полных семей. На наш взгляд, это связано с тем, что у девушек, воспитываемых без отца, проявляются больше маскулинные формы поведения, что отражается в их ориентации как на женские, так и на мужские роли.

Юноши из неполных семей больше ориентируются на мужские образы, так как именно главного мужского эталона в их жизни нет, в связи с этим происходит усиление значимости имеющихся мужских образов, отождествление себя с любым мужским образом.

Значимость образа друга является возрастной тенденцией и характерна для всех респондентов исследуемой выборки.

Далее мы определяли эмоциональную, неосознаваемую близость образа себя с представленными образами, а также наличие рассогласования между эмоциональной и когнитивной оценками образов-эталонов.

Значимость какого-либо образа на эмоциональном уровне определялась близостью выделенной группы элементов предпочитаемому или отвергаемому цвету.

Респонденты из полных семей включают в одну цветовую группу с образом себя роли «Типичный отец», «Будущий(ая) супруг(а)», «Друг», «Типичная мать». Для юношей характерно включение в предпочитаемую группу мужских образов — отца, друга. На аффективном уровне у них проявляется тенденция ориентироваться на мужские эталоны, которую мы видели на когнитивном уровне у юношей из неполных семей. Можно предположить, что наличие в семье отца не всегда обеспечивает аффективное переживание близости самого себя с мужскими моделями поведения.

Для девушек более характерно включение в предпочитаемую группу образов матери и отца. На эмоциональном уровне они идентифицируют себя с образами взрослого человека независимо от его половой принадлежности.

В целом у молодежи из полных семей выражена нормальная тенденция в выборе ролевой модели поведения. Юноши ориентируются на мужские образы, девушки — на образы взрослого человека вообще. Отметим, что близость с образом друга характерна только для юношей. Девушки на аффективном уровне нечасто идентифицируют себя с подругами, это еще раз подтверждает их го-

товность ориентироваться в поведении на взрослые образы, к каковым образ подруги не относится.

Респонденты из неполных семей выделяют следующие предпочитаемые группы.

У юношей заметно эмоциональное разделение позитивно значимых мужских образов на так называемые взрослые и невзрослые. Образы типичного мужчины и человека, который нравится (мужской образ) часто относятся к одной цветовой группе, а образ себя и друга — к другой группе. Юноши дифференцируют уже сложившиеся мужские роли и образы, которые находятся на стадии обретения мужских форм поведения. «Типичная мать» не имеет аффективной близости для юношей на данном возрастном этапе. Сопоставление когнитивного и аффективного компонентов образа себя и других показывает, что рассогласования у юношей нет. Они осознают свои образы-эталоны адекватно и стремятся стать похожими в поведении и ценностях на взрослых мужчин.

У девушек противоречия между когнитивной и аффективной оценкой проявились. Это противоречие коснулось образа типичной матери. Данный образ оказался редко встречающимся в одной цветовой группе с образом себя у девушек. На когнитивном уровне этот образ был одним из наиболее близких. Образ отца проявился как значимый и при когнитивной, и при аффективной оценке. Таким образом, отец и его значение для девушки имеют высокие оценки на всех уровнях самосознания личности.

Как у юношей, так и у девушек выражено позитивное отношение к предъявленным эталонам. Молодежь выделяет одну предпочитаемую группу: «Я сам», «Типичная мать», «Типичный отец», «Друг», «Человек, который нравится». Это связано с интересом данного возраста к взрослым отношениям.

Таким образом, мы можем говорить о том, что отсутствие отца у юношей компенсируется усилением значимости других мужских образов, моделей поведения. Для девушки, не имеющей отца, характерна тенденция усиления значимости идеализированного или обобщенного образа отца. Это разные стратегии построения собственного полоролевого поведения, которые обязательно оказывают влияние на формирование у молодежи представлений о своей будущей семье.

Проведенное эмпирическое исследование позволило обозначить общие для всей исследуемой группы тенденции формирования Образа-Я и выявить гендерные особенности развития представлений молодежи из полных и неполных семей о своей будущей семье.

1. Юноши и девушки из неполных семей более позитивно относятся к проблеме создания собственной семьи в будущем.

2. Для молодежи из неполных семей характерно большее количество страхов и опасений по поводу воспитания детей и достижения семейного благополучия.

3. Представления о семье у молодежи из неполных семей более развернуты, имеют более выраженные связи отдельных компонентов семейной жизни.

4. Юноши из неполных семей в построении полоролевого поведения ориентированы на компенсацию образа отсутствующего отца через ориентацию на другие мужские образы и усиление их значимости на когнитивном и аффективном уровнях. Девушки из неполных семей компенсируют образ реального отца, которого у них нет, значимостью образа типичного отца, либо идеализируя образ, либо обобщая имеющиеся мужские ролевые модели.

5. В целом юноши и девушки из неполных семей более ориентированы на осознание и проработку ценности семейных отношений и на выработку стратегии достижения гармонии и благополучия в будущих супружеских и детско-родительских отношениях.

Подводя итог проведенному исследованию, можно констатировать актуальность проблемы формирования образа будущей семьи у молодежи из неполных семей в современной психологической науке.

В целом видна положительная динамика в стремлении юношей и девушек создать собственную семью. Общность взглядов и интересов служит одним из основных мотивов при вступлении в брак. Большинство девушек описывали традиционную модель брака, в которой будущий избранник является профессионалом, занятым на постоянной, хорошо оплачиваемой работе. На себя же они берут ответственность за дом, семью, детей; профессиональная деятельность допускается в той мере, в какой она не мешает основной роли. Юноши описывали варианты патриархальной семьи, где жена, выполняя прежде всего роли матери и хозяйки, огромное внимание уделяет также выполнению роли друга по отношению к мужу, участвует в материальном обеспечении семьи. Основные различия в образе будущей семьи между двумя исследуемыми группами проявились в том, что молодежь из неполных семей оказалась более позитивно настроена на создание собственных семейных отношений.

Исследование позволило поставить проблему изучения и описания стратегий полоролевого поведения молодежи, воспитывавшейся без одного родителя и дифференцировать эти стратегии для юношей и девушек.

Библиографический список

1. Алешина, Ю. Е., Волович, А. С. (2006). Проблемы усвоения ролей мужчины и женщины. *Вопросы психологии*, (4), 74–82.
2. Дементьева, И. Ф. (2004). *Социализация детей в семье: теории, факторы, модели*. Москва: «Генезис».
3. Здравомыслова, О. М. (2003). *Семья и общество: гендерное измерение российской трансформации*. Москва: Едиториал УРСС.

4. Левашкина, А. О. (2013). *Идентификация детей разного пола с родителями в полных и неполных семьях* (Автореферат канд. диссертации). Ярославль: Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского.
5. Николаева, Е. И. (2013). *Психология семьи*. Санкт-Петербург: Питер.
6. Осипова, Л. Б., Устинова, О. В. (2014). Особенности формирования личности подростков в различных типах семей. *Вестник Вятского государственного университета*, (2), 14–19.
7. Синельникова, А. Б. (2015). Супружество, отцовство и материнство в Российском обществе. *Социологический журнал*, (4), 132–148.
8. Yarber, A. D., Sharp, P. M. (2010). *Focus on Single-Parent Families: Past, Present and Future*. Santa-Barbara, California.

Статья поступила в редакцию 15.03.2017

.....

FAMILY ROLES SELF-IDENTIFICATION OF YOUNG MALES AND FEMALES FROM TWO-PARENT AND SINGLE-PARENT FAMILIES

Dakhno V.M.

Dakhno Viktoria Mikhailovna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: viktoriam.v.m@mail.ru.

The article dwells on a research of future family image conceived by young males and females coming from two-parent and single-parent families. It considers personal characteristics of the way they construct the image of parents, the image of themselves as a future parent in cases when they have two or only one parent. Single-parent family is solely regarded as the situation of additional resources mobilization that promotes development and self-development, not as a negative situation that completely robs them of opportunity to become mature personalities. The research of attitude to family roles and gender identity was implemented by means of a content analysis of young males and females' compositions and repertory test. The content analysis permitted to define characteristics of youths' image of a family, analyze possible causes of and effects on the future family image young males and females from two-parent and single-parent families have. The author determines and describes the criteria of composition analysis: presence of family image in ideas of the future, presence of children in the image of the future family, a chance for self-realization due to or despite family relations, use of physical and instrumental characteristics while portraying the future, importance of material wealth in the image of the future, fears connected with the future family. The repertory test revealed some mechanisms of self-identification of a person with the image of the mother and father. The research results show the presence of age, gender and family factors of youths' attitude to future family life. The article describes the characteristics of the way the youths' from two-parent and single-parent families construct the image of future family and treat gender roles. The article points out a more positive image of themselves as a future spouse and parent that youths from single-parent families have; describes main concerns and worries connected with future family; defines characteristics of structural and thematic description of the future family. It also provides a detailed analysis of role connections between different gender models and, based on this, it represents strategies of forming gender identity in case when one parent is missing. Main conclusions of the research revealed a more positive attitude to starting a family that the youths from single-parent families have, however, they also develop more fears and concerns connected with it. The image of future family in this group of young people is more realistic, better-thought of, which indicates that they are more concerned about starting their own family compared to the youths from two-parent families. The article also detects the compensatory mechanisms that young males and females coming

from single-parent families employ to form adequate self-image. Upon the whole, the results show that a single-parent family as a social situation of personality development predetermines greater importance that young people who were brought up in such families attach to future family relations, the greater attention that they pay to starting their own family and carrying out their own parental functions.

Key words: youths, two-parent and single parent families, future family image, gender identity.

References

1. Alyoshina, Yu. E. & Volovich, A. S. (2006). Problemy usvoeniya rolii muzhchiny i zhen-shchiny [Issues of Roles Acquisition in Males and Females]. *Voprosy psikhologii* [Issues of Psychology], (4), 74–82.
2. Dement'eva, I. F. (2004). *Sotsializatsiya detey v semye: teorii, faktori, modeli* [Family Socialization of Children: Theories, Factors, Models]. Moscow: "Genesis".
3. Levashkina, A. O. (2013). *Identifikatsiya detey raznogo pola s roditelyami v polnykh i nepolnykh semiyah* [Different Sex Children Identification with Parents in Two-parent and Single-Parent Families] (Abstract of the Cand. Dissertation). Yaroslavl: Yaroslavl State Pedagogical University named after K. D. Ushinsky.
4. Nikolaeva, E. I. (2013). *Psikhologiya semyi* [Family Psychology]. St. Petersburg: Piter.
5. Osipova, L. B. & Ustinova, O. V. (2014). Osobennosti formirovaniya lichnosti podrostkov v razlichnykh tipakh semei [Characteristics of Personality Forming of Teenagers in Different Types of Families]. *Vestnik Vyatskogo gosudarstvennogo universiteta* [The Bulletin of Vyatka State Humanities University], (2), 14–19.
6. Sinelnikova, A. B. (2015). Supruzhestvo, otstvo i materinstvo v Rossiiskom obshchestve [Matrimony, Fatherhood and Motherhood in Russian Society]. *Sotsiologicheskii zhurnal* [Sociology Journal], (4), 132–148.
7. Yarber, A. D. & Sharp, P. M. (2010). *Focus on Single-Parent Families: Past, Present and Future*. Santa-Barbara, California.
8. Zdravomyslova, O. M. (2003). *Semya i obshchestvo: gendernoe izmerenie rossiiskoy transformatsii* [Family and Society: gender aspect of Russian transformation]. Moscow: Editorial URSS.

ОТНОШЕНИЕ К КРЕДИТАМ И СОЦИАЛЬНЫЙ СТАТУС ЛИЧНОСТИ¹

Киреева О. В., Педанова Е. Ю., Дёмин А. Н.

Киреева Оксана Васильевна,
Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: oksana-kireevA@mail.ru.

Педанова Екатерина Юрьевна,
Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: ket_wild@mail.ru.

Дёмин Андрей Николаевич,
Кубанский государственный университет,
350040, Россия, Краснодарский край, г. Краснодар, ул. Ставропольская, 149.
Эл. почта: demin@manag.kubsu.ru.

Данная статья посвящена исследованию связи между отношением заемщика к кредитам и его социальным статусом. Актуальность изучения роли социально-психологических характеристик личности в кредитном и долговом поведении обусловлена появлением в России таких проблем, как закредитованность населения и проблемные долги. В исследовании проверяются две гипотезы: 1) компоненты отношения к кредитам (осведомлённость о кредитах, мотивы взятия кредита, способы поведения в ситуации персонального дефолта) связаны с компонентами социального статуса (пол, возраст, уровень образования, статус занятости, материальное положение семьи); 2) в ситуации персонального дефолта связь между компонентами отношения к кредитам и социального статуса личности будет более выраженной, чем в обычной ситуации выплаты долга, поскольку трудная жизненная ситуация, каковой выступает персональный дефолт, предъявляет более высокие требования к социальным ресурсам личности. Использовались: авторский опросник «Отношение к кредитам», позволяющий диагностировать осведомлённость о кредитовании (активную и пассивную), мотивы кредитования, стратегии поведения в ситуации персонального дефолта; шкалы, измеряющие компоненты социального статуса личности. Выборка составила 257 чел. и охватывала тех, кто брал кредит и смог его вовремя отдать или отдаёт в настоящее время ($n = 157$), и тех, кто брал кредит, но не смог его вовремя отдать в прошлом или не может отдать в настоящем ($n = 100$). По результатам исследования выявлено, что четыре компонента социального статуса (образование, занятость, материальное положение, пол) связаны с компонентами отношения к кредитам. При этом только уровень образования связан и с когни-

¹ Исследование выполнено при финансовой поддержке отделения гуманитарных и общественных наук РФФИ и администрации Краснодарского края в рамках научно-исследовательского проекта № 16-16-23011-а (р) «Психологический анализ активности молодёжи и людей зрелого возраста на кредитном рынке».

тивным, и с мотивационным, и с поведенческим компонентом отношения к кредитам. Высокая вероятность обращения к непродуктивной стратегии (уход от решения проблемы, избегающее поведение) в ситуации персонального дефолта, скорее всего, определяется отсутствием постоянной полной занятости, более низким уровнем материального положения семьи и в большей степени характеризует мужчин. Получены свидетельства в пользу подтверждения дополнительной гипотезы: в ситуации персонального дефолта связь между компонентами отношения к кредитам и социального статуса личности имеет более системный характер по сравнению с обычной ситуацией выплаты долга. В ходе анализа данных, полученных на общей выборке и в подвыборках, не выявлено значимых корреляционных связей между показателями отношения к кредитованию и возрастом заемщиков.

Ключевые слова: кредит, отношение к кредитам, осведомлённость о кредитах, мотивация кредитного поведения, персональный дефолт, социальный статус личности.

Актуальность изучения связей между отношением заемщика к кредитованию и его социальным статусом обусловлена необходимостью определения социальных и психологических факторов, влияющих на рост числа заемщиков и проблемных долгов. В ходе анализа кредитного и долгового поведения необходимо учитывать не только экономические детерминанты выполнения долговых обязательств по кредитному договору (наличие финансовой возможности), но и связи между личностными особенностями заемщиков (например, отношением к кредитам) и показателями социального статуса. В данном исследовании под социальным статусом мы подразумеваем место личности в социуме, которое определяется её демографическими, социальными и экономическими характеристиками.

При изучении отношения личности к кредитованию мы основываемся на модели отношений личности В. Н. Мясищева и подходе С. А. Рубинштейна, согласно которым личность предстает как автор отношений к миру, к другим людям, к объектам, ситуациям и событиям, к самому себе, которые он реализует в соответствующих видах активности (Мясищев, 1995; Рубинштейн, 2003). Соответственно, отношение личности к кредитованию проявляется в кредитной активности.

Кредитная активность населения рассматривается учёными как составная часть финансового поведения (Дулина, Моисеева, Токарев, 2013; Ибрагимова, 2008; Кузина, 2013; Стребков, 2004, 2007; Lunt, Livingstone, 1992 и др.). При этом показатели социального статуса (уровень материального благосостояния, вид занятости, семейное положение, наличие детей, уровень образования и др.) считаются важными факторами этой активности, причём на первое место нередко выводится уровень дохода человека (семьи в целом) (Давыденко, 2014; Ибрагимова, 2008; Кузина, 2013; Родионова, Трач, Юсупова, 2016; Стребков, 2004, 2007; Шубаева, Наумов, 2015; Gallo, Matthews, 2003; Thomas, 2000).

В работе О. Кузиной значимым для изучения динамики отношения россиян к кредитам оказался уровень нагрузки по обслуживанию долгов для семейных бюджетов заемщиков в целом и по отдельным группам населения (Кузина,

2013). В социально-психологических исследованиях особенностей заемщиков применяются и другие показатели дохода заемщиков. Например, в исследовании С. Марги в качестве фактора кредитной активности выступает не уровень актуальных доходов, а представления о будущих доходах, связанные с началом карьеры (цит. по: Родионова, Трач, Юсупова, 2016).

Разумеется, связь между материальным положением и кредитным поведением личности неоднозначна. С одной стороны, кредит позволяет человеку улучшить собственный материальный статус или материальный статус своей семьи, решить возникшие проблемы. С другой стороны, само наличие долга может негативно сказываться на психологическом состоянии заемщика, влиять на текущее финансовое положение и иметь негативные последствия (например, ограничивать расходы на удовлетворение потребностей из-за необходимости выплаты процентов по кредиту и т.п.).

Уровень материального благополучия не всегда служит дифференцирующим фактором финансовой активности населения. Так, в исследовании Н. С. Гаджигасановой и И. М. Дудиной выявлено, что разница в уровнях доходов потребителей, обладающих кредитным опытом, и лиц, отрицающих наличие кредитной нагрузки, незначительна (Гаджигасанова, Дудина, 2016). Возможно, полученные данные указывают на то, что необходимо отслеживать влияние уровня дохода населения не изолированно, а в сочетании с другими социально-экономическими показателями.

Исследования П. Лунта и С. Ливингстоун показали, что не только уровень материального благосостояния, но и уровень образования, а также статус занятости являются значимыми факторами долгового и сберегательного поведения (Lunt, Livingstone, 1992).

В исследовании А. К. Капелюш выявлено, что основными дифференцирующими факторами кредитного поведения выступают пол и возраст, а сберегательного поведения — пол, возраст, наличие детей, уровень образования. При использовании клиентом пластиковых карт значимы такие характеристики, как возраст, наличие детей, уровень образования. Инвестиционное поведение клиента банка определяется его полом и возрастом (Капелюш, 2007).

В психологических исследованиях кредитного поведения в центре внимания также оказываются социально-экономические факторы и механизмы, детерминирующие степень готовности личности к кредитованию, восприятие долга и кредитов. Так, например, Ю. Е. Мужичкова считает, что представление о долгах связано с возрастными, гендерными и профессиональными характеристиками (Мужичкова, 2015).

Анализ литературы, посвящённой кредитному поведению, показывает, что оно рассматривается обобщённо, как некое простое действие. Между тем оно имеет сложную психологическую структуру и включает в себя осведомлённость

о кредитах, мотивацию кредитования и стратегии поведения в ситуации персонального дефолта (Дёмин, Киреева, Педанова, 2016).

В этой связи целью статьи является анализ связей между отношением к кредитам и социальным статусом личности.

Основная гипотеза исследования заключается в предположении, что компоненты отношения к кредитам (осведомлённость о кредитах, мотивация взятия кредита и стратегии поведения в ситуации персонального дефолта) связаны с компонентами социального статуса личности (пол, возраст, уровень образования, статус занятости, материальное положение семьи).

Особого внимания заслуживает ситуация проблемной задолженности и невозврата долга кредитным организациям — ситуация персонального дефолта. Проведенный нами ранее анализ позволил сформулировать определение понятия «персональный дефолт». Мы предлагаем трактовать его как ненормативную жизненную ситуацию, которая возникает в связи с невыполнением заемщиком обязательств по долгам из-за нежелания, невозможности или частичной возможности выплатить долговые обязательства. Ситуация персонального дефолта рассматривается по меньшей мере как стрессогенная, заёмщики могут реагировать на неё по-разному, демонстрируя либо защитные формы поведения, либо совладание с возникшими затруднениями.

Традиционно психологические исследования особенностей проживания личностью трудной жизненной ситуации направлены на поиск ресурсов её преодоления. В рамках нашего исследования под ресурсом мы подразумеваем то, что может быть так или иначе задействовано человеком для эффективного существования и поддержания качества жизни (имущество, материальные объекты, запасы, возможности, денежные средства, социальные связи, способности, которыми обладает отдельный индивидум, группа или сообщество) (Кожевникова, 2006; Хазова, 2015; Hobfoll, 1989). Компоненты социального статуса входят в одну из групп ресурсов — социальные ресурсы личности.

Сформулируем дополнительную гипотезу исследования: в ситуации персонального дефолта связь между компонентами отношения к кредитам и социального статуса личности будет более выраженной, чем в обычной ситуации выплаты долга, поскольку трудная жизненная ситуация, каковой выступает персональный дефолт, предъявляет более высокие требования к социальным ресурсам личности.

В исследовании использовался авторский опросник «Отношение к кредитам», позволяющий диагностировать осведомлённость (активную и пассивную) о кредитах, мотивы взятия кредита («Получение удовольствия от использования кредита», «Превращение мечты в реальность, стремление ускорить время», «Страх перед кредитами, финансовый ригоризм», «Принятие кредита как нормы жизни», «Ориентация на целевое «крупное» использование денег»), стратегии поведения в ситуации персонального дефолта («Поиск продуктивных вариан-

тов решения проблемы», «Уход от решения проблемы, избегающее поведение», «Общественно-экономическая активность», «Целенаправленный поиск помощи в социальной сети»). Опросник прошёл психометрическую апробацию (Дёмин, Киреева, Педанова, 2016).

Компоненты социального статуса личности измерялись с помощью шкал образовательного статуса (1 — средняя школа, 2 — среднее специальное (техникум, колледж, ПТУ), 3 — неоконченное высшее, 4 — высшее), статуса занятости (1 — работа на постоянной основе полный рабочий день, 2 — работа на постоянной основе неполный рабочий день, 3 — работа на временной основе (контракт на несколько месяцев), 4 — не работает в настоящее время), материального статуса семьи (1 — Едва сводим концы с концами, часто не хватает денег на необходимые продукты питания, 2 — На еду денег хватает, но во всем остальном приходится себя ограничивать, 3 — На ежедневные расходы хватает, но покупка одежды уже представляет трудности, 4 — На еду и одежду хватает, но при покупке телевизора, холодильника и т.п. приходится влезать в долги, 5 — Достаточно обеспечены материально, но покупка автомобиля и дорогостоящий отпуск нам не по карману, 6 — Материально обеспечены, практически ни в чем себе не отказываем). Также использовались вопросы о возрасте и поле опрашиваемых.

Выборка составила 257 чел. (45,9% мужчин, 54,1% женщин) и охватывала тех, кто брал кредит и смог его вовремя отдать или отдаёт в настоящее время ($n = 157$), и тех, кто брал кредит, но не смог его вовремя отдать в прошлом или не может отдать в настоящем ($n = 100$). Средний возраст выборки — 34 года.

При обработке собранных данных использовались коэффициент линейной корреляции Пирсона и точечный бисериальный коэффициент корреляции Пирсона.

Результаты эмпирического исследования

Поскольку в составе выборки преобладали респонденты с высшим образованием (48,6%), шкала уровня образования была преобразована в бинарную шкалу (2 — имеют высшее образование, 1 — не имеют высшего образования). Поскольку среди опрошенных преобладали те, кто работал на постоянной основе полный рабочий день (63,8%), шкала статуса занятости также была преобразована в бинарную шкалу (2 — имеют работу на постоянной основе полный рабочий день, 1 — не имеют работы на постоянной основе полный рабочий день). Для определения связей данных компонентов социального статуса и пола с компонентами отношения к кредитам вычислялся точечный бисериальный коэффициент корреляции Пирсона. Эта процедура имела место и в общей выборке, и в двух подвыборках, поскольку упомянутые компоненты социального статуса распределялись в них аналогичным образом. Для двух других компонентов социального статуса (материальное положение и возраст) вычислялся коэффициент линейной корреляции Пирсона с компонентами отношения к кредитам.

Таблица 1

Показатели статистически значимых корреляционных связей шкал опросника «Отношение к кредитам» с компонентами социального статуса заемщиков, $n = 257$

Компоненты социального статуса	Показатели отношения заемщиков к кредитованию					
	Активная осведомленность	Получение удовольствия от использования кредита	Страх перед кредитами, финансовый ригоризм	Уход от решения проблемы, избегающее поведение	Общественно-экономическая активность	Целе-направленный поиск помощи в социальной сети
Уровень образования	0,20**	0,14*			0,13*	
Статус занятости		-0,14*		-0,21**		
Уровень материального положения семьи	0,14*			-0,207**		-0,142*
Пол			0,13*	-0,17**		

Примечание: * — вероятность ошибки $p = 0,05$; ** — вероятность ошибки $p = 0,01$.

В табл. 1 представлены статистически значимые корреляционные связи между компонентами отношения к кредитам и компонентами социального статуса в общей выборке исследования.

Как следует из табл. 1, поиск информации о кредитовании (активная осведомленность) положительно связан с наличием высшего образования и уровнем материального положения семьи. Только два мотива кредитования (получение удовольствия от использования кредита, страх перед кредитами) зависят от наличия высшего образования, постоянной полной занятости и пола.

Три стратегии поведения в ситуации персонального дефолта так или иначе зависят от наличия высшего образования, постоянной полной занятости, уровня материального положения семьи и пола. Высокая вероятность обращения к непродуктивной стратегии (уход от решения проблемы, избегающее поведение) определяется отсутствием постоянной полной занятости, более низким уровнем материального положения семьи и в большей степени характерна для мужчин.

В целом со всеми компонентами отношения к кредитам (когнитивным, мотивационным, поведенческим) связан только уровень образования (точнее, наличие высшего образования).

В ходе анализа данных не выявлено значимых корреляционных связей между показателями отношения к кредитованию и возрастом заемщиков. Этот результат

Таблица 2

Показатели статистически значимых корреляционных связей шкал опросника «Отношение к кредитам» с компонентами социального статуса заемщиков, не имеющих задолженности по кредиту, $n = 157$

Компонент социального статуса	Показатели отношения заемщиков к кредитованию		
	Поиск продуктивных вариантов решения проблемы	Уход от решения проблемы, избегающее поведение	Общественно-экономическая активность
Уровень образования			0,23**
Статус занятости		-0,25**	-0,16*
Уровень материального благосостояния	-0,165*	-0,218**	

Примечание: * — вероятность ошибки $p = 0,05$; ** — вероятность ошибки $p = 0,01$.

исследования оказался неожиданным, так как в социологических и экономических исследованиях, рассмотренных ранее, возрастные различия выступали значимым дифференцирующим фактором кредитного поведения. Возможно, отсутствие связей возраста заемщиков с компонентами отношения к кредитованию можно объяснить тем, что в нашей исследовательской модели отношение к кредитованию изучается более дифференцированно, а не в общем виде (как фактическое наличие или отсутствие кредитных обязательств), фиксирует специфические формы активности заемщика на разных этапах кредитования и содержательные связи личности с окружающей действительностью.

Таким образом, основная гипотеза исследования нашла подтверждение для четырех компонентов социального статуса из пяти.

Далее рассмотрим результаты проверки дополнительной гипотезы.

В табл. 2 представлены статистически значимые корреляционные связи, выявленные на подвыборке лиц, выплативших долг по кредиту без особых затруднений.

Во-первых, в этой подвыборке существенно меньше значимых корреляционных связей по сравнению с общей выборкой. Во-вторых, в эти связи включены только показатели поведенческого компонента отношения к кредитам, с одной стороны, и три компонента социального статуса, с другой стороны.

В группе заемщиков, не имеющих просроченных долгов перед банком, не обнаружены значимые связи с полом и возрастом респондентов.

В подвыборке лиц, оказавшихся в ситуации персонального дефолта, картина иная (табл. 3).

Как следует из табл. 3, в ситуации персонального дефолта количество статистически значимых связей между изучаемыми переменными также существенно меньше по сравнению со всей выборкой, но в эти связи, как и в общей выборке,

Таблица 3

Показатели статистически значимых корреляционных связей шкал опросника «Отношение к кредитам» с компонентами социального статуса заемщиков, находящихся в ситуации персонального дефолта, $n = 100$

Компонент социального статуса	Показатели отношения заемщиков к кредитованию		
	Активная осведомленность	Получение удовольствия от использования кредита	Уход от решения проблемы, избегающее поведение
Уровень образования	0,41**		
Статус занятости		-0,31**	
Уровень материального благосостояния	0,219*		
Пол			-0,22*

Примечание: * — вероятность ошибки $p = 0,05$; ** — вероятность ошибки $p = 0,01$.

включены все три компонента отношения к кредитованию и четыре компонента социального статуса. Сохраняется значение высшего образования и материального положения для поиска информации о кредитовании и высокий риск ухода от решения проблем для мужчин.

В группе заемщиков, имеющих просроченный долг по кредиту, не выявлено значимых корреляционных связей между возрастом должников и компонентами отношения к кредитованию. Возможно, ситуация персонального дефолта, в которой оказались опрошенные, предъявляет к личности независимо от возраста типичные требования.

Сопоставление данных табл. 2 и 3 свидетельствует в пользу подтверждения дополнительной гипотезы: в ситуации персонального дефолта связь между компонентами отношения к кредитам и социального статуса личности имеет более системный характер по сравнению с обычной ситуацией выплаты долга; социальный статус начинает влиять не только на поведенческий, но и на когнитивный и мотивационный компоненты отношения к кредитам.

Выводы

Проведённое исследование подтвердило основную гипотезу для четырёх компонентов социального статуса (образование, занятость, материальное положение, пол), которые связаны с компонентами отношения к кредитам. При этом только уровень образования связан и с когнитивным, и с мотивационным, и с поведенческим компонентом отношения к кредитам.

Высокая вероятность обращения к непродуктивной стратегии (уход от решения проблемы, избегающее поведение) в ситуации персонального дефолта, скорее всего, определяется отсутствием постоянной полной занятости, более

низким уровнем материального положения семьи и в большей степени характеризует мужчин.

Получены свидетельства в пользу подтверждения дополнительной гипотезы: в ситуации персонального дефолта связь между компонентами отношения к кредитам и социального статуса личности имеет более системный характер по сравнению с обычной ситуацией выплаты долга; социальный статус начинает влиять не только на поведенческий, но и на когнитивный и мотивационный компоненты отношения к кредитам, тем самым дифференцируя людей по характеру их активности в стрессовой ситуации.

В ходе анализа данных, полученных на общей выборке и в подвыборках, не выявлено значимых корреляционных связей между показателями отношения к кредитованию и возрастом заемщиков. Это не совпадает с результатами социологических и экономических исследований. Возможное объяснение: в нашей исследовательской модели отношение к кредитованию изучается более дифференцированно, а не в общем виде (как фактическое наличие или отсутствие кредитных обязательств), фиксируются специфические формы активности заемщиков и содержательные связи личности с окружающей действительностью.

Полученные в данном исследовании результаты показали, что в ситуации кредитования важно дифференцировать социальные ресурсы личности, производные от её социального статуса. Также важен комплексный подход к изучению социально-экономических и психологических факторов кредитной активности заемщиков.

Библиографический список

1. Гаджигасанова, Н. С., Дудина, И. М. (2016). Кредитное поведение потребителей: признаки, влияние социальных факторов. Вестник Кемеровского государственного университета. Серия: Политические, социологические и экономические науки, (2), 29–34.
2. Давыденко, И. Г. (2014). Детерминанты кредитного поведения населения в условиях развития рынка потребительского кредитования. Общество: политика, экономика, право, (3), 22–27.
3. Дёмин, А. Н., Киреева, О. В., Педанова, Е. Ю. (2016). Разработка опросника отношения к кредитам и его психометрическое обоснование. Человек. Сообщество. Управление, 17 (4), 153–166.
4. Дикий, А. А. (2012). Стратегии долгового поведения населения в современной России (Автореф. канд. диссертации). Нижний Новгород: Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского.
5. Дулина, Н. В., Моисеева, Д. В., Токарев, В. В. (2013). Финансовое поведение населения: сберечь или взять займы? (на материалах социологического исследования «Волгоградский Омнибус»). Известия Волгоградского государственного технического университета, 13, (9(112)), 47–53.

6. Ибрагимова, Д. Х. (2008). Потребности населения в кредитных ресурсах. В *Российские домохозяйства накануне финансового кризиса: доходы и финансовое поведение*. (с. 132–158). Москва: НИСП.
7. Капелюш, А. К. (2007). Социально-демографическая структура российской банковской клиентуры. *Финансы и кредит*, 7 (247), 10–18.
8. Киреева, О. В., Демин, А. Н. (2016). Субъектность личности в ситуации персонального дефолта. *Вестник АГУ*, 173 (1), 97–106.
9. Кожевникова, Е. Ю. (2006). *Личностные ресурсы преодоления ситуации социально-экономической депривации* (Автореф. канд. диссертации). Краснодар: Кубанский государственный университет.
10. Кузина, О. Е. (2013). Анализ динамики пользования банковскими кредитами и долговой нагрузки россиян. *Деньги и кредит*, 11, 30–36.
11. Мужичкова, Ю. Е. (2015). Психология обыденных представлений о долгах и кредитах. Гуманитарные науки. *Вестник Финансового университета*, 4(20), 37–44. doi: 10.12737/17057
12. Мясичев, В. Н., Бодалев, А. А. (ред.). (1995). *Психология отношений*. Москва: Издательство «Институт практической психологии»; Воронеж: НПО «МОДЭК».
13. Родионова, Л. А., Трач, Т. М., Юсупова, С. М. (2016). Эконометрические подходы к оцениванию кредитного поведения населения в России. *Изв. Сарат. ун-та. Нов. сер. Сер. Экономика. Управление. Право*, 1 (16), 39–48. doi: 10.18500/1994–2540–2016–16–1–39–48
14. Рубинштейн, С. Л. (2003) *Бытие и сознание. Человек и мир*. Санкт-Петербург: Питер.
15. Стребков, Д. О. (2004). Основные типы и факторы кредитного поведения населения в современной России. *Вопросы экономики*, 2, 109–128.
16. Стребков, Д. (2007). Социальные аспекты кредитного поведения населения. *Социологический журнал*, (1), 83–102.
17. Хазова, С. А. (2015). Ресурсы личности в период взрослости. *Вопросы психологии*, 6, 28–37.
18. Шубаева, В. Г., Наумов, В. Н. (2015). Модель экономического поведения потребителей финансовых услуг в современных условиях. *Известия Санкт-Петербургского государственного экономического университета*, 5 (95), 78–84.
19. Gallo, L. C., Matthews, K. A. (2003). Understanding the Association Between Socioeconomic Status and Physical Health: Do Negative Emotions Play a Role? *Psychological Bulletin*, 1(129): 10–51. Режим доступа <http://psych415.class.uic.edu/Readings/Gallo,%20SES,%20health,%20emotions,%20PsyBull,%202003.pdf>
20. Hobfoll, S. E. (1989). Conservation of Resources A New Attempt at Conceptualizing Stress. *American Psychologist*, March: 513–524. Режим доступа <http://www.personal.kent.edu/~shobfoll/Files/pdfs/API989CORnewattempt.pdf>
21. Lunt, P., Livingstone, S. (1992). *Mass Consumption and Personal Identity*. Buckingham, Philadelphia: Open University Press.
22. Thomas, L. C. (2000). A Survey of Credit and Behavioral Scoring: Forecasting Financial Risk of Lending to Consumers. *International Journal of Forecasting*, 16 (2), 149–172.

Статья поступила в редакцию 10.04.2017

ATTITUDE TOWARDS LOANS AND PERSON'S SOCIAL STATUS

Kireeva O. V., Pedanova E. Yu., Djomin A. N.

Kireeva Oksana Vasilyevna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: oksana-kireeva@mail.ru

Pedanova Ekaterina Yurievna, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: ket_wild@mail.ru

Djomin Andrej Nikolaevich, Kuban State University, 350040, Russia, Krasnodar region, Krasnodar, str. Stavropol'skaja, 149. E-mail: demin@manag.kubsu.ru

The study was carried out with support of the Department of Humanitarian and Social Sciences of the Russian Fund of Fundamental Research and the Administration of the Krasnodar Krai within the research project No. 16–16–23011 — a (p) "Psychological Analysis of Credit Market Activeness of Youth and Middle Age Persons".

The article is dedicated to the study on a relation between borrower's attitude towards loans and his/her social status. The urgency of studies on person's social and psychological traits in credit and debt behavior is associated with debt overburden of the population and troubled debts — the problems that have emerged in Russia. Two hypotheses have been checked in the study: 1) components of the attitude towards loans (loan awareness, reasons for getting a loan, ways of behavior in case of personal default) are related to components of the social status (gender, age, level of education, employment status, state of family finances); 2) in case of personal default, a relation between components of the attitude towards loans and components of the person's social status will be more pronounced than in a common situation of debt repayment because a tough life situation (such as personal default) sets stricter requirements to the person's social resources. The following research methods were used: the questionnaire "Attitude towards Loans" that was composed by the authors and allows to identify loan awareness (active or passive), reasons for getting a loan, behavior strategies in case of personal default; scales that measure components of person's social status. The sample size was 257 people, and the study involved those who got a loan and repaid it in due time or are repaying it now ($n=157$) and those people who got a loan and failed to repay it in due time or cannot repay it now ($n=100$). The study results showed that four components of the social status (education, employment, state of finances and gender) were related to components of the attitude towards loans. At the same time, only the level of education is associated both with cognitive, motivation and behavior components of the attitude towards loans. High chances of applying an unproductive strategy (problem evasion, avoiding behavior) in case of personal default are likely to be determined by the lack of permanent full-time job, lower level of the state of family's finances and are more inherent to men. The additional hypothesis was also justified: in case of personal default, a relation between components of the attitude towards loans and components of the person's social status is more systemic in comparison with a common situation of debt repayment. The analysis of data which was obtained in the total sample and subsamples did not identify significant correlation relationships between indicators of the attitude towards loans and the borrowers' age.

Key words: loan, attitude towards loans, loan awareness, motivation of credit behavior, personal default, person's social status.

References

1. Davydenko, I. G. (2014). Determinanty kreditnogo povedenija naselenija v uslovijah razvitiya rynka potrebitel'skogo kreditovanija [Determinants of Credit Behavior of Population under the Conditions of Consumer Lending Market Development]. *Obshhestvo: politika, jekonomika, pravo* [Society: Politics, Economics, Law], (3), 22–27.

2. Dikiy, A. A. (2012). *Strategii dolgovogo povedenija naselenija v sovremennoj Rossii* [Strategies of Business Behavior of Population in Modern Russia] (Abstract of the Cand. Dissertation). Nizhny Novgorod: Lobachevsky State University of Nizhny Novgorod.
3. Diomin, A. N., Kireeva, O. V. & Pedanova, E. Yu. (2016). Razrabotka oprosnika otnoshenija k kreditam i ego psihometricheskoe obosnovanie [Drawing Up a Questionnaire on Attitude towards Credits and Its Psychometrical Grounding]. *Chelovek. Soobshhestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], 17 (4), 153–166.
4. Dulina, N. V., Moiseeva, D. V. & Tokarev, V. V. (2013). Finansovoe povedenie naselenija: sberech' ili vzjat' vzajmy? (na materialah sociologicheskogo issledovanija "Volgogradskij Omnibus") [Financial Behavior of Population: to Save Money or to Borrow? (on the materials of the sociological study "Volgograd Omnibus"). *Izvestija Volgogradskogo gosudarstvennogo tehničeskogo universiteta* [Bulletin of the Volgograd State Technical University], 13, (9(112)), 47–53.
5. Gadzhigasanova, N. S. & Dudina, I. M. (2016). Kreditnoe povedenie potrebitel'ej: priznaki, vlijanie social'nyh faktorov [Consumer Credit Behavior: Features, Influence of Social Factors]. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Politicheskie, sociologičeskije i jekonomičeskije nauki* [Bulletin of the Kemerov State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences], (2), 29–34.
6. Gallo, L. C. & Matthews, K. A. (2003). Understanding the Association Between Socioeconomic Status and Physical Health: Do Negative Emotions Play a Role? *Psychological Bulletin*, 1(129): 10–51. Retrieved from <http://psych415.class.uic.edu/Readings/Gallo,%20SES,%20health,%20emotions,%20PsyBull,%202003.pdf>
7. Hobfoll, S. E. (1989). Conservation of Resources a New Attempt at Conceptualizing Stress. *American Psychologist*, March: 513–524. Retrieved from <http://www.personal.kent.edu/~shobfoll/Files/pdfs/API989CORnewattempt.pdf>
8. Ibragimova, D. Kh. (2008). Potrebnosti naselenija v kreditnyh resursah [Population Needs for Loan Resources]. In *Rossijskie domohozjajstva nakanune finansovogo krizisa: dohody i finansovoe povedenie* [Russian Households on the Cusp of Financial Crisis: Revenue and Financial Behavior] (pp.132–158). Moscow: Independent Institute for Social Policy.
9. Kapelyush, A. K. (2007). Social'no-demograficheskaja struktura rossijskoj bankovskoj klientury [Sociodemographic Structure of Bank Clients in Russia]. *Finansy i kredit* [Banking and Finance], 7 (247), 10–18.
10. Khazova, S. A. (2015). Resursy lichnosti v period vzroslosti [Person's Resources in the Period of Adulthood]. *Voprosy psihologii* [Issues of Psychology], 6, 28–37.
11. Kireeva, O. V. & Diomin, A. N. (2016). Sub'ektnost' lichnosti v situacii personal'nogo defolta [Person's Subjectivity in Case of Personal Default]. *Vestnik AGU* [Bulletin of the Adygeya State University. Pedagogy and Psychology Ser.] 173 (1), 97–106.
12. Kozhevnikova, E. Yu. *Lichnostnye resursy preodolenija situacii social'no-jekonomičeskij deprivacii* [Personal Resources for Overcoming a Situation of Socioeconomic Deprivation] (Abstract of the Cand. Dissertation). Krasnodar: Kuban State University.
13. Kuzina, O. E. Analiz dinamiki pol'zovanija bankovskimi kreditami i dolgovoj nagruzki rossijskij [Analysis of Dynamics of Using Bank Loans and the Russians' Debt Load]. *Den'gi i kredit* [Money and Loan], 11, 30–36.
14. Lunt, P. & Livingstone, S. (1992). *Mass Consumption and Personal Identity*. Buckingham, Philadelphia: Open University Press.

15. Muzhichkova, Yu. E. (2015). Psihologija obydenykh predstavlenij o dolgah i kreditah [Psychology of Ordinary Ideas about Debts and Loans]. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* [Humanitarian Sciences. Bulletin of the Financial University], 4(20), 37–44. doi: 10.12737/17057
16. Myasishchev, V. N. & Bodalev, A. A. (Eds.) (1995). *Psihologija otnoshenij* [Psychology of Relationships]. Moscow: Institute of Applied Psychology Publ.; Voronezh: NPO "MODEK".
17. Rodionova, L. A., Trach, T. M. & Yusupova, S. M. (2016). Jekonometricheskie podhody k ocenivaniju kreditnogo povedenija naselenija v Rossii [Econometric Approaches to Assess Credit Behavior of Russian Population]. *Izv. Sarat. un-ta. Nov. ser. Ser. Jekonomika. Upravlenie. Pravo* [Bulletin of Saratov University. New Series: Economics. Management. Law], 1 (16), 39–48. doi: 10.18500/1994–2540–2016–16–1–39–48
18. Rubinstein, S. L. (2003). *Bytie i soznanie. Chelovek i mir* [Being and Consciousness. Human and the World]. St. Petersburg: Piter.
19. Shubaeva, V. G. & Naumov, V. N. (2015). Model' jekonomicheskogo povedenija potrebitelej finansovykh uslug v sovremennykh uslovijah [Model of Economic Behavior of Financial Service Consumers under the Modern Conditions]. *Izvestija Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo jekonomicheskogo universiteta* [Bulletin of St. Petersburg State University of Economics], 5 (95), 78–84.
20. Strebkov, D. (2007). Social'nye aspekty kreditnogo povedenija naselenija [Social Aspects of Credit Behavior of Population]. *Sociologicheskij zhurnal* [Sociological Journal], (1), 83–102.
21. Strebkov, D. O. (2004). Osnovnye tipy i faktory kreditnogo povedenija naselenija v sovremennoj Rossii [Main Types and Factors of Credit Behavior of Population in Modern Russia]. *Voprosy jekonomiki* [Issues of Economics], 2, 109–128.
22. Thomas, L. C. (2000). A survey of Credit and Behavioral Scoring: Forecasting Financial Risk of Lending to Consumers. *International Journal of Forecasting*, 16 (2), 149–172.

ОТНОШЕНИЯ МУЖЧИНЫ И ЖЕНЩИНЫ В УСЛОВИЯХ ПСЕВДОПАТРИАРХАЛЬНОЙ СЕМЬИ: СОЦИАЛЬНО-ПСИХОЛОГИЧЕСКИЙ ВЗГЛЯД

.....

Пищик В. И., Спивачук З. В.

Пищик Влада Игоревна,
Южный университет (ИУБиП),
344058, Россия, Ростов-на-Дону, пр. М. Нагибина, 33а/47.
Эл. почта: vladaph@yandex.ru.

Спивачук Зоя Вениаминовна,
Крымский филиал Российского государственного университета правосудия,
295006, г. Симферополь, ул. Павленко, 5. Эл. почта: zoya78_05@mail.ru.

Представлен взгляд на псевдопатриархальные отношения мужчин и женщин в современных семейных парах. Рассматриваются социокультурные факторы трансформации отношений в семье на современном этапе. Акцентируется подход школы В. Н. Мясищева к проблеме отношений. Проанализированы когнитивный, аффективный и поведенческий компоненты отношений. Подчеркивается возможность порождения трудностей в отношениях супругов при столкновении их с новой жизненной ситуацией. Например, на выбор партнера в браке во многом влияет несовпадение ожиданий у мужчин и женщин относительно выполняемой роли в семье. Отмечается влияние социокультурных реалий на отношения в семье: снижение религиозности, физическое уничтожение связей между поколениями, войны, что ведет к психической травматизации семейных пар, смене архетипов семьи, появлению новых типов семьи. Таким новым типом является псевдопатриархальный тип семьи. Под псевдопатриархальными отношениями мужчин и женщин авторы понимают совокупность стереотипов и искаженных социально-психологических установок в отношении семейной жизни в целом и супружеских ролей в частности. На выборке из 460 состоящих в браке мужчин и женщин показаны специфические роли, установки поведения, функции в семье, ценностные ориентации. Применены методики: методика рисуночной фрустрации С. Розенцвейга; авторская анкета «Определение типа семейно-брачных отношений»; методика «Особенности распределения ролей в семье» (авторы: Ю. Е. Алешина; А. Я. Гозман, Е. М. Дубовская); методика маскулинности-фемининности (С. Бем). Мужья в псевдопатриархальном типе семьи проявляют высокую степень фемининности, интрапунитивность, обнаруживают противоречие в отношении ролей «Хозяина» и «Сексуального партнера». Они фиксируются на препятствиях, ожидают помощи извне в семейных конфликтах. Результаты исследования межличностных отношений в псевдопатриархальном типе семьи демонстрируют смещение, искажение социально-психологических установок в отношении к семейной жизни в целом.

Ключевые слова: отношения, патриархальная семья, мужчины, женщины, социально-психологические особенности.

Исследования проблем современной семьи обусловлены кризисными явлениями в обществе, наносящим невосполнимый урон внутрисемейным отношениям (Карабанова, 2005; Райгородский, 2002; Егорова, Сизова, 2014). К таким негативным явлениям можно отнести насилие в семье (Yusooff, 2011; Correia, 2015; Kotsadam, 2017), сиротство, травматизацию, трансформацию родительства (Журавлев, 2012; Зуев, Махнач, 2015). В данной статье отражены основные социально-психологические особенности межличностных отношений, существующие в современном псевдопатриархальном типе семьи.

Межличностные отношения включают совокупность социальных установок человека, его ожиданий от другого, это ценностные принципы и ориентации, сквозь призму которых люди воспринимают, принимают и оценивают друг друга. «Межличностные отношения — это осознаваемые отношения между людьми, которые сопровождаются некоторыми переживаниями и вызывают различные эмоциональные состояния взаимодействующих людей» (Милорадова, 2005, 54).

Следует отметить, что и межличностные и (или) интерперсональные отношения включают три элемента: когнитивный (гностический, информационный), аффективный и поведенческий (практический, регулятивный). Когнитивный компонент предполагает осознание того, что вызывает симпатию или антипатию и соответственно все промежуточные между этими крайними полюсами впечатления. Он позволяет судить о том, что нравится или не нравится в межличностных отношениях, взаимодействии людей, их общении. Эмоциональный (аффективный) компонент находит свое выражение в разнообразных эмоциональных переживаниях людей по поводу взаимосвязей между ними. Последний, так называемый поведенческий компонент проявляется непосредственно в поступках, во взаимодействии, поступках, деятельности личности в целом. Единицей анализа является такой компонент межличностных отношений, как действие. Межличностные отношения могут формироваться в рамках полюсных бинарных позиций доминирования — равенства — подчинения и зависимости — независимости (Дружинин, 2006, 11).

Наиболее релевантный нашему контексту аспект исследований В. Н. Мясищева касается значимых отношений личности, «столкновение которых с определенными, несовместимыми с ними жизненными ситуациями может служить источником нервно-психического патогенного напряжения и невроза» (Мясищев, 2004, 77). Именно это имеет место в структуре межличностных отношений мужчины и женщины в целом (в так называемых полоролевых взаимоотношениях) и супружеско-семейных взаимоотношениях в частности.

Чаще всего за выбором партнера женщиной просматривается желание найти в браке безопасность, стабильность, гарантированный уровень жизни. Мужчины же склонны были жениться на женщинах моложе себя, причём, как отмечают специалисты, чем они старше, тем к большей разнице в возрасте они стремятся, подбирая себе пару (Райгородский, 2002). Необходимо также перечислить и глубинные, архетипические основы социальных и культурных факторов, составивших так называемое социокультурное пространство развития семейных традиций в нашей

стране. Социально-психологические факторы являются частью так называемого культурно-семиотического пространства (Бестужев-Лада, 2000, 103), в котором развивалось несколько поколений граждан бывшего СССР. Искоренение религиозных корней народа (православия), массовое физическое уничтожение генофонда в 1920-е и 1930-е гг., война и разруха, идеологические преследования в 1950–1980-е гг. и т.д. сформировали в итоге когнитивно-эмоциональное противоречие перед зарубежными культурными идеалами психологию подобострастия, тревоги и страха. Отчасти современные кризисы института семьи — это последствия глубинной массовой психической травматизации населения в период сталинизма и военного коммунизма, «железного идеологического занавеса», сформировавших у русских людей архетип жертвы и бунтаря одновременно. Это приводит к появлению новых типов семьи наряду с уже определенными в науке: патриархального, матриархального, эгалитарного. Таким типом семьи является псевдопатриархальный.

В патриархальном типе семьи первые властные позиции занимает отец, в матриархальном типе — мать, в эгалитарном власть ситуативно распределена между супругами. В псевдопатриархальном типе семьи власть членов семьи условна, ее характеризует некоторая степень неопределенности.

Далее рассмотрим компоненты взаимодействия супругов в псевдопатриархальном типе семьи. Полагаем, что в основном в отношениях все меняет именно указанный факт нацеленности мужчины на реальную помощь в воспитании детей и отсутствие отстраненности и соперничества. Выраженные показатели по фемининности у таких мужчин-патриархов интерпретируются нами скорее как мягкость, очень необходимая в межличностных отношениях с женщиной. Мягкость, основанная на уверенности мужчины, базируется у него на отсутствии комплексов неполноценности, которая часто проявляется у мужчин из эгалитарных и псевдопатриархальных семей. Мягкость препятствует традиционной для большинства мужчин из других типов семей тенденции к соперничеству и конкуренции и таким образом через сотрудничество и фемининность (в форме тонкости и тактичности) нивелирует негативные личностные женские тенденции еще в начале их развития. То есть все негативные установки и проявления женщин гасятся стремлением данных мужчин за счет реализации роли хозяина помочь в обеспечении уюта, порядка и всего необходимого для благополучия в семье. Еще один, весьма значимый результат, окончательно закрепляющий, по нашему мнению, уверенность женщины в мужчине как отце, хозяине и заботливом муже (в данном случае, фемининность может трактоваться и как умение ухаживать и заботиться), — его личностная открытость и ответственность, выраженная в таком показателе, как фиксация на самозащите.

Подчеркнем, что под псевдопатриархальными отношениями мужчин и женщин мы понимаем совокупность стереотипов и искаженных социально-психологических установок в отношении семейной жизни в целом и супружеских ролей в частности. Они свойственны супругам, ориентированным в своих ценностных ориентациях на патриархальный брак.

Исследование проводилось на протяжении 2011–2016 гг. на базе психологического центра «Ориенс» (г. Симферополь). В исследовании приняли участие 460 чел. (230 супружеских пар). Возраст испытуемых от 23–57 лет. Использовались методики: методика рисуночной фрустрации С. Розенцвейга; методика «Особенности распределения ролей в семье» (авторы: Ю. Е. Алешина; Л. Я. Гозман, Е. М. Дубовская); методика маскулинности-фемининности (С. Бем); авторская анкета «Определение типа семейно-брачных отношений».

В результате было показано, что у мужчин из данных семей имеются показатели, указывающие на то, что они в целом, судя по максимальным результатам первого фактора, ориентированы на организацию семейного досуга ($-0,666429$) и проявляют андрогинные свойства и установки ($-0,732752$), в то время как фемининность, представленная в обратной пропорции ($0,777228$), является самым высоким показателем по данному фактору и результатом всей процедуры факторизации интерпретируемых данных. Последнее мы интерпретируем как значимый факт, вероятно, это результат вытеснения мужчинами собственной «женской фигуры». Прежде всего он реализуется в чувстве «стеснения» и в гипертрофированной установке на маскулинность, которая, по мнению таких мужчин, должна быть присуща подлинному патриарху.

Во втором факторе также можно отметить некоторое противоречие в структуре социально-психологических характеристик мужчин, указывающих именно на псевдопатриархальность их личностных притязаний и социально психологических качеств и установок. В первую очередь это выраженность, проявляющаяся в совместной прямой пропорции таких показателей, как «роль хозяина» ($-0,546416$) и одновременно «роль сексуального партнера» ($-0,724791$) при одновременной выраженности (обратная пропорциональность) такой значимой в социально-психологическом плане характеристики, как интрапунитивность ($0,546952$). Это говорит о том, что вновь вытесненной оказывается так необходимая мужчине направленность на исправление в кризисных ситуациях фрустрирующих факторов. Принимать ответственность и (в случае необходимости) вину на себя должен именно мужчина как подлинный руководитель и хозяин своей семьи.

В данном случае отсутствие этого очень значимого параметра указывает именно на псевдопатриархальность в отличие классической патриархальности, в основе которой лежит ответственность мужчины и его готовность считать себя виновником и нести наказание за любые негативные аспекты, имеющие место в семье и брачно-семейных отношениях.

Третий фактор представлен такими выраженными показателями, как «фиксация на препятствиях» ($-0,717508$) и «импунитивность» ($-0,546952$), синхронные в тенденции прямой направленности и одновременно взаимосвязанные с выраженной в обратной тенденции установкой на «экстрапунитивность» ($0,571166$). Это еще раз подчеркивает установку у данных мужчин на поиск возможных причин фрустрации в семейной жизни вовне, их нацеленность и ожидание того, что кто-то другой (в данном случае жена) будет разрешать какую-либо конфликтную

и фрустрирующую ситуацию в семье. Импунитивность и фиксация на препятствиях понимаются нами (в прямой взаимосвязи) в совокупности, как установка у этих мужчин на то, чтобы не замечать имеющиеся в семье проблемы. Это можно интерпретировать как скрытый инфантилизм и безответственность.

Представленные в пятом, последнем факторе переменные «соперничество» ($-0,526083$) и «роль семейного психотерапевта» ($-0,581417$), взаимосвязанные прямой пропорциональностью, свидетельствуют о том, что мужчины из псевдопатриархальных семей маскируют свою потребность в доминировании (соперничество) в реализации себя как знающего и умеющего решать проблемы мужа и отца. Присваивая себе эту роль и функцию, такие мужчины псевдореализуются в «почетной» фигуре «разрешителя» сложных ситуаций, сохраняя тем самым уверенность, что именно они являются хозяевами семьи. Последняя и основная проблема данных мужчин и главное препятствие, нивелирующее все усилия супругов вообще и мужчины в частности, — организовать семейно-брачные отношения по модели классического православного патриархального брака. В последнем нет места скрытой тенденции к конкуренции и соперничеству.

Анализ особенностей межличностных отношений во все более распространяющемся в социуме типе псевдопатриархальной семьи в настоящее время показывает, что первое ее отличие от классической патриархальной заключается в том, что в ней произошла своеобразная подмена, инверсия. В указанной модели отец-муж, как правило, обеспечивает и соответственно отвечает лишь за одну, максимум две-три семейные функции. В то же время он контролирует и строго «взыскивает с жены» (а чаще и с других членов семьи) за эффективность выполнения ими всех жизнеобеспечивающих семью функций. Присваивая себе право отвечать лишь за экономику в семье, такой отец нередко обрекает на традиционно мужские обязанности именно супругу. Тем самым у нее автоматически и чаще всего неосознанно стимулируется актуализация и непосредственное поведенческое проявление и традиционно мужских качеств, установок, мотивов и т.д.

Таким образом, полученные данные нашего исследования достаточно актуальны в современном обществе, что дает возможность использовать выявленные социально-психологические особенности межличностных отношений в консультировании супругов.

Библиографический список

1. Бестужев-Лада, И. В., Захарова, О. В. (2000). *В лабиринтах эмансипации. Женщина как социальная проблема*. Москва: Academia.
2. Егорова, Н. Ю., Сизова И. А. (2014). Имеет ли российская семья шанс стать солидарной? *Социологические исследования*, (4), 97–102.
3. Дружинин, В. Н. (2006). *Психология семьи*. Санкт-Петербург: Питер.
4. Журавлев, А. А. (2012). *Психологические проблемы семьи и личности в мегаполисе*. Москва: Изд-во Института психологии РАН.

5. Зуев, К. Б., Махнач, А. В. (2015). *Семья, брак и родительство в современной России*. Москва: Изд-во Института психологии РАН.
6. Карабанова, О. А. (2005). *Психология семейных отношений и основы семейного консультирования*. Москва: Гардарики.
7. Ковалев, С. В. (1988). *Психология современной семьи*. Москва: Просвещение.
8. Милорадова, Н. Г. (2005). *Психология и педагогика*. Москва: Гардарики.
9. Мясичев, В. Н. (2004). Психология отношений. В А. А. Бодаев (ред.) *Избранные психологические труды*. Москва: Модэк МПСИ.
10. Райгородский, Д. Я. (ред.) (2002). *Психология семьи*. Хрестоматия. Самара: Издательский Дом «БАХРАХ-М».
11. Correia, I., Alves, H., Morais, R., Ramos, M. (2015). The Legitimation of Wife Abuse among Women: The Impact of Belief in a Just World and Gender Identification. *Personality and Individual Differences*, 76, 7–12.
12. Kotsadam A., Ostby G., Aas Rustad, S. (2017). Structural Change and Wife Abuse: a Disaggregated Study of Mineral Mining and Domestic Violence in Sub-Saharan Africa, 1999–2013. *Political Geography*, 56, 53–65.
13. Yusoff, F., Zamani, Z. A., Desa, A., Omar, F., Keng, C. S. (2011). Is Perception of Social Support hinging on Demographic Factors and Types of Abuse Inflicted on Wife? A Survey Study Employing Malaysian Sample. *Procedia — Social and Behavioral Sciences*, 30, 596–601.

Статья поступила в редакцию 15.04.2017

.....

RELATIONS BETWEEN A MAN AND A WOMAN IN A PSEUDOPATRIARCHAL FAMILY: A SOCIO-PSYCHOLOGICAL VIEW

Pishchik V.I., Spivachuk Z. V.

Pishchik Vlada Igorevna, Southern University (IMBL), 344058, Russia, Rostov-on-Don,
M. Nagibin's avenue, 33a/47. E-mail: vladaph@yandex.ru

Spivachuk Zoya Veniaminovna, Russian State University of Justice, Crimean branch, 295006,
Simferopol, Pavlenko st. 5. E-mail: zoya78_05@mail.ru

We presented the submission on pseudo- patriarchal the relationship of men and women in modern couples. We considered socio-cultural factors of transformation of family relations at the present stage. We highlight the approach of schools V.N. Myasishchev to the problem of relations. We consider the cognitive, affective and behavioral components of relationships. Shown the possibility of generating difficulties in the relationship of spouses when faced with their new life situation. For example, when men and women are not the same expectations regarding their role in the family. It largely determines the choice of partner in marriage. We note the influence the influence of sociocultural realities on relationships in the family: the decline of religion, the physical destruction of the ties between generations, war. That leads to mental trauma couples, the change of archetypes of the family, the emergence of new types of family. This new type is pseudopatriarchal type of family. Under pseudopatriarchal relations of men and women we realize, at its core, a set of stereotypes and distorted attitudes concerning family life in General, and marital roles in particular.

A sample of 460 married men and women, we showed the specific role, installing, behavior, functions in family, values. Applied techniques: methods of figure of the frustration S. Rosenzweig, the author's questionnaire "Determination of the type of family relations"; method «Features of the distribution of roles in the family» (Yu. e. Aleshina, L. Ya. Gozman,

E.M. Dubovskaya); the technique of “Maskulinnost-femininity” (C. Boehm). Men in pseudopatriarchal type of family exhibit a high degree of feminineness, intropunitive, a contradiction regarding the roles “Owner” and “Sexual partner”. They are fixed on the obstacles, expect help from the outside in family conflicts. The results of the study of interpersonal relations in pseudo-patriarchal the family type show offset, the distortion of attitudes in relationship to family life in General.

Key words: relationships, pseudo-patriarchal family, men, women, socio-psychological characteristics.

References

1. Bestuzhev-Lada, I. V., Zaharova, O. V. (2000). *V labirintah jemansipacii. Zhenshhina kak social'naja problema* [In the Maze of Emancipation. Woman as a Social Problem.]. Moscow: Academia.
2. Egorova, N. Ju., Sizova, I. L. (2014). Imeet li Rossijskaja sem'ja shans stat' solidarnoj? [Does the Russian Family the Chance to be in Solidarity?]. *Sociologicheskie issledovanija* [Sociological Studies], (4), 97–102.
3. Druzhinin, V. N. (2006). *Psihologija sem'i* [Psychology of the Family]. St. Petersburg: Piter.
4. Zhuravlev, A. L. (2012). *Psihologicheskie problemy sem'i i lichnosti v megapolise* [Psychological Problems of the Family and Individual in the Metropolis]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ.
5. Zuev, K. B., Mahnach, A. V. (2015). *Sem'ja, brak i roditel'stvo v sovremennoj Rossii* [Family, Marriage and Parenthood in Contemporary Russia]. Moscow: Institute of Psychology of the Russian Academy of Sciences Publ.
6. Karabanova, O. A. (2005). *Psihologija semejnyh otnoshenij i osnovy semejnogo konsul'tirovanija*. [Psychology of Family Relations and the Basis of Family Counselling]. Moscow: Gardariki.
7. Kovalev, S. V. (1988). *Psihologija sovremennoj sem'i* [Psychology of Modern Family]. Moscow: Prosveshhenie.
8. Miloradova, N. G. (2005). *Psihologija i pedagogika* [Psychology and Pedagogy]. Moscow: Gardariki.
9. Mjasishhev, V. N. (2004). *Psihologija otnoshenij* [Psychology of Relationships]. In A.A. Bodalev (Ed.) *Izbrannye psihologicheskie trudy*. Moscow: Modjek MPSI.
10. Rajgorodskij D.Ja. (Ed.). (2002). *Psihologija sem'i* [Psychology of the family]. Hrestomatija. Samara: Izdatel'skij Dom “BAHRAH-M”.
11. Correia, I., Alves, H., Morais, R., Ramos, M. (2015). The Legitimation of Wife Abuse among Women: The Impact of Belief in a Just World and Gender Identification. *Personality and Individual Differences*, 76, 7–12.
12. Kotsadam A., Ostby G., Aas Rustad, S. (2017). Structural Change and Wife Abuse: a Disaggregated Study of Mineral Mining and Domestic Violence in Sub-Saharan Frica, 1999–2013. *Political Geography*, 56, 53–65.
13. Yusoooff, F., Zamani, Z. A., Desa, A., Omar, F., Keng, C. S. (2011). Is Perception of Social Support hinging on Demographic Factors and Types of Abuse Inflicted on Wife? A Survey Study Employing Malaysian Sample. *Procedia - Social and Behavioral Sciences*, 30, 596–601.

ГРУППОВЫЕ РАЗЛИЧИЯ СООТНОШЕНИЯ СОЦИАЛЬНЫХ УСТАНОВОК В ПРОСТРАНСТВЕ МОТИВАЦИОННО-ПОТРЕБНОСТНОЙ СФЕРЫ У СТУДЕНТОВ С РАЗНОЙ СТЕПЕНЬЮ ПРЕДСТАВЛЕНИЙ О СЕБЕ КАК О ПОДЧИНЯЕМОЙ ЛИЧНОСТИ

.....

Князев Е. Б.

Князев Евгений Борисович,
Саратовский национальный исследовательский государственный университет
имени Н. Г. Чернышевского, 410012, Россия, г. Саратов, ул. Астраханская, 83.
Эл. почта: eknyaze@gmail.com

В статье представлены результаты исследования, посвященного изучению особенностей соотношения социальных установок студентов в пространстве мотивационно-потребностной сферы личности в зависимости от степени выраженности их представлений о себе как о подчиняемых людях. Общая выборка исследования составила 185 чел., проходящих обучение на факультетах СГУ им. Н. Г. Чернышевского.

Актуальность исследования обусловлена тем, что подчинение — необходимая составляющая социального механизма, благодаря которому обеспечивается нормальное существование любого сообщества людей. При этом исследования С. Милгрэма, Ф. Зимбардо, А. Элмса, Дж. Бюргера, Ч. Хоффлинга и других показывают, что, подчиняясь авторитету, человек способен к совершению противоправных действий, так как снимает с себя ответственность и перекладывает ее на авторитет. Согласно результатам современных исследований подчинения, человек оказывается способным к деструктивному подчинению даже без давления со стороны авторитета. Следовательно, возникает предположение, что ситуации подчинения могут оказывать влияние на мотивационно-потребностную сферу личности, изменяя ее. В частности, эти изменения могут проявиться в соотношении социальных установок личности.

Следуя этому предположению и используя метод многомерного шкалирования, автор представил расположение социальных установок мотивационно-потребностной сферы личности в двумерном пространстве. По итогам анализа полученных данных были определены его измерения и представлены в виде оппозиций: эгоцентризм — гуманизм и прагматизм — перфекционизм. Показано, что при изменении степени выраженности представления студентов о себе как о подчиняемых людях, их социальные установки изменяют свое расположение в мотивационно-потребностном пространстве их личности. При этом наиболее сильные изменения в расположении установок наблюдаются при высокой степени выраженности представления человека о себе как о подчиняемой личности. Установлено, что наименьшее расстояние, а значит, и большая схожесть отмечена между установками на процесс и свободу, а наибольшее расстояние и соответственно наименьшая схожесть отмечена между установками на власть и процесс.

Ключевые слова: подчинение, авторитет, социальная установка, мотивационно-потребностное пространство, многомерное шкалирование.

Как показывают исследования Т. Адорно, С. Милгрэма, А. Элмса, Ф. Зимбардо, Т. Бласса, Дж. Твенже, Дж. Бюргера, Ч. Хоффлинга и др., процесс подчинения затрагивает все сферы человеческой деятельности. С момента рождения у большинства людей воспитывается уважение к власти и лицу, обладающему властью. Такие агенты социализации, как родители, учителя, руководители организаций, только подкрепляют и развивают способность человека подчиняться авторитету. Действительно, подчинение — необходимая часть социального механизма, поддерживающего нормальное существование любого сообщества людей. Однако, привыкая подчиняться, человек также привыкает и слагать с себя ответственность за совершаемые действия. Таким образом, процесс подчинения более не нуждается в оказании контроля и давлении со стороны авторитетного лица. Как следует из статьи М. Мермиллода и его коллег, привыкнув подчиняться, человек способен к деструктивному подчинению, совершению противоправных действий уже без какого-либо давления со стороны (Mermillod, Marchand, Lepage, Begue, Dambrun, 2015).

Исходя из исследования Мермиллода, можно предположить, что ситуации подчинения оказывают влияние на мотивационно-потребностную сферу личности. В этом случае даже изменение степени выраженности представления о готовности к подчинению может приводить к изменениям соотношения социальных установок человека в сфере мотивов и потребностей.

Если учесть, что социальные установки, равно как и представления человека о самом себе, имеют прямое отношение к психологии социального познания и являются социально-когнитивными характеристиками личности, то соотношение социальных установок между собой в зависимости от представления человека о самом себе должно изучаться посредством построения семантического (психологического) пространства. На том основании, что процесс социального познания непрерывен, человек, действуя в социальном мире, постоянно анализирует социальную информацию, категоризирует тот или иной социальный стимул. В этом процессе у человека постоянно формируются и изменяются социальные установки, стереотипы и представления о себе самом (Бодалев, 1982; Андреева, 2000; Гулевич, Сариева, 2015). Эти изменения социально-когнитивных характеристик обусловлены и влиянием ситуации подчинения, в которой оказываются все люди, наглядный тому пример — известный эксперимент Ф. Зимбардо (Зимбардо, 2015).

Вследствие сказанного считаем, что изучение изменения соотношения социальных установок человека под влиянием степени выраженности его представления о себе как о подчиняемой личности следует проводить при помощи таких методов исследования, которые могут представить социальные установки расположенными в психологическом пространстве, отражающем непрерывность процесса социального познания.

Таким образом, мы видим цель данного исследования в изучении особенности соотношения социальных установок студентов в психологическом пространстве

мотивационно-потребностной сферы личности в зависимости от степени выраженности их представлений о себе как о подчиняемых людях.

Для достижения поставленной цели, а также с целью наглядно продемонстрировать изменения в соотношении социальных установок студентов логично прибегнуть к применению метода многомерного шкалирования, поскольку его основная задача заключается в построении психологического пространства, заданного небольшим числом определенных шкал. Чем более сходны между собой объекты в данном пространстве, тем меньше между ними расстояние. Таким образом, цель данного метода состоит в определении измерений, представленных в виде шкал, по которым можно различать и описывать объекты исследования (Наследов, 2012).

Метод многомерного шкалирования позволяет: 1) представить социальные установки студентов в мотивационно-потребностной сфере расположенными на прямоугольной системе координат и образующими таким образом психологическое пространство с определенными измерениями, которым можно дать наименования, основываясь на особенностях группировки социальных установок; 2) изучить соотношения между социальными установками студентов в зависимости от изменения степени выраженности их представления о себе как о подчиняемых людях; 3) наглядно представить происходящие изменения в расположении социальных установок в психологическом пространстве, при изменении степени выраженности представления студентов о себе как о подчиняемых людях.

Как рабочую гипотезу исследования примем, что при изменении степени выраженности представления студентов о себе как о подчиняемых людях их социальные установки изменяют свое местоположение в пространстве мотивационно-потребностной сферы их личности.

Выборка исследования составляет 185 чел. Согласно поставленной цели все респонденты были разделены на 3 группы: с низкой, средней и высокой степенью выраженности представления о себе как о подчиняемой личности.

Для диагностики социальных установок в мотивационно-потребностной сфере использовалась методика О. Ф. Потемкиной. Методика позволяет выявить степень выраженности 8 установок на: процесс — результат, альтруизм — эгоизм, труд — свободу, власть — деньги (Райгородский, 2001). Для определения степени выраженности представления человека о себе как о подчиняемой личности использовалась методика диагностики межличностных отношений Т. Лири в адаптации Л. Н. Собчик (Собчик, 2005).

Данные исследования обрабатывались с помощью программы StatisticalPack agefortheSocialSciences (ver. 23), методом исследования по указанным причинам был выбран метод многомерного шкалирования.

Результаты применения многомерного шкалирования на трех группах показывают, что окончательная величина стресса варьируется в пределах от 0,04–0,06,

а величина RSQ — от 0,99–1,00. Таким образом, полученные данные говорят о довольно точном расположении конечных результатов к исходным. То есть расстояние между социальными установками в итоговом двумерном пространстве соответствует исходным различиям между ними и позволяет нам интерпретировать полученные результаты многомерного шкалирования.

Для того чтобы определить название измерений мотивационно-потребностного пространства, следует последовательно рассмотреть три представленных рисунка.

Каждый из них представляет результат многомерного шкалирования 8 социальных установок в мотивационно-потребностной сфере личности для той или иной степени выраженности представления о себе как о подчиняемом человеке. Как видим, в координатных квадратах I и II всех мотивационно-потребностных пространств постоянно располагаются две социальные установки: на результат и свободу. В квадратах III и IV нет постоянных установок, при этом установки на труд и процесс сменяют друг друга. В квадратах II и III всех трех пространств всегда расположены три установки: на эгоизм, деньги и власть. Наконец, в квадратах I и IV всех пространств постоянно располагаются установки на свободу, альтруизм и процесс.

Исходя из существующего расположения установок во всех трех мотивационно-потребностных пространствах, считаем наиболее верными следующие условные названия бинарных измерений: для оси абсцисс — эгоцентризм и гуманизм, для оси ординат — прагматизм и перфекционизм. Таким образом, мотивационно-потребностное пространство имеет два измерения: одно отражает направленность личности по отношению к другим людям как субъекта межличностных отношений и интеракций, а другое — направленность личности по отношению к целям деятельности как субъекта, осуществляющего эту деятельность.

В психологии понятие «эгоцентризм» восходит к знаменитым исследованиям Ж. Пиаже, который ввел его в научный тезаурус. Однако в сфере мотивации и потребностей оно приобретает иное значение. Здесь это такая позиция личности, при которой человек сосредоточен только на своих переживаниях, потребностях и интересах и не способен воспринимать интересы и потребности других людей (Степанов, 2005).

Под гуманизмом и гуманностью в психологии понимается такая система установок личности, обусловленных нравственными нормами и ценностями по отношению к другим людям, группе людей или живому существу, которая представлена в сознании этой личности чувством сопереживания и реализующаяся в процессе взаимодействия в актах содействия и помощи другим людям (Карпенко, 1998).

Занимаясь исследованием нравственного самоопределения молодежи, А. Е. Воробьева и А. Б. Купрейченко выделили и включили в структуру одноименной методики четыре нравственные ориентации личности: эгоцентрическую, группоцентрическую, гуманистическую и мирозидательную (Купрейченко, Воробьева,

2013). Логично предположить, что потребности и мотивы людей, имеющих различную нравственную ориентацию, также могут отличаться, видимо, поэтому три такие установки, как эгоизм, деньги и власть, не меняют своего расположения и постоянно находятся во II и III квадрате мотивационно-потребностного пространства личности. На наш взгляд, они отражают эгоцентрическую ориентацию личности в ее мотивационно-потребностном пространстве. Напротив, противоположные I и IV квадраты пространства всегда занимают установки на свободу, альтруизм, отражая таким образом гуманистическую нравственную ориентацию личности. Установка на процесс, по нашему мнению, должна быть отнесена к другому измерению, поскольку не принадлежит ни нравственной области, ни области ценностных ориентаций личности.

Наиболее часто понятие «прагматизм» используется в философии как одно из ее направлений, в психологии данное понятие употребляется относительно сферы ценностей человека. Существуют психологические исследования, в которых, например, показывается влияние прагматических ценностей на криминализацию нравственного сознания личности (Стрижов, 2015). Под прагматизмом, следовательно, понимается ценностная направленность личности на определенные выгоды, нацеленность только на результат деятельности, при этом изменяется не только отношение человека к окружающим, но и отношение человека к самой деятельности, которую он осуществляет. Можно предположить, что поскольку установка на результат никогда не покидает I и II квадраты мотивационно-потребностного пространства, то эта его часть должна быть охарактеризована как прагматическая.

В психологических исследованиях, посвященных перфекционизму, под этим термином понимают склонность человека следовать завышенным стандартам деятельности или в более широком смысле — стремление личности к совершенству, недостижимому идеалу (Филатова, Пчелкина, 2016). Предъявляя завышенные требования к своей деятельности, человек, склонный к перфекционизму, увлекается прежде всего процессом деятельности. То есть происходит отделение результата и цели от процесса деятельности, поэтому мы полагаем, что следует охарактеризовать ту часть мотивационно-потребностного пространства, где находятся и сменяют друг друга установки на процесс и труд, как перфекционистскую.

Изучение особенностей расположения социальных установок мотивационно-потребностного пространства логично начать с рис. 1, показывающего пространство, характерное для средней степени выраженности представления студентов о себе как о подчиняемых людях. На это есть две причины: во-первых, такая степень свойственна большинству людей, во-вторых, среднюю степень можно принять за норму, поскольку демонстративный отказ от подчинения любому авторитету, равно как и безусловное подчинение, является определенной социальной патологией.

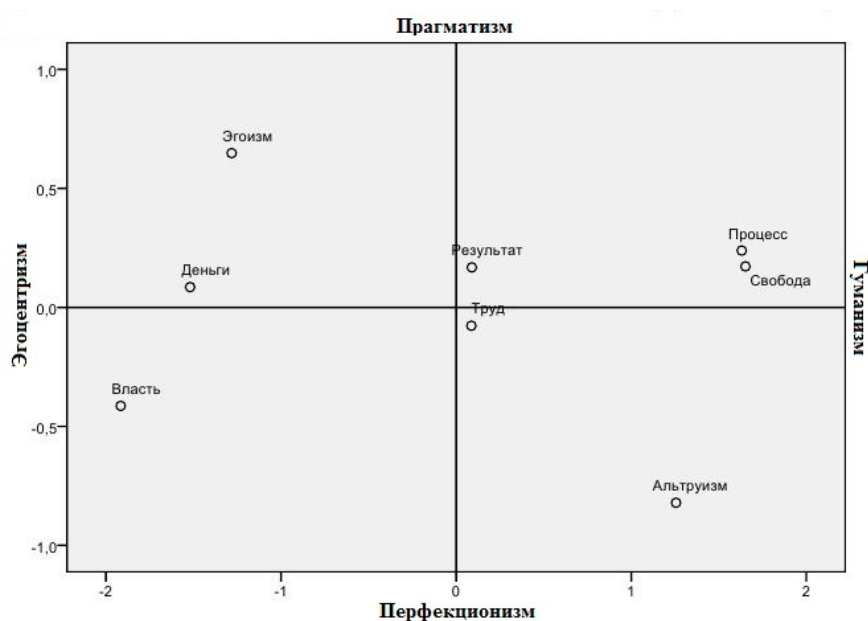

Рис. 1. Мотивационно-потребностное пространство студентов, характерное для средней степени выраженности представления о себе как о подчиняемой личности

Принимая во внимание сказанное, рассмотрим рис. 1. В I координатном квадрате мотивационно-потребностного пространства расположены три установки: на результат, процесс и свободу, при этом установка на результат находится у оси ординат далеко от двух других установок, которые расположены в непосредственной близости друг от друга. Во II квадрате расположены две установки на эгоизм и деньги; в III квадрате — единственная здесь установка на власть; в IV — установки на труд и альтруизм, причем установка на труд, расположена практически в центре пространства и находится вблизи установки на результат.

То есть для средней степени представления человека о готовности к подчинению установки на результат, процесс и свободу определяются прагматическими и гуманистическими потребностями и мотивами, тогда как установки на деньги и эгоизм определены эгоцентрическими мотивами и потребностями, имеющими при этом сугубо прагматический характер. Установку на власть связывает с установками на деньги и эгоизм только эгоцентризм, при этом она имеет перфекционистскую ориентацию, т.е. в представлении молодых людей власть и результат властных действий оказываются связанными только в потребностях и мотивах своего Эго. Труд и альтруизм объединяют здесь потребности и мотивы, характерные для гуманизма, со стремлением к идеалам в деятельности. Отметим, что наиболее схожи между собой в данном пространстве установки на процесс и свободу.

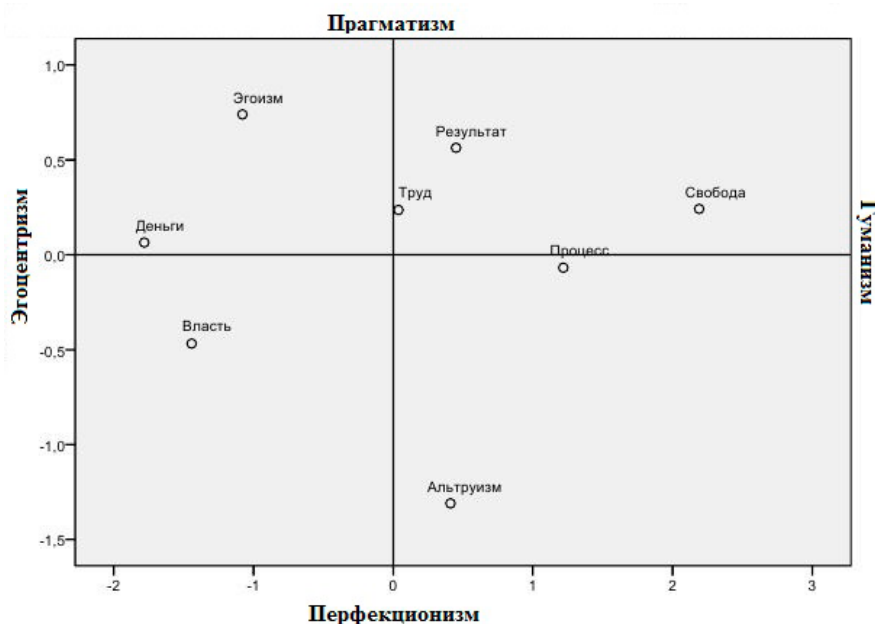

Рис. 2. Мотивационно-потребностное пространство студентов, характерное для низкой степени выраженности представления о себе как о подчиняемой личности

Теперь рассмотрим рис. 2, в I координатном квадрате пространства расположены три социальные установки: на труд, результат и свободу, причем установка на труд расположена рядом с осью ординат. Во II квадрате расположены установки на эгоизм и деньги, при этом установка на деньги лежит вблизи оси абсцисс. Весь III квадрат принадлежит единственной установке на власть. В IV квадрате расположены две установки: на альтруизм и процесс, при этом последняя установка расположена в непосредственной близости от оси абсцисс.

Как следует из рис. 2, значимых различий между пространствами с низкой степенью заявленной готовности к подчинению и средней степенью не произошло, однако есть две особенности. Во-первых, изменилась мотивационно-потребностная детерминация установок труда и процесса, во-вторых, существенно увеличилось расстояние между установками на свободу и процесс. Последняя установка теперь, как и установка на альтруизм, определяется мотивами и потребностями гуманистическо-перфекционистской ориентации.

Наконец, рассмотрим рис. 3, где по сравнению с двумя предыдущими пространствами произошли серьезные изменения в расположении социальных установок. Теперь в I квадрате расположены установки на альтруизм и свободу, причем последняя установка располагается практически на оси абсцисс. Во II координатном квадрате расположены установки на труд, результат и власть, при этом установки на труд и власть демонстрируют наименьшее расстояние

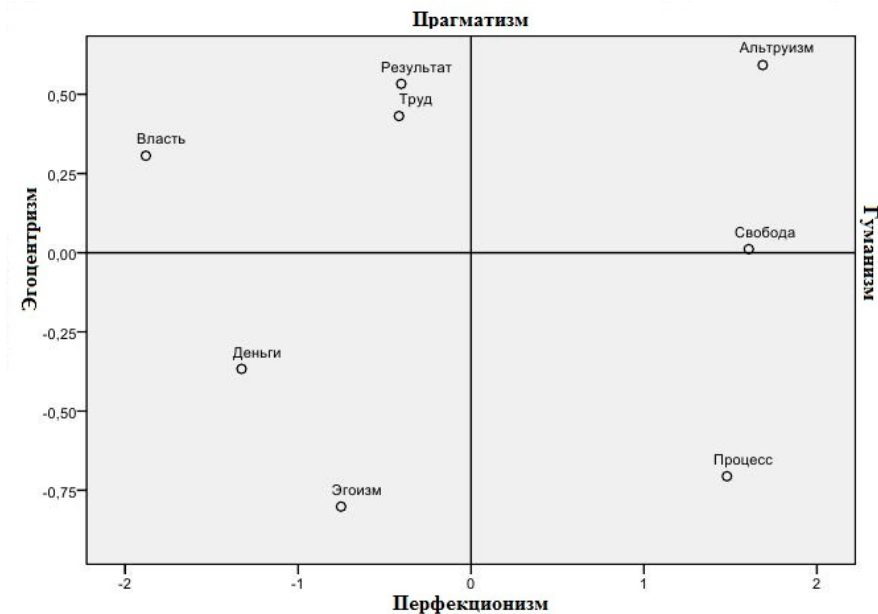

Рис. 3. Мотивационно-потребностное пространство студентов, характерное для высокой степени выраженности представления о себе как о подчиняемой личности

относительно друг друга. В III квадрате теперь расположены установки на деньги и эгоизм, отметим, что эти две установки и в двух предыдущих пространствах всегда расположены в одном координатном квадрате. В IV квадрате данного пространства теперь расположена единственная установка на процесс. Еще одна особенность данного пространства — удаленность от центра всех социальных установок в противоположность двум предыдущим пространствам.

Таким образом, для высокой степени заявленной готовности к подчинению на такие установки, как альтруизм и свобода, теперь оказывают влияние мотивы и потребности, характерные для гуманизма и прагматизма. Установки же на результат, труд и власть определяются теперь сугубо эгоцентрическими и прагматическими мотивами и потребностями. То есть готовность подчиняться оказывается связанной со стремлением оказывать влияние на окружающих, молодые люди готовы идти к достижению своих эгоцентрических и прагматических целей деятельности, долго и напряженно трудится для их достижения. Установки на деньги и эгоизм определяются теперь потребностями и мотивами эгоцентрического и перфекционистского характера. По-видимому, деньги нужны не для удовлетворения конкретных нужд, пусть даже и эгоистических, а для поддержания иллюзорных желаний или стремления к эгоцентрическим идеалам. Особый интерес представляет детерминация установки на процесс. Вероятно, высокая степень готовности к подчинению связана с мотивами и по-

требностями, характерными для гуманизма и перфекционизма. Подчиняясь чьим-либо приказам, молодые люди стремятся руководствоваться общечеловеческими ценностями, однако их внимание оказывается направленным не на результативную сторону деятельности, а на процессуальную. Они стремятся идеально исполнить то, что от них требуют, оказать помощь, содействие. Здесь как отмечает С. Милгрэм, описывая результаты серии своих экспериментов, многие испытуемые, следовавшие приказам экспериментатора, сочувствовали «ученику». При этом они педантично продолжали следовать отдаваемым им указаниям, ориентируясь на «техническую сторону дела» (Милгрэм, 2016, 194). То есть выполняемое действие и желание исполнить это действие идеально оказывается для мотивационно-потребностной сферы человека, готового подчиняться, важнее моральной оценки результата выполненного действия.

Подводя итоги исследования, можно сделать следующие выводы: во-первых, было обнаружено, что при изменении степени выраженности представления студентов о себе как о подчиняемых людях их социальные установки изменяют свое расположение в мотивационно-потребностном пространстве их личности. То есть гипотеза, высказанная в начале статьи, находит свое подтверждение.

Во-вторых, наибольшие изменения в расположении установок в мотивационно-потребностном пространстве личности характерны для высокой степени выраженности представления о себе как подчиняемом человеке.

В-третьих, наименьшее расстояние отмечается между установками на процесс и свободу в мотивационно-потребностном пространстве средней степени подчиняемости, а наибольшее — между установками на власть и процесс, в пространстве высокой степени подчиняемости. По нашему мнению, данный факт указывает на наличие или отсутствие у человека состояния готовности к подчинению.

В-четвертых, установки на труд и процесс не могут быть расположены друг с другом в одном координатном квадрате мотивационно-потребностного пространства, равно как и установка на власть с установками на деньги и эгоизм.

Библиографический список

1. Андреева, Г. М. (2000). *Психология социального познания*. Москва: Аспект Пресс.
2. Бодалев, А. А. (1982). *Восприятие и понимание человека человеком*. Москва: Издательство Московского университета.
3. Гулевич, О. А., Сариева, И. Р. (2015). *Социальная психология*. Москва: Юрайт.
4. Зимбардо, Ф. (2014). *Эффект Люцифера. Почему хорошие люди превращаются в злодеев*. Москва: Альпина нон-фикшн.
5. Карпенко, Л. А. (1998). *Краткий психологический словарь*. Ростов-на-Дону: Феникс.
6. Купрейченко, А. Б., Воробьева, А. Е. (2013). *Нравственное самоопределение молодежи*. Москва: Институт психологии, Российская академия наук.

7. Милгрэм, С. (2016). *Подчинение авторитету: научный взгляд на власть и мораль*. Москва: Альпина-нон-фикшн.
8. Наследов, А. Д. (2012). *Математические методы психологического исследования. Анализ и интерпретация данных*. Санкт-Петербург: Речь.
9. Райгородский, Д. Я. (ред.). (2001). *Практическая психодиагностика. Методики и тесты*. Самара: Бахрах-М.
10. Собчик, Л. Н. (2005). *Психология индивидуальности. Теория и практика психодиагностики*. Санкт-Петербург: Речь.
11. Степанов, С. С. (2005). *Популярная психологическая энциклопедия*. Москва: Эксмо.
12. Стрижов, Е. Ю. (2015, Май). Криминализация нравственного сознания современной молодежи. *Прикладная юридическая психология*, (2), 126–133.
13. Филатова, Е. А., Пчелкина, Е. П. (2016, Декабрь). Исследование характеристик идеального Я при перфекционизме. *Научные ведомости белгородского государственного университета. Серия: гуманитарные науки*, 28, 180–184.
14. Mermillod, M., Marchand, V., Lepage, J., Begue, L., Dambrun, M. (2015). Destructive obedience without pressure: beyond the limits of the agentic state. *Social Psychology*, 46(6), 345–351. doi: 10.1027/1864-9335/a000251

Статья поступила в редакцию 27.04.2017

.....

GROUP DIFFERENCE OF CORRELATION OF SOCIAL ATTITUDES IN MOTIVATIONAL AND NEED SPHERE OF STUDENTS WITH DIFFERENT SELF-PERCEPTION AS OBEDIENT PERSONALITY

Knyazev E. B.

Knyazev Evgeny Borisovich, Chernyshevsky Saratov State University, 410012, Russia, Saratov,
str. Astrakhanskaya, 83. E-mail: eknyaze@gmail.com

This article represents the results of the research on studying of correlation of social attitudes of students in the space of motivational and need sphere of personality depending on degree of their self-perception as obedient people. The total sample of the research is 185 people from departments of Saratov State University.

The relevance of the study is due by the fact that obedience to authority is a necessary component of the social mechanism, thanks to which the normal existence of any community of people is ensured. However, the studies of S. Milgram, Ph. Zimbardo A. Elms, J. Burger, Ch. Hoffling and others show that obeying authority, a person is capable of committing unlawful acts, since he absolves himself responsibility and shifts it to authority. In turn, modern studies of obedience show that a person is capable to destructive subordination even without pressure from authority. Consequently, there is an assumption that the situations of subordination can influence the motivational and need sphere of the personality, changes it. In particular, these changes can manifest themselves in the correlation of the social attitudes of the individual.

Following this assumption and using the method of multidimensional scaling, the author presents location of social attitudes of motivational and need sphere of personality in two-dimensional space. According to the results of analysis, its measurements were defined and presented in the form of oppositions: egocentrism — humanity and pragmatism — perfectionism. It is shown that within the change of degree of students' self-perception as obedient people, their social attitudes change the location in motivational and need sphere of their personality. The strongest changes in the location of attitudes are detected at high degree of

self-perception as obedient personality. It is also shown that the shortest distance, and hence the greater similarity is noted between the social attitudes for the process and freedom, and the largest distance and correspondingly the smallest similarity is noted between the social attitudes for power and process.

Key words: obedience, authority, social attitudes, motivational and need space, multidimensional scaling.

References

1. Andreeva, G. M. (2000). *Psihologiya social'nogo poznaniya* [Psychology of Social Cognition]. Moscow: Aspekt Press.
2. Bodalev, A. A. (1982). *Vospriyatie i ponimanie cheloveka chelovekom* [Perception and Understanding of Man by Man]. Moscow: Publishing House of Moscow State University.
3. Filatova, E. A. & Pchelkina, E. P. (2016, December). Issledovanie harakteristik ideal'nogo Ya pri perfekcionizme [The Study of Ideal-Self's Characteristics at The Perfectionism]. *Nauchnye vedomosti belgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: gumanitarnye nauki* [Scientific Bulletins of Belgorod State University. Series: Humanitarian Sciences], 28, 180–184.
4. Gulevich, O. A. & Sarieva, I. R. (2015). *Social'naya psihologiya* [Social Psychology]. Moscow: Yurajt.
5. Karpenko, L. A. (1998). *Kratkij psihologicheskij slovar'* [Short Psychological Dictionary]. Rostov-on-Don: Feniks.
6. Kuprejchenko, A. B. & Vorob'eva, A. E. (2013). *Nravstvennoe samoopredelenie molodezhi* [Moral Self-Determination of Youth]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ.
7. Mermillod, M., Marchand, V., Lepage, J., Begue L. & Dambrun M. (2015). Destructive Obedience Without Pressure: Beyond The Limits of the Agenticstate. *Social Psychology*, 46 (6), 345–351. doi: 10.1027/1864–9335/a000251
8. Milgram, S. (2016). *Podchinenie avtoritetu: nauchnyj vzglyad na vlast' i moral'* [Obedience to Authority: An Experimental View]. Moscow: Al'pina non-fikshn.
9. Nasledov, A. D. (2012). *Matematicheskie metody psihologicheskogo issledovaniya. Analiz i interpretaciya dannyh* [Mathematical Methods of a Psychological Research. Analysis and Interpretation of Data]. Sankt-Peterburg: Rech'.
10. Rajgorodskij, D. Ya. (Ed.). (2001). *Prakticheskaya psihodiagnostika. Metodiki i testy* [Practical Psychodiagnosis. Technique and Tests]. Samara: Bahrah-M.
11. Sobchik, L. N. (2005). *Psihologiyaindividual'nosti. Teoriya i praktika psihodiagnostiki* [Psychology of Identity. Theory and Practice of Psychodiagnosics]. St. Petersburg: Rech'.
12. Stepanov, S. S. (2005). *Populyarnaya psihologicheskaya jenciklopediya* [Popular Psychological Encyclopedia]. Moscow: Jeksmo.
13. Strizhov, E. Yu. (2015, May). *Kriminalizaciya npravstvennogo soznaniya sovremennoj molodezhi* [Criminalization of the Moral Consciousness of Modern Youth]. *Prikladnaya yuridicheskaya psihologiya* [Applied Legal Psychology], 2, 126–133.
14. Zimbardo, Ph. (2014). *Jeffekt Lyucifera. Pochemu horoshie lyudi prevrashhayutsya v zlodeev* [The Lucifer Effect. Understanding How Good People Turn Evil]. Moscow: Al'pina non-fikshn.

МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ЭТНОС И КУЛЬТУРА В ЭПОХУ ГЛОБАЛИЗАЦИИ»¹

.....

Тучина О. Р.

Тучина Оксана Роальдовна,
Кубанский государственный технологический университет,
350072, Российская Федерация, г. Краснодар, ул. Московская, 2.
Эл. почта: tuchena@yandex.ru.

29–30 июня 2017 г. в г. Сухум (Республика Абхазия) состоялась Международная научная конференция «Этнос и культура в эпоху глобализации». Официальными организаторами конференции стали кафедра философии Кубанского государственного технологического университета и кафедра философии и культурологии Абхазского государственного университета. Конференция носила междисциплинарный характер, собрав для обсуждения заявленных проблем специалистов в области философии, политологии, социологии, психологии, истории.

Центральной проблемой конференции стала проблема трансформации культурных оснований этноса и этнической идентичности человека в глобальном мире. Открывший пленарное заседание д-р филос. наук, профессор Абхазского государственного университета И. Д. Тарба (г. Сухум) рассмотрел особенности этнической ментальности на примере абхазского этноса, подчеркнув, что ментальность, обобщающая духовный опыт народа, адаптацию к природной и социальной среде, является ключевым этнообразующим фактором и определяет историческую судьбу народа на длительную перспективу.

Доктор философских наук, профессор ЮФУ Г. В. Драч (г. Ростов-на-Дону) в своем выступлении обосновал рассмотрение этнической культуры как способа адаптации человека и общества к культурно-исторической среде обитания. В данном контексте этнические формы культуры определяют базовое содержание жизненного мира человека — от архетипов коллективного бессознательного до духовно-нравственных высот этоса народной жизни. Процессы интеграции, коренным образом меняющие цивилизационный ландшафт, грозят раство-

¹ Конференция проведена в рамках реализации проекта РГНФ, грант № 16-13-23020 а(р) «Этническая культура как пространство становления личности в контексте глобализации (на примере исследования самопонимания этнокультурной идентичности молодежью Кубани, Адыгеи и Абхазии)».

рением этнической культуры в культуре массовой, сциентизме и технологиях западной цивилизации. Соответственно, национальные культуры в глобальном мире нивелируются, утрачивается их духовный потенциал.

Большой интерес вызвало обсуждение проблемы идентичности личности в глобализирующемся обществе. Главный редактор журнала «Вопросы философии» доктор философских наук Б. И. Пружинин (г. Москва) в своём докладе подчеркнул, что неустойчивая идентичность, характерная для человека глобального мира, утратившего свои этнокультурные корни, разрушает традиционные основы нравственности и нормы человеческого общежития и выдвигает на первый план ценности консьюмеризма. В итоге человек превращается в агента общества всеобщего потребления, в котором господствуют технологии социального конструктивизма.

Доктор философских наук, профессор АГУ А. Ю. Шадже (г. Майкоп), анализируя в своем докладе кризисные проявления этнокультурной идентичности в современном мире, пришла к парадоксальному выводу о возможности сохранения этнического разнообразия путем укрепления российской национальной идентичности.

Анализ онтологических оснований социокультурных изменений проанализировал кандидат философских наук, доцент КубГТУ И. А. Аполлонов (г. Краснодар), связавший векторы изменения этничности в эпоху глобализации с деконструкцией метафизической вертикали культуры, её трансформацию в гиперреальную ризому симулякров, фундирующую космополитическое мультикультурное общество.

Другой ракурс рассмотрения тематики конференции был связан с проблемой столкновения Своего и Чужого. По мнению доктора философских наук, профессора МПГУ Т. Г. Щедринной (г. Москва), такое столкновение затрагивает глубинные слои национального самосознания и этнической культуры. На исторических примерах эмиграции российских интеллектуалов, пытавшихся сохранить и воспроизвести частицу Русского мира за его пределами, и вхождения абхазского народа в пространство Русского мира Т. Г. Щедринной был проанализирован опыт возможности увидеть себя как Другого. В плоскости этнической культуры подобный опыт запускает противонаправленные процессы консерватизма и социальной адаптации в инокультурном пространстве.

На секционных заседаниях и круглых столах участниками конференции были рассмотрены различные аспекты проблемы развития и трансформации культуры в эпоху глобализации. В рамках работы секции «Духовные ценности современного общества» участники конференции обсудили ряд проблем, связанных с трансформацией нормативно-ценностных оснований современного общества. Объектом дискуссии стала проблема изменения языкового пространства этнической культуры: с одной стороны, как подчеркнул в своём докладе профессор АГУ Г. А. Амкуаб (г. Сухум), новые информационные технологии

многократно усиливают роль СМИ в артикуляции национального самосознания, исторической памяти и культурной самобытности народа; с другой стороны, как показал на конкретных примерах адыгейских СМИ доктор философских наук, профессор КубГТУ П. М. Хакуз (г. Краснодар), происходит качественное изменение национального языка, под воздействием аттракторов глобализации и массовой культуры стирается его самобытность.

Малоизученный ракурс глобализации, связанный с особенностями трансформации классической модели труда в постиндустриальную эпоху, затронула в своём докладе доктор философских наук, профессор ВШЭ Т. Ю. Сидорина (г. Москва), артикулировавшая проблему географической и культурной обусловленности труда в современном мире. Происходит не только изменение в локализации производства, но и отношение к труду как одной из базовых ценностей культуры.

Секция «Трансформация этнических форм культуры в контексте глобализации» объединила ученых, представивших результаты эмпирических исследований этнического сознания и самосознания. Доктор политических наук, профессор АГУ З. А. Жаде (г. Майкоп) проанализировала особенности самоидентификации молодых представителей Адыгеи в контексте взаимосвязи и взаимозависимости региональной и этнической идентичностей. Доктор философских наук, зав. отделом философии и социологии Адыгейского республиканского института гуманитарных исследований Р. А. Ханаху и кандидат социологических наук З. Х. Гучетль (г. Майкоп) вынесли на обсуждение итоги исследования интернет-пространства как способа самопрезентации этнических культур. Результаты исследования отношения студенческой молодежи России и Абхазии к проблеме глобализации были представлены в докладе доктора психологических наук, профессора КубГТУ О. Р. Тучиной (г. Краснодар). Как показали результаты исследования, восприятие глобализации респондентами амбивалентное: с одной стороны, глобализация рассматривается как угроза национально-культурной идентичности этноса, с другой стороны, респонденты воспринимают глобализацию в контексте обретения новых возможностей: информационно-коммуникационных, профессиональных, а также доступности товаров и услуг.

В секции «Современное образовательное пространство в условиях глобализации» были заслушаны сообщения об актуальных проблемах образования. Кандидат психологических наук, доцент АГУ Н. В. Ковалева (г. Майкоп) проанализировала данные исследования, в котором выявлены сходства и различия влияния стрессогенных факторов среды в группах российских и иностранных студентов. Живую дискуссию вызвал доклад Е. В. Крутых, посвященный проблемам российского высшего образования, возникших с вступлением России в Болонский процесс. Перспективы развития современной образовательной системы с учетом возможностей глобализации рассмотрела в своем выступлении аспирантка КГУК Е. В. Булавацкая.

На конференции были представлены монографии доктора философских наук, профессора ЮФУ Г. В. Драча «История философии и теория культуры» и кандидата философских наук, доцента КубГТУ И. А. Аполлонова «Идентичность личности: этнокультурные основания бытия человека в глобализирующемся мире».

В конференции приняли участие ученые, аспиранты и магистранты из Москвы (ИФ РАН, МГУ, МГПУ), Санкт-Петербурга (СПбГУ), Ростова-на-Дону (ЮФУ), Краснодара (КубГУ, КубГТУ, КГУФКСиТ, КГУК), Майкопа (АГУ, АФ РАНХиГС), Сухума (АГУ). По материалам конференции готовится к публикации сборник статей.

Состоявшийся форум позволил выявить и осмыслить особенности глобализации как культурного явления, определить перспективные направления исследования её влияния на этнополитические процессы, трансформацию этнических форм культуры, изменение социальной и личностной идентичности. Представленные на конференции доклады показали, что заявленная тема сочетает в себе актуальность и фундаментальность проблемы, что подтверждается широким кругом обсужденных вопросов и материалами эмпирических исследований.

Статья поступила в редакцию 10.07.2017

.....

INTERNATIONAL SCIENTIFIC CONFERENCE
«ETHNICITY AND CULTURE IN THE ERA OF GLOBALIZATION»

Tuchina O. R.

Tuchina Oksana Roaldowna, Kuban State Technological University, 350072, Russian Federation, Krasnodar, Moskovskaya St., 2. E-mail: tuchena@yandex.ru.

НАШИ АВТОРЫ

.....

Бардин Андрей Леонидович, кандидат политических наук, научный сотрудник, Центр сравнительных социально-экономических и политических исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Борцова Мирослава Владимировна, кандидат психологических наук, доцент кафедры психологии, филиал Кубанского государственного университета в г. Славянске-на-Кубани, Славянск-на-Кубани, Россия.

Волкова Анна Владимировна, доктор политических наук, доцент, доцент кафедры политического управления, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия.

Дахно Виктория Михайловна, аспирант, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Дёмин Андрей Николаевич, доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой социальной психологии и социологии управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Киреева Оксана Васильевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Князев Евгений Борисович, аспирант, Саратовский национальный исследовательский государственный университет имени Н.Г. Чернышевского, Саратов, Россия.

Некрасов Сергей Дмитриевич, кандидат психологических наук, доцент, профессор кафедры психологии личности и общей психологии, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Пантин Владимир Игоревич, доктор философских наук, заведующий отделом, Центр сравнительных социально-экономических и политических исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Педанова Екатерина Юрьевна, кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии и социологии управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Петрова Алиса Юрьевна, студент, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Пищик Влада Игоревна, доктор психологических наук, доцент, профессор кафедры социальной психологии, Южный федеральный университет, Ростов-на-Дону, Россия.

Плотичкина Наталья Викторовна, кандидат политических наук, доцент кафедры государственной политики и государственного управления, Кубанский государственный университет, Краснодар, Россия.

Преображенская Арина Александровна, кандидат политических наук, старший научный сотрудник, Центр сравнительных социально-экономических и политических исследований, Национальный исследовательский институт мировой экономики и международных отношений им. Е.М. Примакова РАН, Москва, Россия.

Спивачук Зоя Вениаминовна, старший преподаватель кафедры гуманитарных и социально-экономических дисциплин, Крымский филиал Российского государственного университета правосудия, Симферополь, Россия.

Тучина Оксана Роальдовна, доктор психологических наук, профессор кафедры философии Кубанского государственного технологического университета, Краснодар, Россия.

OUR AUTHORS

.....

Bardin Andrey Leonidovich, Candidate of Political Sciences, Researcher, Center of comparative socio-economic and political studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Science, Moscow, Russia.

Bortsova Miroslava Vladimirovna, Candidate of Psychology, Associate Professor of the Chair of Psychology, Kuban State University branch in Slavyansk-on-Kuban, Slavyansk-on-Kuban, Russia.

Dakhno Viktoria Mikhailovna, Postgraduate student, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Djomin Andrej Nikolaevich, Doctor of Psychology Science, Head of the Department of Social Psychology and Management Sociology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Kireeva Oxana Vasil'evna, Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of Social Psychology and Management Sociology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Knyazev Evgeny Borisovich. Postgraduate student, Chernyshevsky Saratov State University, Saratov, Russia.

Nekrasov Sergey Dmitrievich, Candidate of Psychology, Associate Professor, Professor of the Chair of Personality Psychology and General Psychology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Pantin Vladimir Igorevich, Dr. Sc. (Philosophy), Head of the Department, Center of comparative socio-economic and political studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Science, Moscow, Russia.

Pedanova Ekaterina Yur'evna, Candidate of Psychology, Associate Professor of the Department of Social Psychology and Management Sociology, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Petrova Alisa Yuryevna, student, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Pishchik Vlada Igorevna, Doctor of Psychology Science, Associate Professor, Professor of Department of Social Psychology, South Federal University, Rostov-on-Don, Russia.

Plotichkina Natalia Viktorovna, Candidate of Political Sciences, Associate Professor of Department of State Policy and Public Administration, Kuban State University, Krasnodar, Russia.

Preobrazhenskaya Arina Alexandrovna, Candidate of Political Sciences, Senior Researcher, Center for Comparative Socio-Economic and Political studies, Primakov National Research Institute of World Economy and International Relations, Russian Academy of Science, Moscow, Russia.

Spivachuk Zoja Veniaminovna, Senior Lecturer of Department of Humanitarian and Socio-Economic Disciplines Russian State University of Justice, Crimean branch, Simferopol, Russia.

Touchina Oksana Roaldovna, Doctor of Psychology Science, Professor of the Chair for Philosophy, Kuban State Technological University, Krasnodar, Russia.

Volkova Anna Vladimirovna, Doctor of Political Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Chair of Political Management, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia.

К СВЕДЕНИЮ АВТОРОВ СТАТЕЙ ДЛЯ ЖУРНАЛА «ЧЕЛОВЕК. СООБЩЕСТВО. УПРАВЛЕНИЕ»

.....

Принимаются научные статьи, рецензии и обзоры объемом до 32 тыс. знаков с пробелами (до 0,8 п.л.) в электронном виде формата Word for Windows приложением по электронным адресам редакции chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (просьба дублировать отсылку материалов).

Авторская справка. Рукопись должна включать сведения об авторе (-ах): ФИО полностью, ученую степень, ученое звание, место работы и занимаемую должность, номера телефона, электронный и почтовый адрес.

Оформление ссылок. Автор обязан оформлять ссылки на источники, из которых он заимствует цитаты, статистические данные и другую информацию. В конце статьи формируется **Библиографический список**, в котором цитируемые (упомянутые) источники группируются в алфавитном порядке. Каждому источнику присваивается порядковый номер. В библиографическом описании источника обязательно указывается место издания и название издательства (кроме периодических изданий), год издания. Вначале указываются источники, изданные на русском языке, затем — на иностранных.

Правила оформления

В ТЕКСТЕ

Используйте метод цитирования «дата — автор» (фамилия автора, год публикации).
Примеры:

- В недавнем исследовании времени реакции (Уолкер, 2000) ...
- Уолкер (2000) сравнивал время реакции...
- Некоторые исследования (Балда, 1980; Камиль, 1988; Пепперберг, Функ, 1990) показывают, что...
- In a recent study of reaction times (Walker, 2000) ...
- Walker (2000) compared reaction times...
- Several studies (Balda, 1980; Kamil, 1988; Pepperberg & Funk, 1990) show that...

Цитируя источники 3-5 авторов, указывайте все фамилии авторов в 1-й раз, в последующие цитирования того же источника — только фамилию 1-го автора:

- (Бабаева, Березанская, Васильев, 2008) ... — *первое цит.*, затем: (Бабаева и др., 2008) ...
- (Harder, Cutler & Rockart, 1992) ... — *первое цит.*, затем: (Harder et al., 1992) ...

Источники личного происхождения (письма, записки, интервью, телефонные беседы, электронная переписка и записи коллективных обсуждений сообщения группы) цитируйте только в тексте:

- (Р. А. Смит, электронная переписка, 10 мая 2009) ...
- (R. A. Smith, personal communication, May 10, 2009) ...

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЙ СПИСОК

Ссылки должны включать: автора, редактора (если он есть), год издания, название и информацию о публикации; и при наличии, DOI (идентификатор цифрового объекта) при цитировании печатных и электронных источников.

Если источник без автора, переместите название на позицию автора; расположите в алфавитном порядке по первым буквам названия.

Для редактируемых книг, не имеющих единого автора поместите редактора на позицию автора, дописав (ред.) или в англ.: (Ed.). — для книг с одним редактором и (Eds.). — для книг с несколькими редакторами.

С заглавной буквы следует писать только 1-е слово названия статьи, названия главы или подзаголовка, также имена собственные.

Курсивом следует выделить название журнала, информационного бюллетеня или название книги.

Если источник имеет нестандартный формат, укажите это в квадратных скобках после названия, для идентификации первоисточника [Брошюра, Файл с данными, Кинофильм, Аудиофайл, Лекции, CD, Видео интернет-трансляция].

Информация о публикации должна включать: город, издательство (для книг); номер тома и/или выпуска, номера страниц (для журналов, информационных бюллетеней).

Выделите курсивом номер тома научного журнала, популярного журнала или информационного бюллетеня; и если каждый выпуск начинается со страницы 1, то укажите номер выпуска (не курсивом) в круглых скобках () после номера тома.

Для статьи в журнале укажите диапазон номеров страниц; для статьи информационного бюллетеня, материалов конференции, книжной главы или газетной статьи перед диапазоном страниц поместите символ «с.» (страница) или «сс.» (страницы) или в англ.: «р.» (страница) или «pp.» (страницы).

Ссылки списка располагаются в алфавитном порядке по фамилии, и затем по инициалам первого автора.

Если автором выступает организация (агентство, ассоциация, учреждение), включите ссылку в список в алфавитном порядке (по первому слову названия организации).

При формировании англоязычного библиографического списка следует транслитерировать фамилии, инициалы авторов, название материала и название периодического издания. Рядом с транслитерированными названиями в квадратных скобках следует указать смысловой перевод названий на английский язык (не курсивом).

ПЕРИОДИЧЕСКИЕ ИЗДАНИЯ

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, с DOI (печатная копия)

- Бабаева, Ю. Д., Попова, Е. Н., Сабадош, П. А. (2008). Творческие способности и ценностная структура личности. *Психология и школа*, 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Babaeva, J. D., Popova, E. N., & Sabadosh, P. A. (2008). Tvorcheskiye sposobnosti i tsennostnaya struktura lichnosti [Creative values and a person's value system]. *Psikhologiya i Shkola* [Psychology and School], 1, 55-59. doi:10.1037/a0012345
- Conner, S., Bloomfield, J., LeBoutillier, J. C., Thompson, R. F., Petit, T. L., & Weeks, A. C. (2009). Eyeblick conditioning leads to fewer synapses in the rabbit cerebellar cortex. *Behavioral Neuroscience*, 123, 856-862. doi:10.1037/a0016370

Статья в популярном журнале, без DOI, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Васюкова, Е. Е. (2012, Май). Развитие шахматного мастерства: Проблемы, принципы, методы. *Спортивный психолог*, 2 (4), 9-15.
- Vasyukova, E. E. (2012, May). Razvitie shahmatnogo masterstva: Problemy, principy, metody [The development of chess skills: Problems, principles, and methods]. *Sportivnyj psiholog* [Sport psychologist], 2 (4), 9-15.
- Gartner, J. (2009, September/October). Dark minds: When does incredulity become paranoia? *Psychology Today*, 42 (5), 37-38.

Статья информационного бюллетеня, каждый выпуск начинается со стр. 1 (печатная копия)

- Быков, Б. Н. (ред.). (2014, Июнь 2). Анонсы событий на предстоящую неделю. *Информационный бюллетень Администрации Санкт-Петербурга*, 20 (871), сс. 1-2.
- Bykov, B. N. (Ed.). (2014, June 2). Anonsy sobytiy na predstoyashchuyu nedelyu [Announcements of events the forthcoming week]. *Newsletter of Administration of St. Petersburg* [Informatsionnyy byulleten' Administratsii Sankt-Peterburga], 20 (871), сс. 1-2.
- Murphy, J. J. (2008, Winter). Seven habits of highly effective school psychologists. *Newsletter of the Washington State Association of School Psychologists*, 30 (2), pp. 1, 8-11.

Статья ежедневной газеты (печатная копия)

- Bakalar, N. (2009, August 11). Five — second touch can convey specific emotion, study finds. *The New York Times* (Late edition). p. 3.
- Putin, V. (2012, February 20). Byt silnymi: Garantii natsionalnoj bezopasnosti Rossii [Being strong: Assurances of national security for Russia]. *Rossiiskaya Gazeta* [Russian newspaper] pp. 1-2.
- Путин, В. (2012, Февраль 20). Быть сильным: Гарантии национальной безопасности России. *Российская газета*. сс. 1-2.

КНИГИ

От одного до семи авторов (печатная копия)

- Murphy, J. J. & Duncan, B. L. (2007). *Brief intervention for school problems: Outcome-informed strategies*. (2nd ed.). New York: Guilford Press.
- Babaeva, J. D., & Voiskounsky, A. E. (2003). *Odarennyi rebenok za komputerom* [The gifted child at a computer]. Moscow: Skanrus.
- Бабаева, Ю. Д., & Войскунский, А. Е. (2003). *Одаренный ребенок за компьютером*. Москва: Сканрус.

Книга, имеющая редактора (ов) (печатная копия)

- Люсин, Д. В., Ушаков, Д. В. (ред.). (2009). *Социальный и эмоциональный интеллект: От процессов к измерениям*. Москва: Институт психологии, Российская академия наук.
- Haugtvedt, C. P., Herr, P. M., & Kardes, F. R. (Eds.). (2008). *Handbook of consumer psychology*. New York, NY: Lawrence Erlbaum Associates.
- Lyusin, D. V., & Ushakov, D. V. (Eds.). (2009). *Socialniy i emocionalniy intellekt: Ot processov k izmereniyam* [Social and emotional intelligence: From processes to measures]. Moscow: Institute of Psychology, Russian Academy of Sciences Publ.

Статья или глава в книге, имеющей редактора или справочнике с двумя и более редакторами (печатная копия)

- Buchanan, T. (2007). Personality testing on the Internet: What we know, and what we do not. In A. N. Joinson, K. McKenna, T. Postmes, & U. D. Reips (Eds.), *The Oxford handbook of Internet psychology* (pp. 445-458). New York: Oxford University Press.
- Vinogradov, Ju. E. (1975). Emocional'naya aktivaciya v strukture myslitel'noy deyatel'nosti cheloveka [Emotional activation in the thinking activity of a human]. In O. K. Tikhomirov (Ed.) *Psikhologicheskie issledovaniya tvorcheskoy dejatel'nosti* [Psychological research of creative activity] (pp. 50-87). Moscow: Nauka.
- Виноградов, Ю. Е. (1975). Эмоциональная активация в структуре мыслительной деятельности человека. В О. К. Тихомиров (ред.) *Психологические исследования творческой деятельности* (с. 50-87). Москва: Наука.

ЭЛЕКТРОННЫЕ ИСТОЧНИКИ

Для главы статьи или книги, к которой получают доступ онлайн без назначенного DOI, используйте URL домашней страницы журнала или издателя.

Не указывайте название онлайн-базы данных, в которой доступен архивный документ, указывайте URL домашней страницы (или титульной страницы) онлайн-архива.

Не указывайте дату обращения к онлайн-источнику, если содержание не изменяется в течение долгого времени (wikis, блоги).

Статья в научном журнале, от одного до семи авторов, без DOI (доступ онлайн)

- Расторгuyeв, С. В. (2013). Опыт бизнеса в политике: миф или реальность? *Человек. Сообщество. Управление*, (3): 100-108. Режим доступа <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Rastorguyev, S. V. (2013). Opyt biznesa v politike: mif ili real'nost'? [A business experience in politics: myth or reality?]. *Chelovek. Soobshchestvo. Upravlenie* [Human. Community. Management], (3): 100-108. Retrieved from <http://chsu.kubsu.ru/index.php/ru/archive-n/2013/2013-3>
- Mazalin, D. & Klein, B. (2008). Social anxiety and the Internet: Positive and negative effects. *EJournal of Applied Psychology*, 4 (2): 43-50. Retrieved from <http://ojs.lib.swin.edu.au/index.php/ejap/article/view/8/157>

Статья в популярном журнале, без DOI (доступ онлайн)

- Чернышов, С. (2014, Июнь). Быстро или долго. *Эксперт Сибирь*, 25 (422). Режим доступа <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Chernyshov, S. (2014, June). Bystro ili dolgo [Quickly or long]. *Ekspert Sibir'* [Expert Siberia], Retrieved from <http://expert.ru/siberia/2014/25/byistro-ili-dolgo/>
- Winerman, L. (2009, September). Playtime in peril. *Monitor on Psychology*, 40 (8). Retrieved from <http://www.apa.org/monitor/>

Статья в газете (доступ онлайн)

- Ravn, K. Habits can be broken, but not forgotten. (2009, April 6). *Los Angeles Times*, Retrieved from <http://www.latimes.com>
- Корягин, В. Нет насилию. (2014, Июнь 16). *Газета.ру*, Режим доступа http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

- Koryagin, V. Net nasiliyu ["No" to violence]. (2014, June, 16). *Gazeta.ru* [Newspaper], Retrieved from http://www.gazeta.ru/science/2014/06/16_a_6071105.shtml

Книга, имеющая редактора, с DOI, (доступ онлайн)

- Здравомыслова, Е., Темкина, А. (ред.). (2007). Российский гендерный порядок: социологический подход. doi:10.1002/9781444345123
- Zdravomyslova, E., & Tyomkina, A. (Eds.). (2007). *Rosyiskyi gendernyi poriadok. Sotsiologitcheskyi podkhod* [Russian gender order. A sociological approach]. doi: 10.1002/9781444345123
- Dunn, D. S., Halonen, J. S., & Smith, R. A. (Eds.). (2008). *Teaching critical thinking in psychology: A handbook of best practices*. doi:10.1002/9781444305173

Статья энциклопедии, имеющая главного редактора (многочисленную редакционную коллегию), без DOI (доступ онлайн)

- Apter, M. J. (2009). Psychological benefits of play. In R. P. Carlisle et al. (Eds.), *Encyclopedia of play in today's society*. Retrieved from http://sage-ereference.com/play/Article_n327.html

Сообщение в блоге

- Grohol, J. M. (2009, March 30). Why do we swear? [Web log post]. Retrieved from <http://psychcentral.com/blog/archives/2009/03/30/why-do-we-swear/>

Правительственный отчет, коллектив авторов (доступ онлайн)

- U. S. Department of Health and Human Services, National Institutes of Health, National Institute of Neurological Disorders and Stroke, Office of Communications and Public Liaison. (2009). *Autism Fact Sheet* (NIH Publication No. 09-1877). Retrieved from http://www.ninds.nih.gov/disorders/autism/detail_autism.htm

Документ (книга) из образовательной базы данных (доступ онлайн)

- Springate, I., Atkinson, M., Straw, S., Lamont, E., & Grayson, H. (2008). *Narrowing the gap in outcomes: Early years (0-5 years)*. [Monograph]. Retrieved from <http://eric.ed.gov>

Диссертация (доступ онлайн из базы данных)

- Helsel, S. D. (2008). *The influence of technology on adolescent development: An eco-cultural analysis of cybersocial activity*. (Doctoral dissertation). Available from ProQuest Dissertations and Theses database. (UMI No. 3322174)

Редакция оставляет за собой право вернуть автору рукопись для приведения библиографических ссылок в соответствии с настоящим стандартом.

Резюме. Рукопись должна включать информативное резюме статьи объемом 800-1000 знаков, содержащее описание сути научного сообщения (основная идея и цель, методы, результаты исследования) на русском и английском языках, а также ключевые слова (не более десяти). К рукописи должны прилагаться: название статьи на английском языке, транслитерированная фамилия автора, транслитерированный и переведенный на английский язык библиографический список.

Авторская справка должна включать в себя сведения о учёной степени и звании, месте работы, должности, а также адрес электронной почты и почтовый адрес учреждения, в котором работает автор.

Редакция журнала располагается по адресу: 350040, Россия, Краснодар, Кубанский государственный университет, ул. Ставропольская, 149, к. 412Н.

Распространение журнала. Журнал распространяется по подписке. С отдельными номерами нашего журнала можно ознакомиться и приобрести их в библиотеке факультета управления и психологии КубГУ — 4-й этаж Нового корпуса, к. 414Н. Библиотека открыта в рабочие дни с понедельника по пятницу с 10 до 17 часов.

TO THE AUTHORS OF HUMAN. COMMUNITY. MANAGEMENT JOURNAL

.....

Research articles, reviews and surveys are accepted not more than 32000 characters long incl. spaces (up 0.8-quire long) as a MS Word for MS Windows document attached to an e-mail at chsu1999@yandex.ru, journal@manag.kubsu.ru (please e-mail at both accounts).

Authorial information. A manuscript must include the information about author/s: full name/s, scientific degree, scientific title, place of work, job position, telephone No., e-mail and postal address.

Designing references. An author must mention the sources in which he/she takes citations, statistical data, and other information. **References** list must appear at the end of an article, in which the cited/mentioned sources must be grouped alphabetically, each numbered. Bibliographical description of a source must include the place of publishing, the name of publishers (except for periodicals), and the year of publishing. Russian-language sources should appear on the list first followed by those of foreign language/s

Making-up reference list. References must be arranged according to APA standard: <http://library.tamu.edu/help/help-yourself/citing-sources/files/Using%20APA%20Format.pdf>

The editor's board reserves the right to return a manuscript to make up references according to the requirements mentioned.

Abstract. A manuscript must include the article's insightful abstract not more than 800-1000 characters long, containing the description of the research message essence (basic idea and goal, methods, results) in Russian and in English, keywords (not more than 10). The following data must accompany the article: the title of the article in English, the author' full name transliterated in Latin characters, the reference list transliterated in Latin characters and translated into English.

The journal publishes articles in the fields of political science, political, public and municipal management and local economies, managerial consulting, general, personal, social, pedagogical, economic and labor psychology, developmental psychology, etc.

Author's certificate must include information about the scientific degree and title, place of work, position, and e-mail address and the institution address where the author works.

.....

Editor's board address: Kuban State University, room 149412H, Stavropolskaya St., Krasnodar 350040, Russian Federation.

Distribution. The journal is distributed by subscription. It is possible to read some issues of the journal at the library of the Dept. for Management and Psychology of KubSU (4th floor of the university new building, room 414H, open Mon — Fri, 10 am — 5 pm).

РЕЦЕНЗИРОВАНИЕ РУКОПИСЕЙ

.....

Рассматриваются для публикации материалы, имеющие высокую степень оригинальности, не публиковавшиеся ранее. В течение 5 дней автор получает уведомление о получении статьи и включении ее в цикл рецензирования. Для проведения рецензирования и экспертизы работ в качестве рецензентов и экспертов могут привлекаться как члены редакционной коллегии и редакционного совета, так и другие высококвалифицированные ученые и специалисты, обладающие глубокими профессиональными знаниями и опытом работы по конкретному научному направлению, как правило, доктора наук, профессора. Рецензентом не может быть автор или соавтор рецензируемой работы. Проводится анализ представленной статьи в режиме «двойного слепого» рецензирования. В течение 30 рабочих дней с даты принятия статьи автору высылается ответ с вариантом мотивированного решения: (1) статья рекомендуется к печати, (2) статья рекомендуется к печати после доработки, (3) статья не рекомендуется к печати. Редакция не знакомит авторов с текстом рецензий, при необходимости сообщая о замечаниях и рекомендациях по доработке статьи.

REVIEWING THE ARTICLES

.....

The materials are considered for publication unpublished before and freshness. In 5 days upon arrival an author receives the acknowledgement letter informing him/her that his/her article has arrived and queued up for peer-reviewing by either editor's board/committee members and/or other highly qualified scientists/experts with deep professional knowledge and practical experience in a specified scientific field, among them being mostly Doctors of Science and Professors. Neither author/s nor co-author/s can be a reviewer. The article presented is analyzed by double-blind peer-reviewing. In 30 days upon the article is accepted the author is sent the answer with a reasoned decision of the following options: (1) the article is recommended to publish, (2) the article is recommended to publish after revision, (3) the article is not recommended to publish. The editor's board is not to supply the applicant with review texts of review but informs him/her about remarks and recommendations if the revision is necessary.